

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

4-2 (51)

журнал выходит четыре раза в год

ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 4-2 (51), 2021

Научный журнал. Издаётся с 1968 г.
Выходит 4 раза в год.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия

*д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Т.Ш. Биттирова,
к.и.н. А.Х. Боров, д.ф.н. А.М. Гутов, д.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Б.А. Мусуков,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
д.ф.н. Х.Т. Тимижев, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

4-2 (51)

the journal comes out four times a year

BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
№ 4-2 (51), 2021

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*; Doctor of Philology *T.S. Bittirova*;
Candidate of History *A.H. Borov*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kумыkova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *B.A. Musukov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *D.N. Prasolov*; Doctor of Philology *H.T. Timizhev*;
Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

<i>Фоменко В.А., Шаов А.Р.</i>	Склеп (кешене) Камгута близ селения Эль-Джурт в верховьях реки Баксан	7
<i>Кожев З.А.</i>	Воинский класс Кабарды: базовые параметры боеспособности	16
<i>Алоев Т.Х.</i>	Маргъущей и Шхагское содружество как элементы инфраструктуры хаджретской эвакуации 1822 г.	27
<i>Варивода Н.В.</i>	Женская составляющая в горско-казацких отношениях в XVIII–XIX вв.	35
<i>Дзуганов Т.А.</i>	Формирование рынка сферы услуг в Нальчикском округе (конец XIX – начало XX вв.)	47
<i>Абаева А.М.</i>	К вопросу о содержании этнонима «горские татары» в учении Готфрида Мерцбахера	56

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Кучмезова Л.Б.</i>	Лексико-семантические особенности значений слов в переводных словарях карачаево-балкарского языка	62
<i>Шэрджэс З.В.</i>	ПлъыфэцІэхэм я псальэщІ Іэмалхэр (Япэ Іыхьэ)	71

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Быхъурэ М.Ф.</i>	ЕщІэнокъуэ ээшхэм теухуа циклым дызыщрихьэлІэ псысэ пкъыгъуэхэр	77
<i>Гутов А.М., Гутова Л.А.</i>	Знак и семантика имени в песенном тексте	87
<i>Гергокова Л.С.</i>	Орнитологические образы в карачаево-балкарском фольклоре	97
<i>Гушева (Занукова) Ф.Х.</i>	К вопросу теоретической разработки и практического применения классификации малых жанров карачаево-балкарского фольклора	105
<i>Хагожеева Л.С.</i>	Цветовая символика в адыгском эпосе	113
<i>Бетуганова Е.Н.</i>	Проблема комического и особенности сатиры и юмора в контексте постсоветской литературы (На примере кабардино-черкесской прозы)	125
<i>Локияланы Ж.М.</i>	Къарачай-малкъар фольклорда ойберлени энчиликлери эм жүрютюлюу амаллары	134
<i>Ёзденланы Ф.Т.</i>	Созайланы Ахматны поэзиясы: къалам жүтюлюгю эм хат энчилиги	143

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

<i>Fomenko V.A., Shaov A.R.</i>	The keshene-crypt of Kamgut near the village of El-Jurt in the upper reaches of the Baksan River	7
<i>Kozhev Z.A.</i>	Military class Kabards: basic parameters of combat ability	16
<i>Aloev T.H.</i>	Marghushchey and the Shkhag community as elements of the infrastructure of the Hajret evacuation of 1822	27
<i>Varivoda N.V.</i>	The female component in mountain-cossack relations in the XVIII–XIX centuries	35
<i>Dzuganov T.A.</i>	Formation of the service market in the nalchik district (late sixteenth – early twentieth centuries)	47
<i>Abaeva A.M.</i>	On the content of the ethnonym «mountain tatars» in the teachings of Gottfried Merzbacher	56

LINGUISTICS

<i>Kuchmezova L.B.</i>	Lexical-semantic peculiarities of word meanings in the translated dictionaries of karachay-balkarian language	62
<i>Cherkesova Z.V.</i>	Methods of formation of adjectives (First part)	71

LITERARY CRITICISM. STUDY OF FOLKLORE

<i>Bukhurov M.F.</i>	Fairy-tale elements in the cycle about the Eshanokovy brothers	77
<i>Gutov A.M., Gutova L.A.</i>	The sign and semantics of the name in the song text ...	87
<i>Gergokova L.S.</i>	Ornithological images in karachay-balkarian folklore ...	97
<i>Gulieva (Zanukoeva) F.H.</i>	To the question of theoretical development and practical application of classification of small genres of karachay-balkarian folklore	105
<i>Khagozheeva L.S.</i>	Colour symbolics in the adyghe epic	113
<i>Betuganova E.N.</i>	The problem of comic and satire and humor in the context of post-soviet literature (Using the example of kabardino-circassian prose)	125
<i>Lokyaeva Zh.M.</i>	Features and functional role of karachay-balkarian parables	134
<i>Uzdenova F.T.</i>	Poetry of Akhmat Sozaev: features of poetics and style	143

Научная статья
УДК 904(470.64)
DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-7-15

СКЛЕП (КЕШЕНЕ) КАМГУТА БЛИЗ СЕЛЕНИЯ ЭЛЬ-ДЖУРТ В ВЕРХОВЬЯХ РЕКИ БАКСАН

Владимир Александрович Фоменко^{1✉}, *Азамат Русланович Шаов*²

^{1,2} Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия

¹ fva2005@gmail.com[✉], <https://orcid.org/0000-0001-7994-7106>

² shaovazamat88@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8082-6616>

© В.А. Фоменко, А.Р. Шаов, 2021

Аннотация. Статья посвящена интерпретации памятников истории старинного селения Эль-Джурт, руины которого сохранились в ущелье реки Баксан на Северном Кавказе. В работе характеризуются основные вехи истории Эль-Джурта. Приводятся данные об общих чертах его застройки, относящейся ко второй половине XVI–XVII в. Более детально говорится о каменном склепе Камгута Крымшамхалова. Также упоминаются башни княгини Гуащэгъагъ и некоторые другие исторические объекты Эль-Джурта.

В статье содержатся сведения из отчетов археолога и историка И.М. Мизиева (1940–1997), хранящихся в научном архиве Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. В данных отчетах наиболее полно зафиксированы памятники Эль-Джурта. К сожалению, большая часть материалов полевых исследований Исмаила Муссаевича остается неопубликованной и в наши дни.

Авторы настоящей статьи приходят к выводу о том, что склеп Камгута XVII в. (Камгут-кешене) является постройкой над захоронением представителя местной знати. Кроме того, Камгут-кешене длительное время функционировал как святилище, непосредственно связанное с культурами воинской доблести и охоты. Форма постройки и технология строительства свидетельствуют о сугубо местных горно-кавказских истоках архитектуры склепа Камгута Крымшамхалова.

Ключевые слова: Северный Кавказ, вторая половина XVI–XVII в., верховья реки Баксан, руины селения Эль-Джурт, склеп Камгута, Камгут-бий, истоки культурных традиций

Для цитирования: Фоменко В.А., Шаов А.Р. Склеп (кешене) Камгута близ селения Эль-Джурт в верховьях реки Баксан // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-2 (51). С. 7–15. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-7-15

Original article

THE KESHENE-CRYPT OF KAMGUT NEAR THE VILLAGE OF EL-JURT IN THE UPPER REACHES OF THE BAKSAN RIVER

Vladimir A. Fomenko^{1✉}, *Azamat R. Shaov*²

^{1,2} Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia

¹ fva2005@gmail.com✉, <http://orcid.org/0000-0001-7994-7106>

² shaovazamat88@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-8082-6616>

© V.A. Fomenko, A.R. Shaov, 2021

Abstract. The article is devoted to the interpretation of the historical monuments of the old village of El-Jurt, the ruins of which have been preserved in the gorge of the Baksan River in the North Caucasus. The study describes the main milestones in the history of El-Jurt. The data on the general features of its development related to the second half of the XVIth – XVIIth centuries are given. It is said in more detail about the stone crypt of Kamgut Krymshamkhalov. Also mentioned are the towers of his wife Guashegag and some other historical sites of El-Jurt.

The article contains information from the reports of the archaeologist and historian I.M. Miziev (1940–1997), stored in the scientific archive of the Institute for Humanitarian Researches of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. In these reports, the monuments of El-Jurt are most fully recorded. Unfortunately, most of the materials of Ismail Mussaevich's field studies remain unpublished today.

The authors of this article come to the conclusion that the crypt of Kamgut of the 17th century. (Kamgut-keshene) is a building over the burial place of a representative of the local nobility. In addition, Kamgut-keshene functioned for a long time as a sanctuary directly connected with the cults of military valor and hunting. The form of construction and construction technology testify to the purely local mountainous Caucasian origins of the architecture of the crypt of Kamgut Krymshamkhalov.

Keywords: North Caucasus, second half of the XVIth – XVIIth centuries, the upper reaches of the Baksan river, the ruins of the village of El-Jurt, the Kamgut crypt, Kamgut-bij, the origins of cultural traditions

For citation: Fomenko V.A., Shaov A.R. The keshene-crypt of Kamgut near the village of El-Jurt in the upper reaches of the Baksan River. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2021; 4-2 (51): 7–15. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-7-15

Селение Эль-Джурт (существуют разные варианты написания этого топонима: Эль-Журт, Эльджурту и др.) было основано в верховьях Баксана не ранее середины XVI в. Известно также, что карачаевцы во главе с биями Крымшамхаловыми, проживавшие в Эль-Джурте, вероятно во второй половине XVII столетия переселились в верховья Кубани [Фоменко 2016] и основали там, существующее в наши дни, селение Карт-Джурт. Название Эль-Джурт дословно переводится с карачаево-балкарского языка как «родина народа», а Карт-Джурт как «старая родина» («эль» – народ, селение, общество; «къарт» – старый; «джурт» – родина, поселение).

Упоминания и краткие описания поселения Эль-Джурт и его памятников содержатся во многих публикациях разного времени. Например, в описании путешествия 1867 г., составленном Н.А. Нарышкиным, собиравшимся посетить Сванетию [Нарышкин 2009: 113–114]. Детальный рисунок склепа Камгута (Рис. 1) имеется в альбоме памятников [Лавров 2009а: 411] начальника Нальчикского округа Д.А. Вырубова [Ахматова, Муратова 2021]. В начале XX в. землемер Н.П. Тульчинский опубликовал легенду о Каншаубие, брате Камгута Крымшамхалова [Тульчинский 2009: 178–182].

Рис. 1. Рисунки склепа Камгута в альбоме Д.А. Вырубова (по Л.И. Лаврову, 2009).

В 1933 году во время археологических разведочных исследований Северо-Кавказской экспедиции Государственной академии истории материальной культуры этот склеп XVII в. был сфотографирован (Рис. 2)*.

Рис. 2. Склеп Камгута. Общий вид. Снимок 1933 года.

* Копия фотографии хранится в научном архиве Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 393-Ф. Л. 32.

Описания руин Эль-Джурта и сведения из фольклорных источников есть в работах советских историков Х.О. Лайпанова [Лайпанов 1957: 27–29] и Л.И. Лаврова [Лавров 2009а: 411–412].

В книге «Памятники истории и культуры Балкарии», написанной современным краеведом М.Т. Абшаевым, содержится описание башен селения Эль-Джурт и данные фольклора о них [Абшаев 2015: 128–129]. Ценная, но краткая информация по истории и современному состоянию селения Эль-Джурт размещена на сайте assia.info [Эль-Джурту: эл. ресурс]. Небольшая работа по истории Эль-Джурта была недавно опубликована одним из авторов этих строк [Фоменко 2016].

Археологические раскопки на территории поселения Эль-Джурт проводились археологом И.М. Мизиевым в 1970 и 1976 гг. [Мизиев 1971; Мизиев, Ступников 1977: 17]. Основные итоги изучения памятников балкарцев и карачаевцев XVII–XVIII вв., в том числе и поселения Эль-Джурт были опубликованы Исмаилом Муссаевичем в монографии «Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории». Однако, к сожалению, полной публикации материалов полевых исследований Эль-Джурта осуществлено не было.

В названной книге И.М. Мизиева приведена общая характеристика Эль-Джурта: «Поселение Эль-Журт располагалось на крутом каменистом склоне горного хребта, на левом берегу Баксана, в 2 км от нынешнего города Тырныауза. Площадь немногим более чем 200 x 400 м, занятая поселением, сейчас завалена камнепадом частых горных обвалов. В настоящее время здесь можно насчитать остатки 50 жилищ, которые располагались террасами. ... Поселение примыкало к двум башенным сооружениям, за которыми закрепилось имя княгини Гошях – жены младшего брата Камгута – Каншаубия. ... Из башен хорошо просматривалась вся территория поселения Эль-Журт. Напротив поселения на правом берегу реки Баксан расположен мавзоль карачаевского князя Камгута Крымшаухалова. ... В настоящее время мавзоль в полуразрушенном состоянии» [Мизиев 1961: 26–31] (Рис. 3).

Рис. 3. Склеп Камгута. Общій вид. Снимок 1970 года.

В наши дни Эль-Джурт представляет собой развалины. Прослеживаются следы жилищ и улиц. Остатки прежних жилых построек концентрируются у

оснований двух сооружений, отождествляемых, с упоминаемыми в фольклорных источниках, башнями княгини Гошях. Большая часть существовавшей застройки находится под обвалами соседних скал.

Склеп или мавзолей Камгут-кешене был построен над погребением Камгута Крымшамхалова, умершего перед свадьбой от оспы. Невесткой Крымшамхаловых была княгиня Гуащэгъагъ (по-карачаевски Гошаякъ бийче) из рода Бибердовых. Ее имя упоминается в адыгском, абазинском и карачаево-балкарском фольклоре. В Эль-Джурте находятся остатки башен (Гошаякъ къала), где жила княгиня [Фоменко 2016: 61–62].

Приведем описание склепа Камгута 1867 года, составленное путешественником Н.А. Нарышкиным: «... небольшое здание каменной постройки в виде часовни, сложенное из крупного булыжника, связанного известковым цементом, а внутри обмазанное известкой. Крыша с сильною покатостью составлена из тонких каменных плит наподобие черепицы, но сложенных весьма неправильно. Здание это имеет вид прямоугольника. Длина его до двух сажень, ширина около сажени. На полтора аршина от земли в нем пробиты два продолговатых окна, одно в аршин вышиною, другое же поменьше, треугольной формы... С трудом проникнув во внутрь этого здания, я увидел, что оно построено над склепом, теперь уже в одном месте проломанном, но несмотря на это довольно хорошо сохранившимся. В самом склепе, также сложенном из камня, связанного цементом и имеющем глубину одну сажень, а длиною около полторы, я нашел хорошо сохранившиеся выдолбленные из соснового дерева гробы, из которых кости были вынуты и лежали в беспорядке в разных местах посреди груд обвалившейся извести, камня и прочего. Несмотря на все старания, я не нашел здесь ничего замечательного кроме нескольких железных гвоздей от гробов. Одна только человеческая берцовая кость поразила меня своею необыкновенною величиною. ... Внутри памятника на стене в некоторых местах я заметил изображение оленей, сделанных весьма неправильно, и очевидно, в то время, когда известка не успела еще высохнуть. Снаружи возле самого окна (большого) заметно такое же очертание руки. К этому памятнику относится следующее ... предание. Здесь жил и в этом склепе был похоронен богатырь Камгут. Жилище его или замок, следы которого заметны на противоположном берегу Баксана, господствует над окружающею местностью. Камгут принадлежал к фамилии Крым-Шамхаловых, потомки которых и теперь находятся в Карачае. В тогдaшнее же время Баксанское ущелье было населено карачаевцами, которые еще не были магометанами. Камгут славился одинаково красотою, удалством и необыкновенною силою. В честь его, а также и брата его Ханчау-Бия (Каншаубия – *примеч. В.Ф. А.Ш.*) и невесты его Кошеях (Гошях – *примеч. В.Ф. А.Ш.*), сложены народом песни, которые до сих пор сохраняются. Он умер от оспы в молодых годах и был похоронен в том склепе, который я осматривал. Долгое время этот памятник служил предметом всеобщего уважения, и никто не осмеливался дотрагиваться до него. Рассказывали, что в минуты, опасные для жителей ущелья, Камгут являлся верхом в полном вооружении и тем наводил страх на врагов, а по миновании опасности неизвестно куда исчезал...» [Нарышкин 2009: 113–114].

Данные различных, прежде всего археологических источников, кратко перечисленные выше, позволяют составить общее описание постройки XVII в., склепа карачаевского бия Камгута Крымшамхалова. Склеп (мавзолей) Камгута был сооружен из обработанных камней. Стены возведены на известковом растворе и сохранили следы штукатурки. Постройка имеет четырехугольную в основании форму, размерами около 6 на 4 м. Высота сохранившихся стен доходит до 3,7 м. Полная высота склепа была около 5 м. Верхняя часть склепа реконструирована (вероятно, лет 20 или 30 назад) (Рис. 4).

Рис. 4. Склеп Камгута. Общий вид. Современное состояние (по В.А. Фоменко, 2016).

Здание имело четырехскатную крышу, крытую имитацией черепицы из местного камня. Внутри склепа имелись изображения оленей (Рис. 5), а снаружи около окна – отпечатки кистей рук.

Рис. 5. Остатки рисунков внутри склепа Камгута (по И.М. Мизиеву, 1970).

В полу мавзолея зафиксирована разрытая могила (Рис. 6), стены которой составляли каменные плиты. Вокруг склепа имеется существенно разрушенная ограда из камня.

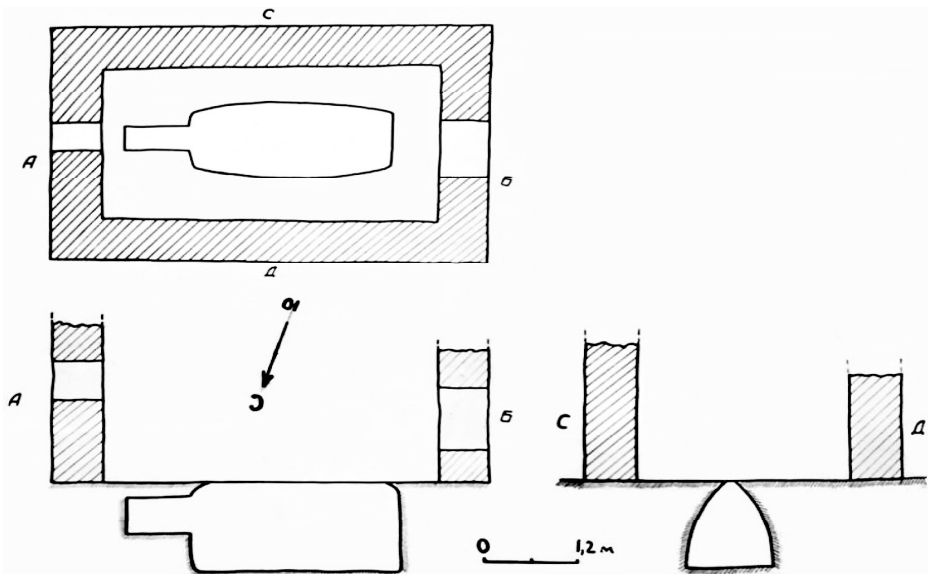

Рис. 6. План и разрезы склепа Камгута в 1970 году (по И.М. Мизиеву).

Таким образом, склеп Камгута XVII в. у селения Эль-Джурт в верховьях Баксана является постройкой над погребением представителя фамилии Крымшамхаловых, относящихся к вершине местной феодальной элиты. Форма постройки и технология строительства свидетельствуют о сугубо местных истоках культурных традиций. Расположение Эль-Джурта, по сути являвшегося резиденцией Крымшамхаловых, на торгово-обменном пути в Сванетию [Нарышкин 2009; Лавров 2009b], позволяет предположить участие сванских мастеров-строителей в возведении склепа Камгут-кешене.

Рисунки на стенах здания, а также данные фольклорных источников, говорят о функционировании Камгут-кешене в качестве святилища, посвященного культукам воинской доблести и охоты [Фоменко, Яновский 2020: 186].

Какие-либо признаки степных (плоскостных) культурных традиций в облике склепа Камгута выявить не удалось, что безусловно свидетельствует о значительной трансформации культуры недавних выходцев из степных районов (данные о приходе в горы Карчи и его спутников).

Список источников

Абшаев 2015 – *Абшаев М.Т.* Памятники истории и культуры Балкарии. Нальчик: Печатный двор, 2015. 382 с.

Ахматова, Муратова 2021 – *Ахматова А.З., Муратова Е.Г.* Начальник Нальчикского округа Терской области Д.А. Вырубов: штрихи к портрету // Всероссийская научно-практическая конференция студентов и молодых ученых «История и культура народов Юга России» (31 марта. ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»). Грозный: Чеченский гос. ун-т, 2021. С. 20–25.

Лавров 2009а – *Лавров Л.И.* Карачай и Балкария до 30-х гг. XIX в. // Лавров Л.И. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2009. С. 367–427.

Лавров 2009б – *Лавров Л.И.* Расселение сванов на Северном Кавказе до XIX в. // Лавров Л.И. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2009. С. 56–61.

Лайпанов 1957 – *Лайпанов Х.О.* К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск: Карач.-Черкес. кн. изд-во, 1957. 68 с.

Мизиев 1961 – *Мизиев И.М.* Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории. Нальчик: Эльбрус, 1981. 124 с.

Мизиев 1971 – *Мизиев И.М.* Отчет об археологических раскопках Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института летом 1970 г. Нальчик, 1971 // Научный архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 34. Л. 2–13. Рис. 1–66.

Мизиев, Ступников 1977 – *Мизиев И.М., Ступников Р.Н.* Отчет об археологических работах у города Тырнауз КБАССР в 1976 г. Нальчик, 1977 // Научный архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 49. 19 с.

Нарышкин 2009 – *Нарышкин Н.А.* Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью в 1867 г. // Балкария. Страна гор и ущелий: этнос, экскурс, орография в текстах и фотодокументах. В 2 томах. Т. I / сост. М. и В. Котляровы. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2009. С. 109–124.

Тульчинский 2009 – *Тульчинский Н.П.* Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области // Балкария. Страна гор и ущелий: этнос, экскурс, орография в текстах и фотодокументах. В 2 томах. Т. II / сост. М. и В. Котляровы. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2009. С. 178–182.

Фоменко 2016 – *Фоменко В.А.* История изучения старинного селения Эльджурт в верховьях реки Баксан // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 6. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2016. С. 61–66.

Фоменко, Яновский 2020 – *Фоменко В.А., Яновский В.С.* Новые данные о Джинальском гроте в верховьях реки Юцы в окрестностях Кисловодска // Кавказология. 2020. № 4. С. 178–191. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-4-178-191>.

Эль-Джурту: эл. ресурс – *Эль-Джурту* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://assia.info/poseleniya/posbaksan/item/237-el-dzhurtu.html> (дата обращения: 8.10.2021).

References

ABSHAEV M.T. *Pamyatniki istorii i kultury Balkarii* [Monuments of history and culture of Balkaria]. Nalchik: Printing yard, 2015. 382 p. (In Russian)

АКХМАТОВА А.З., МУРАТОВА Е.Г. *Nachalnik Nalchikskogo okruga Terskoj oblasti D.A. Vyubov: shtrih k portretu* [Head of the Nalchik district of the Terek region D.A. Vyubov: strokes to the portrait]. IN: *Vserossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya studentov i molodyh uchenyh «Istoriya i kul'tura narodov Yuga Rossii» (31 marta, FGBOU VO «Chechenskij gosudarstvennyj universitet)»* [All-Russian scientific-practical conference of students and young scientists «History and culture of the peoples of the South of Russia» (March 31, FSBEI HE «Chechen state university»)]. Grozny: Chechen state university, 2021. P. 20–25. (In Russian)

LAVROV L.I. *Karachaj i Balkariya do 30-h gg. XIX v.* [Karachay and Balkaria before the 30s of the XIX century]. IN: LAVROV L.I. *Izbrannye trudy po kulture abazin, adygov, karachaevcev, balkarcev* [Selected works on the culture of the abaza, chircassians, karachais, balkarians. Nalchik: Polygraph plant, named after the Revolution of 1905, 2009. P. 367–427. (In Russian)

LAVROV L.I. *Rasselenie svanov na Severnom Kavkaze do XIX v.* [Settlement of the Svans in the North Caucasus before the 19th century]. IN: LAVROV L.I. *Izbrannye trudy po kulture abazin, adygov, karachaevcev, balkarcev* [Selected works on the culture of the abaza, chircassians, karachais, balkarians. Nalchik: Polygraph plant, named after the Revolution of 1905, 2009. P. 56–61. (In Russian)

LAJPANOV H.O. *K istorii karachaevcev i balkarcev* [To the history of karachais and balkarians]. Cherkessk: Karachay-Cherkess book publishing house, 1957. 68 p. (In Russian)

MIZIEV I.M. *Balkarcy i karachaevcy v pamyatnikah istorii* [Balkarians and karachais in historical monuments]. Nalchik: Elbrus, 1981. 124 p. (In Russian)

MIZIEV I.M. *Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh Kabardino-Balkarskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta letom 1970 goda* [Report on the archaeological excavations of the Kabardino-Balkarian scientific research institute in the summer of 1970]. IN: *Nauchnyj arhiv Instituta gumanitarnyh issledovanij Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN* [Scientific archive of the Institute for Humanitarian research of the Kabardino-Balkarian scientific center of the Russian academy of sciences]. Fund 21. Inventory 1. Case 34. Sheets 2–13. Figures 1–66. (In Russian)

MIZIEV I.M., STUPNIKOV R.N. *Otchet ob arheologicheskikh rabotah u goroda Tyrnyauz KBASSR v 1976 g.* [Report on the archaeological work in the vicinity of Tyrnyauz KBASSR in 1976]. Nalchik, 1977. IN: *Nauchnyj arhiv Instituta gumanitarnyh issledovanij Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN* [Scientific archive of the Institute for humanitarian research of the Kabardino-Balkarian scientific center of the Russian academy of sciences. Fund 21. Inventory 1. Case 49. 19 p. (In Russian)

NARYSHKIN N.A. *Otchet gg. Naryshkinyh, sovershivshih puteshestvie na Kavkaz (Svanetiya) s arheologicheskoyu celiyu v 1867 g.* [Report of gg. Naryshkins who made a trip to the Caucasus (Svaneti) with an archaeological purpose in 1867]. IN: *Balkaria. Strana gor i ushchelij: etnos, ekskurs, orografiya v tekstah i fotodokumentah* [Balkaria. Country of mountains and gorges: ethnos, excursion, orography in texts and photographs]: in 2 volumes. T. I / compiled by M. and V. Kotlyarov. Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarovs, 2009. P. 109–124. (In Russian)

TULCHINSKY N.P. *Poemy, legendy, pesni, skazki i poslovicy gorskih tatar Nal'chikskogo okruga Terskoj oblasti* [Poems, legends, songs, fairy-tales and proverbs of the mountain tatars of the Nalchik district of the Terek region]. IN: *Balkaria. Strana gor i ushchelij: etnos, ekskurs, orografiya v tekstah i fotodokumentah* [Balkaria. Country of mountains and gorges: ethnos, excursion, orography in texts and photographs]: in 2 volumes. T. I / compiled by M. and V. Kotlyarov. Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarovs, 2009. P. 178–182. (In Russian)

FOMENKO V.A. *Istoriya izucheniya starinnogo seleniya El'dzhurt v verhov'yah reki Baksan* [History of the study of the ancient village of Eldzhurt in the upper reaches of the Baksan river]. IN: *Arheologiya i etnologiya Severnogo Kavkaza* [Archeology and Ethnology of the North Caucasus. Issue 6. Nalchik: Publishing department of KBIHR, 2016. P. 61–66. (In Russian)

FOMENKO V.A., YANOVSKY V.S. *Novye dannye o Dzhinal'skom grote v verhov'yah reki Yucy v okrestnostyah Kislovodsk* [New data on the Dzhinal grotto in the upper reaches of the Yutsa river in the vicinity of Kislovodsk]. IN: *Kavkazologiya*. 2020. № 4. P. 178–191. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-4-178-191>. (In Russian)

El-Dzhurtu [Electronic resource]. Access mode: <http://assia.info/poseleniya/posbaksan/item/237-el-dzhurtu.html> (date of access: 8.10.2021). (In Russian)

Информация об авторах

В.А. Фоменко – кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором древней истории и археологии;

А.Р. Шаов – научный сотрудник сектора древней истории и археологии.

Information about the authors

V.A. Fomenko – Candidate of Science (History), Associate Professor, Head of the Sector of Ancient History and Archeology;

A.R. Shaov – Researcher of the Sector of Ancient History and Archeology.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.12.2021; одобрена после рецензирования 13.12.2021; принята к публикации 24.12.2021.

The article was submitted 09.12.2021; approved after reviewing 13.12.2021; accepted for publication 24.12.2021.

Научная статья
УДК 93(470.64)
DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-16-26

ВОИНСКИЙ КЛАСС КАБАРДЫ: БАЗОВЫЕ ПАРАМЕТРЫ БОЕСПОСОБНОСТИ

Заурбек Анзорович Кожев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

© З.А. Кожев, 2021

Аннотация. Высокая военная репутация черкесских воинов эпохи средневековья и нового времени является общим местом мировой историографии. Романтизированные представления о черкесской воинственности совершенно заслонили тот факт, что подавляющее большинство черкесского населения занималось военным делом эпизодически. В Кабарде, как и во всех владениях Княжеской Черкесии, военное дело было функцией профессиональной привилегированной корпорации *пцы-уэркъ*, которая была открыта для вступления в нее наиболее способных к воинскому искусству представителей непривилегированных сословий. Образ жизни этой относительно немногочисленной корпорации предполагал абсолютную мобилизационную готовность и непрерывный тренинг, которые позволяли представителям воинского класса Кабарды демонстрировать устойчивое превосходство в столкновениях со всеми своими традиционными противниками на поле боя. Эта тенденция сохранялась и после массового распространения в регионе огнестрельного оружия и унификации всего комплекса военного снаряжения воина-всадника, когда количество, качество и специфика холодного оружия или оборонительных доспехов уже не могли иметь принципиального значения в определении базовых параметров боеспособности черкесских воинов. Важным фактором его высокого уровня на протяжении всей эпохи независимости Кабарды было наличие у ее воинского сословия превосходных лошадей и самобытной традиции их тренинга.

Ключевые слова: Кабарда, военная культура, *пцы-уэркъ*, воинский класс, мобильность, мобилизационная готовность

Для цитирования: Кожев З.А. Воинский класс Кабарды: базовые параметры боеспособности // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-2 (52). С. 16–26. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-16-26

Original article

MILITARY CLASS KABARDS: BASIC PARAMETERS OF COMBAT ABILITY

Zaurbek A. Kozhev

Institute for the Humanities Research – affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

© Z.A. Kozhev, 2021

Abstract. The high military reputation of the chircassian warriors of the Middle Ages and modernity has a specific place in the world historiography. Romanticized opinions about the chircassian militancy completely overshadowed the fact that the overwhelming majority of the chircassian population was engaged in military affairs from time to time.

In Kabarda, as in all possessions of Princely Chircassia, military affairs were the function of the professional favored corporation *pshi-work*, which was open to the entry into it of representatives of the non-privileged estates most capable in martial arts. The lifestyle of this relatively small corporation presupposed absolute mobilization readiness and continuous training, which allowed representatives of the military class of Kabarda to demonstrate sustainable superiority in clashes with all their traditional opponents on the battlefield. This trend continued after the massive proliferation of firearms in the region and the unification of the entire set of military equipment of a warrior-horseman, when the quantity, quality and specificity of cold weapons or defensive armor could no longer be of fundamental importance in determining the basic parameters of the combat capability of chircassian soldiers. An important sign of its high level throughout the entire era of independence of Kabarda was the availability of the excellent horses and an original tradition of their training in its military class.

Keywords: Kabarda, military culture, *pshi-work*, military class, mobility, mobilization readiness

For citation: Kozhev Z.A. Military class Kabards: basic parameters of combat ability. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2021; 4-2 (52): 16–26. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-16-26

Военная культура черкесов и все связанные с ней проблемы и стереотипы являются излюбленной темой российской историографии и мирового адыгovedения. В эпоху средневековья и новое время черкесы заслужили грозную репутацию и славу непревзойденных конных воинов, что нашло отражение в синхронных письменных источниках. Романтизированные представления о специфической черкесской воинственности совершенно заслонили тот факт, что подавляющее большинство населения Черкесии занималось военным делом эпизодически, а основным содержанием его существования и в средние века, и в новое время был производительный труд. Письменные источники эпохи с неизменным интересом обращаются к теме черкесской воинственности, создавая устойчивую аберрацию тотально милитаризованного общества. Наверное, одним из самых ранних и известных описаний черкесов, в превосходных тонах оценивающих их воинские качества, является сочинение рубежа XV–XVI вв. Дж. Интериано «Быт и страна зихов именуемых черкесами. Достопримечательное повествование»: «...Горсточка черкесов обращает в бегство целую толпу скифов (т.е. татар – З.К.), так как черкесы гораздо проворнее и лучше вооружены, лошади у них лучше, да и [сами они] выказывают больше храбрости» [АБКИЕА 1974: 50]. В данном описании сразу же проступает триада факторов, обеспечивавших военное превосходство черкесских воинов над своими традиционными противниками – качественное вооружение, прекрасные верховые лошади, а также «проворство» и «храбрость» в бою, как некий эквивалент высокого военного профессионализма. Начиная с этого времени и вплоть до XIX в., когда Черкесия испытала катастрофический по масштабам кризис и трансформацию в результате Кавказской войны и массового изгнания населения в пределы Османской империи, черкесы поддерживали свою грозную репутацию. Историография вопроса настолько обширна, что даже перечисление и систематизация нарративных источников и специальных работ, посвященных изучению различных аспектов военной культуры черкесов или содержащих интересные сведения по данной проблематике, могло бы стать предметом отдельного большого исследования. Тема черкесской воинственности, высокого военного профессионализма черкесов является общим местом мирового адыгovedения и по сей день возбуждает исследовательский интерес [АБКИЕА 1974; Челеби 1979; Ногмов 1994; Султан Хан-Гирей 2009; Секретная миссия 1999; Кудашев 1991; Алоев 2008; Бгажноков 2004; Вилинбахов 2017; Кожев 2019; Кожев 2020а; Кожев 2020b; Мирзоев 2004; Мирзоев 2015; Мирзоев 2018; Мирзоев 2021; Остахов 2015; Остахов 2016; Остахов 2018; Хотко 2001 и др.]. Повышенный исследовательский интерес к теме не спасает от сохранения многих устойчивых мифов и

стереотипов, сложившихся в эпоху, когда черкесы упорно отстаивали свою независимость от любых посягательств, создавая, тем самым, у своих противников ощущение гипертрофированной и тотальной воинственности. Задачей нашего небольшого исследования является попытка на примере воинского класса Кабарды, как наиболее типичного и хорошо изученного социума в ряду феодальных владений Княжеской Черкесии, выделить ряд объективных факторов, обеспечивавших высокие параметры его боеспособности.

Эпоха феодализма, затянувшаяся в Черкесии вплоть до середины XIX в., это время весьма специфической военной культуры, имевшей универсальные типологические черты от Британии до Японии. Ядро вооруженных сил феодальных государств составляли конные латники – рыцари (от нем. *ritter*, первоначально – «всадник», «наездник»), постепенно превратившиеся в замкнутое сословие, чья военная служба королю и наследственной знати оплачивалась земельными пожалованиями: «В течение всего средневекового периода кавалерия оставалась главным родом войск во всех армиях; у восточных народов это место всегда занимала легкая иррегулярная конница; у народов Западной Европы тяжело вооруженная регулярная кавалерия, формировавшаяся из рыцарства, являлась в этот период тем родом войск, который решал исход каждого сражения. Это преобладание конницы было обусловлено не столько ее собственными достоинствами, – ибо иррегулярная конница Востока была неспособна к правильному бою, а регулярная кавалерия Запада была невероятно неповоротлива в своих движениях, – сколько плохим качеством пехоты» [Энгельс 1957: 212]. Демилитаризация основной массы населения, находившегося в различной степени зависимости от феодальной знати, практически повсеместно привела к деградации пехоты: «... Служба в пехоте стала презираться как атрибут рабов и крепостных ... Пехотинец даже не считался воином; слово *miles* (воин) сделалось синонимом конного воина» [Энгельс 1957: 188–189].

Черкесия не была исключением из правила. Жесткая категориальная дистанция между конным и пешим выражается в известной черкесской поговорке: «Шурэ лъэсырэ я зэхуакуц» (досл. «Разница, как между конным и пешим»), а смерть определяется паремией «Епсыхыжын» (досл. «Спешиться»). Воинский класс Кабарды – *пцы-уэркъ* (т.е. князья и дворяне), рассматривали себя как исключительно военное сословие, чьей основной социальной функцией было формирование профессионального конного ополчения. В «Записке о кабардинцах» из материалов Коллегии иностранных дел, датированной второй половиной 70-х гг. XVIII в., типично средневековое отношение пши-уорков к военному делу как феодальной привилегии выражено весьма категорично: «У них не в обыкновении употреблять своих подданных на войне, если же когда их употребляют, то в самой крайности, что бывает весьма редко, да и то токмо в пехотные полки, а не в конные...» [КРО 1957b: 318]. Непривилегированные сословия Кабарды никогда не были абсолютно демилитаризованной массой. Более того, все источники свидетельствуют о том, что вплоть до конца независимого существования Кабарды доступ в ряды незнатного служилого дворянства, составлявшего подавляющее большинство черкесских уорков, был открыт для представителей зависимых сословий. Даже зависимые крестьяне после личного освобождения и установления вассальных отношений с обязательством постоянной военной службы своему сюзеру, могли быть инкорпорированы в ряды незнатного служилого дворянства. Сюзерен был обязан предоставить новому вассалу *уэркътын* (т.е. «дворянское пожалование»), состоявшее из оружия, боевого коня и зависимых крестьян [Сборник документов... 2003а: 28–30, 92–94; Думанов 1990: 139–145]. Значительная часть непривилегированных сословий – «черные люди», «токашевы», «тукашуки» русских источников (*лъхукъуэцауэ* или *лъхукъуэцо* – досл. «крестьянские витязи»), по имущественному положению примыкавшие к незнатному служилому

дворянству, имели возможность приобретать и содержать верховых лошадей и формировали бездеспешную конницу. По кабардинским обычно-правовым нормам такая конная служба была одной из обязанностей значительной части княжеских подданных: «Чагары (*Луэгу* или *лхужьуэщарэ* – З.К.) княжеские должны из каждого дома всякий день являться верхом на собственной лошади и с оружием для услуг и исполнять все приказания его» [Леонтович 1882: 251]. По источникам XVII–XVIII вв. бездеспешная крестьянская конница составляла до двух третей всей кабардинской кавалерии [КРО 1957а: 384–387; КРО 1957б: 369]. Однако эта конница уже в XVII в. практически не привлекалась к участию в феодальных войнах внутри Кабарды [Кожев 2019; Кожев 2020б]. Хотя в противостоянии с внешними противниками, обладавшими, как правило, подавляющим численным превосходством над Кабардой, представители непривилегированных сословий по необходимости привлекались [КРО 1957б: 369; Бутков 1869: 52–58].

Именно воинский класс Кабарды и Черкесии в целом, а именно многочисленное служилое дворянство, рекрутировавшееся из непривилегированных сословий, было творцом грозной военной репутации черкесов: «Сословие уорк-шаотлехусо (*уэркъ шауэллыгьусэ* – З.К.) составляло вооруженную силу народа. Ему кабардинцы обязаны, главным образом, своими завоеваниями и своею славою, как воинственного и сильного народа» [Кудашев 1991: 113; ИКБ 1967: 204; Сборник документов... 2003а: 28–30, 92–94; Думанов 1990: 139–145]. И все те оценки профессионализма и превосходства над соседями черкесских воинов, которые мы находим в источниках, если не исключительно, то в первую очередь относятся именно к воинскому классу пши-уорков.

Возвращаясь к трем базовым факторам, объективно определявшим параметры боеспособности воинского класса черкесских княжеств, упоминаемым в описании Дж. Интериано, самым сомнительным или, как минимум спорным, нам представляется первый – превосходство черкесов в вооружении. На рубеже XV–XVI вв. традиционная насыщенность Черкесии с ее развитой традицией металлургии и металлообработки качественным длинноклиновым и защитным вооружением могла иметь значение в столкновениях с кочевыми народами (татарами, ногайцами), всегда зависевшими в этом отношении от регионов оседло-земледельческой культуры. Уже в середине XVII в., когда в регионе начался процесс массового распространения огнестрельного оружия, турецкий путешественник Эвлия Челеби, особо отмечая свирепость черкесов в бою («...они вступают в бой как бешеные медведи») и некоторые конструктивные особенности черкесского длинноклинового оружия («...острия их мечей похожи на острия четырехгранных и трехгранных копий»), перечисляет типовой набор вооружения (щит, лук со стрелами, меч, копье, ружье), характерный для всех народов региона [Челеби 1979: 59]. С широким распространением огнестрельного оружия и унификацией всего комплекса вооружения Северного Кавказа и Предкавказья в XVIII – первой половине XIX вв., когда появляется самый многочисленный корпус письменных источников, в превосходной степени оценивающих параметры боеспособности воинского класса Кабарды, утверждать о каком-то принципиальном превосходстве в вооружении черкесских пши-уорков над соседними народами уже сложно. Хотя даже в современной историографии сохраняются старые мифы, например, о непроницаемости легких черкесских панцирей для огнестрельного оружия до появления винтовок [Мирзоев 2021: 200].

Тем не менее, оценки нейтральными военными экспертами базовых параметров боеспособности воинского класса Кабарды, не позволяют усомниться в его качественном превосходстве над типологически сходными милитарными формированиями соседних народов. Мы перечислим лишь наиболее характерные из них. Представитель молдавского правящего дома Д.К. Кантемир в своей «Истории роста и упадка Оттоманской империи», изданной в 1722 г. писал: «Эти люди настолько храбрые,

что по уверению самих татар, насколько 10 крымцев сильнее 15 буджакан (ногайцев Буджаканской Орды – *З.К.*), настолько 5 черкесов сильнее 10 крымцев (курсив наш – *З.К.*)» [Аталиков 1987: 140].

Примерно в это же время астраханский губернатор А.П. Волынский, после посещения Кабарды в следующих выражениях оценивал черкесских пши-уорков: «...Все такие воины, каких в здешних странах не обретаются, ибо, что татар или кумыков (в терминологии XVIII в. «кумыки – синоним термина «дагестанцы» – *З.К.*) тысяча, тут черкесов довольно двух сот (курсив наш – *З.К.*)» [Соловьев 1868: 174]. Оценка А.П. Волынского тем более вызывает доверие, что в целом его характеристика Кабарды и особенно политических нравов ее феодальной элиты первой четверти XVIII в. носит уничижительный характер [Соловьев 1868: 174].

Несколько позднее, в ноябре 1730 г. фельдмаршал князь В.В. Долгорукий, ходатайствуя о прибавке жалования кабардинскому князю Эльмузе Черкасскому (Бекмурзину), служившему при крепости Св. Крест, с целью увеличения последним численности своих дворян-уорков, писал в Коллегию иностранных дел: «... Ему надлежит жалованье прибавить, дабы он больше к себе узденей прибавил, смотря по своему жалованью, понеже в тех узденях немалая есть польза российской прибыль в том, ежели против дагистанцов с нашей стороны выедут узденей 100 человек, то против их не могут стоять ни 300 человек дагистанцов; к тому ж хоша б наших казаков послать 500 человек, а узденей 100, то дагистанцы больше боятца 100 человек узденей, нежели 500 человек казаков» [КРО 1957б: 42–43].

«Описание кабардинского народа», составленное в 1748 г., содержит самое характерное описание вооружения, боевой тактики и оценку боеспособности воинского класса Кабарды: «Ружье у кабардинцев от большей части огненное, а у некоторых и сайдаки ... А сабли и сашки припущенные у каждого кабардинца, да и панциря редкий человек не имеет. Пищали у них крымские и кубачинские, и больше винтопальные, но притом короткие и легкие. Они при драке их с неприятельми ис пищалей стреляют каждый только один раз, а потом все саблями и сашками рубят и колют. Владельцы их при драках поступают весьма отважно и в том пред узденями своими первенствуют, чем и в народе своем большой кредит получают ... Кони у кабардинцев весьма легкие и проворные. И одним словом никакое нерегулярное войско с кабардинцами сравняться не может (курсив наш – *З.К.*)» [КРО 1957б: 158].

И, наконец, в завершение приведем оценку Ф.Ф. Торнау, русского офицера времен Кавказской войны, который в 30-х гг. XIX в. имел возможность на практике оценить боевые качества черкесских воинов: «Кабардинцы, сапсуги (шапсуги – *З.К.*) и все вообще небольшие закубанские общества, принадлежащие к черкесскому племени, составляют лучшую конницу, какую мне встречалось видеть. С ними могут равняться только ногайцы, живущие на левом берегу Кубани, да наши коренные линейные казаки (курсив наш – *З.К.*)» [Секретная миссия 1999: 211].

Обращает на себя внимание то, что все эксперты сравнивают кабардинское конное ополчение с иррегулярными милитарными формированиями народов, у которых существовали типологически сходные, феодальные по духу принципы военной культуры с упором на использование легкой кавалерии восточного типа. Гораздо более важное значения для ее боеспособности, чем вооружение, имели качество конского состава и тренированность всадников. И по эти двум параметрам воинский класс Кабарды имел неоспоримое преимущество перед всеми соседями и военными противниками. Кабарда была поистине центром кавказского коневодства, поставлявшим породистых верховых лошадей на внешние рынки [Кожев 2013]. Цены на черкесских лошадей были устойчиво высокими и на порядок превосходили стоимость верховых лошадей степных пород (татарских, ногайских, калмыцких). Например, в 1647 г. на «государевы деньги» в Кабарде были приобретены и отправлены ко двору царя Алексея Михайловича шесть

лошадей по цене от 25 до 80 рублей. В это же время стоимость лучших калмыцких лошадей колебалась в пределах от 3 до 6 рублей [КРО 1957а: 147, 285]. Еще более существенной была ценовая разница между черкесскими и татарскими лошадьми на восточных рынках. Французский консул в Крымском ханстве К. Пейсонель в середине XVIII в. отмечал, что если обычная цена татарских лошадей составляла 15–20 пиастров, то за черкесских лошадей платили до 200, а лучшие из них стоили баснословных денег: «Черкесские лошади чрезвычайно ценятся. Они высокие, хорошо сложены, чрезвычайно сильные и выносливые как в беге, так и в усталости ... В этой стране (т.е. Черкесии – З.К.) имеются еще более знаменитые лошади, за которых отдают до 8 рабов» [АБКИЕА 1974: 197]. Цена на невольников в Крыму (в зависимости от национальности, пола, возраста, красоты, личных способностей и т.д.) колебалась в очень широких пределах от 60 до 5–6 тыс. пиастров. Т.е. цена лучших адыгских лошадей могла достигать 500 и более пиастров [АБКИЕА 1974: 187–189].

Что касается тренинга всадников, то он был очень интенсивным, продолжался практически всю активную жизнь воина и не имел аналогов ни у одного народа Северного Кавказа. Черкесский воинский класс не только получал военное воспитание, но по наступлению совершеннолетия шесть месяцев в году находился в условиях военных лагерей, в которых происходила перманентная военная подготовка всадников и их лошадей с периодическим применением получаемых навыков на практике: «Весна и осень суть два времени в году, которые можно назвать у черкесов наездническими. Тогда князья, собрав партии молодых дворян, выезжают, как они говорят в поле, где, избрав удобное место, располагаются в шалашах на всю осень или весну. Здесь каждому из них открываются занятия, исправляемые ими с полным удовольствием» [Султан Хан-Гирей 2009: 213]. Занятия эти заключались как в дальних походах на соседние владения, так и полуигровых тайных ночных посещениях молодежью соседних селений с целью захвата скота или иного имущества и даже специально организуемых словесных поединках, в которых оттачивалось ораторское искусство и умение вести полемику [Султан Хан-Гирей 2009: 213–214, 239]. Чтобы проиллюстрировать результаты подобного традиционного тренинга и образа жизни можно привести два очень иллюстративных частных случая военной истории Кабарды, которые как нельзя лучше характеризуют параметры боеспособности ее воинского класса.

В августе 1675 г. князь Каспулат Муцалович Черкасский, возглавлявший вассальное Москве владение Идаровых в устье Терека выступил в поход из Терок на Крым. Его отряд формировался из самых разных контингентов. В самом начале похода в него входили 96 дворян служилых кабардинских князей Хату-мурзы Тлепсердекова и Айдемир-мурзы Татарханова, 55 новокрещенных горцев, 64 человека из числа служилых окочан (родоплеменная группа вайнахов – З.К.), 100 гребенских казаков, 300 астраханских стрельцов во главе со стрелецким головой и тремя сотниками, 11 «астраханских, едисанских, юртовских мурз», 9 «табунных голов», «да с ними татар 145 человек» [КРО 1957а: 351]. После длительного похода от Терок до Царицына, а это более 700 км по прикаспийским и приволжским степям, в начале октября князь К.М. Черкасский был вынужден серьезно переформировать свой отряд, о чем он составил подробную отписку: «И ис того, государь числа астраханских стрельцов выбрали мы, холопи твои, для скорого походу о дву конь, а у иных у дву 3 лошади, итого, стрельцов 180 человек, достальных, государь, стрельцов, больных и у которых лошади попадали, отпустили в Астрахань, 3 человека умре. Да едисанских и юртовских мурз и табунных голов 20 человек, да татар с ними 107 человек. Да терских государь, ратных людей пошло с нами холопи твоими, Хату-мурза да Айдемир-мурза Черкасские, а с ними узденей 96 человек, новокрещеных и окочен о дву конь 40 человек, да гребенских казаков 95 человек. А достальные, государь, астраханские татаровья и терские люди заболели,

а иных лошади пали, отпущены, а иные умре...» [КРО 1957а: 351–352]. Т.е. из всех многообразных категорий служилых людей только черкесские дворяне двух принявших участие в походе кабардинских князей проявили 100% боеготовность! В войнах средневековья и нового времени, в которых длительные изнурительные марши и маневры составляли основную нагрузку на воинов и их боевых лошадей, подобный показатель демонстрирует абсолютную мобильность черкесских дворян, которые прошли более 700 км по безводным степям, не потеряв отставшим ни одного человека! Не абсолютную, но близкую к таковой мобилизационную готовность и боеспособность проявили только гребенские казаки (потери отставшими – 5 чел. из 100), которые с момента формирования войска находились под сильным влиянием военной культуры соседней Кабарды.

Еще один случай дальнего похода кабардинских дворян уже в 40-х гг. XVIII в. демонстрирует параметры боеспособности черкесских пши-уорков непосредственно в боевом столкновении с противником в тактически крайне неблагоприятных условиях. Осенью 1745 г. недалеко от устья Егорлыка черкесы-бжедуги разграбили торговый караван кабардинских, кизлярских и кумыкских купцов. В числе погибших оказался кабардинский дворянин, знатный вассал князей Кайтукиных Ахмет-хан Казанов [КРО 1957б: 157, 163]. Небольшой отряд кабардинских дворян в 70 всадников во главе с двумя князьями, направленный для захвата у бжедуг баранты в счет платы за кровь убитого и разграбленные товары, недалеко от Кубани, на территории формально находившейся под юрисдикцией Крымского ханства, подвергся нападению кубанского сераскира, т.е. официального крымского наместника. Этот случай стал поводом для дипломатического конфликта с участием Кабарды, Крыма и русского правительства, поэтому мы знаем его подробности по версии кабардинцев [КРО 1957б: 157, 162–163]. Кубанский сераскир с отрядом в 300 человек, сначала ночью отогнал почти всех лошадей у кабардинцев, а на следующий день, лишив их мобильности и значительной части боевой мощи, попытался атаковать и взять в плен. В итоге кабардинцы, успевшие отрыть легкие полевые укрепления (шанцы), «...божием спомоществованием оных кубанцов ... разбили и своих лошадей к себе возвратили, при котором случае из оных кубанских один мурза, а [от кабардинцев] два узденя убиты до смерти» [КРО 1957б: 163]. Очевидно, в дальний опасный поход на территорию подконтрольную Крыму были отправлены лучшие из воинов Кайтукиных. Результат боевого столкновения кабардинского отряда с кубанскими ногайцами, которые рискнули напасть на непрошенных гостей лишь после того, как лишили их мобильности и свободы маневра, подтверждает многочисленные свидетельства о высокой индивидуальной подготовке представителей воинского класса Кабарды.

Несмотря на сильные стороны боевого искусства пши-уорков Кабарды и высокие параметры их боеспособности, военная культура черкесов вплоть до конца периода черкесской независимости продолжала сохранять все изъяны, характерные для феодальной эпохи. Поэтому Хан-Гирей, воспитанный в рамках традиционной социализации черкесского аристократа, но при этом получивший современное военное образование, имел все основания для парадоксального на первый взгляд утверждения: «Народ, живущий в вечной войне, казалось бы, должен соделаться большим знатоком в военном искусстве, однако черкесы, на войне выросшие и войною же воспитанные, лишь соделались неподражаемо воинственными, проворными, ловкими, терпеливыми и отважными, *но вовсе или мало приобрели познания в военном деле* (кусив наш – З.К.)» [Султан Хан-Гирей 2009: 260].

Военное искусство черкесов ярко проявлялось в специфических условиях феодальных войн засад, набегов, пленений противника с целью получения выкупа, в столкновениях небольших отрядов от нескольких десятков до нескольких сотен, когда проблемы управления и взаимодействия большого количества людей

не обесценивают блестящей индивидуальной подготовки всадников и их боевых лошадей. В крупных сражениях XVII–XVIII вв., обстоятельства которых нам более или менее детально известны, как правило, победы феодального ополчения Кабарды одерживались над численно преобладавшими традиционными противниками, обладавшими типологически сходной военной культурой, – крымцами, союзными им ногайцами, калмыками, войсками дагестанских феодалов, за счет высокой индивидуальной выучки черкесских воинов, тактических хитростей, грамотного использования сложностей горного рельефа [Челеби 1979: 87–88; КРО 1957а: 203–205; Кожев 2006: 249–251, 256; Кожев 2019; Кожев 2020а: 115–130]. С началом эскалации Кавказской войны недостатки феодальной по духу черкесской военной культуры стали все более очевидны. Та же беспечность и недостаток строгой дисциплины, которые позволили кубанскому сераскиру в 1745 г. ночью отогнать лошадей у отряда дворян Кайтукинского удела Кабарды, привела к катастрофе на Малке в сентябре 1779 г. в ходе первой масштабной кабардино-русской войны. Отсутствие надежного сторожевого охранения в непосредственной близости от вражеского лагеря, которое позволило противнику взять в кольцо и уничтожить элиту феодального войска Кабарды, такой же характерный признак военной культуры пши-уорков, как и упорное пятчасовое сражение окруженных на Малке трехсот черкесских аристократов, поголовно предпочетших смерть бесславному плену [Бутков 1869: 52–58]. Фактически, в отношении оценки параметров боеспособности воинского класса Кабарды могут быть применимы те же критерии, которые были подмечены Наполеоном в конце XVIII в. в типологически сходных условиях за тысячи километров от Кавказа. Это хрестоматийное описание противостояния лучшей иррегулярной кавалерии Востока с худшей на тот момент европейской конницей, блестящего индивидуального боевого искусства с четкой тактической организацией и дисциплиной европейской армии нового времени: «...Наполеоновские драгуны в Египте, являвшиеся, без сомнения, самой плохой регулярной конницей того времени, всегда наносили поражение самым блестящим иррегулярным наездникам – мамелюкам. Наполеон сказал о них, что 2 мамелюка решительно превосходят 3 французов, 100 французов равны 100 мамелюкам, 300 французов обыкновенно разбивают 300 мамелюков, 1000 французов во всех случаях разбивают 1500 мамелюков» [Энгельс 1957: 227].

Список источников

АБКИЕА 1974 – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / сост., ред. переводов, введ. и вступ. статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. 636 с.

Алоев 2008 – *Алоев Т.Х.* Факторы резистентности Большой Кабарды военному натиску Крымского ханства (вторая четверть XVII – первая треть XVIII в.) // Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII в. Исследования и материалы. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2008. С. 186–219.

Аталиков 1987 – *Аталиков В.М.* Страницы истории. Нальчик: Эльбрус, 1987. 208 с.

Бгажноков 2004 – *Бгажноков Б.Х.* Воинский класс и демографическое пространство Черкесии в XVII – середине XIX в. // Вестник КБИГИ. 2004. № 11. С. 45–81.

Бутков 1869 – *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 3. СПб.: Тип. императорской академии наук, 1869. 624 с.

Вилинбахов 2017 – *Вилинбахов В.Б.* Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2017. 280 с.

Думанов 1990 – *Думанов Х.М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата (первая половина XIX в.). Нальчик: Эльбрус, 1990. 264 с.

ИКБ 1967 – История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней в 2-х томах. Т. 1. М.: Наука, 1967. 480 с.

Кожев 2006 – *Кожев З.А.* Политическая история Черкесии (с начала XV в. до 1763 г.) // Адыгская (черкесская) энциклопедия. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. С. 168–203.

- Кожев 2013 – *Кожев З.А.* Черкесское (адыгское) коневодство и всадническая традиция // Исторический вестник. 2013. № 11. С. 3–26.
- Кожев 2019 – *Кожев З.А.* Битва на Малке (1641 г.): классический пример феодальной войны // Кавказология. 2019. № 4. С. 12–25. DOI: 10.31143/2542-212X-2019-4-12-25.
- Кожев 2020а – *Кожев З.А.* Очерки военно-политической истории Черкесии XV–XVII вв. Нальчик: Принт Центр, 2020. 144 с.
- Кожев 2020б – *Кожев З.А.* Численность военно-служилого сословия Кабарды в эпоху зрелости традиционного общества (XVI–XVIII вв.) // Кавказология. 2020. № 4. С. 12–26. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-4-12-26>.
- КРО 1957а – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2-х томах. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 478 с.
- КРО 1957б – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2-х томах. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 424 с.
- Кудашев 1991 – *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик: Эльбрус, 1991. 190 с.
- Леонтович 1882 – *Леонтович Ф.И.* Адамы кавказских горцев. Вып. 1-2. Одесса: Тип. П.А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1882. 850 с.
- Материалы 1990 – Материалы Я.М. Шарданова по обычному праву кабардинцев первой половины XIX в. / сост., введ. и прим. Х.М. Думанова. Нальчик: Эльбрус, 1990. 320 с.
- Мирзоев 2004 – *Мирзоев А.С.* Черкесское наездничество «Зеклуэ» (из истории военного быта Черкесии в XVIII – первой половины XIX в.). Нальчик: Эль-Фа, 2004. 304 с.
- Мирзоев 2015 – *Мирзоев А.С.* Некоторые аспекты традиционной военной культуры черкесов // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 5 (67). С. 171–177.
- Мирзоев 2018 – *Мирзоев А.С.* Военная культура черкесов и связанная с ней терминология // Вестник КБИГИ. 2018. № 1 (36). С. 20–29. DOI: 10.31007/2306-5826-2018-1-36-20-28.
- Мирзоев 2021 – *Мирзоев А.С.* Генезис и эволюция традиционной военной культуры черкесов. Средневековье – Новое время. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2021. 400 с.
- Ногмов 1994 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. 232 с.
- Остахов 2015 – *Остахов А.А.* Роль стрелкового боя в тактике черкесов в XIV–XVIII вв. (на базе археологических материалов) // Археология и этнология Северного Кавказа. 2015. № 4. С. 93–106.
- Остахов 2016 – *Остахов А.А.* Кризис ударной мощи горцев в эпоху Кавказской войны: на примере черкесов // Археология и этнология Северного Кавказа. 2016. № 6. С. 106–111.
- Остахов 2018 – *Остахов А.А.* Кризис рукопашного боя у черкесов в эпоху Кавказской войны (1765–1864) // Археология и этнология Северного Кавказа. 2018. № 8. С. 96–101.
- Сборник документов... 2003а – Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа (1793–1897 гг.). Т. I. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 348 с.
- Сборник документов... 2003б – Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа (1793–1897 гг.). Т. II. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 488 с.
- Секретная миссия 1999 – Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 508 с.
- Соловьев 1868 – *Соловьев С.* Петр Великий на Каспийском море // Вестник Европы. 1868. Т. 2. С. 163–202.
- Султан Хан-Гирей 2009 – *Султан Хан-Гирей.* Избранные труды и документы. Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. 672 с.
- Хотко 2001 – *Хотко С.Х.* Очерки истории черкесов от эпохи киммерийцев до Кавказской войны. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2001. 432 с.
- Челеби 1979 – *Челеби Эвлия.* Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Вып. 2. М.: Наука, 1979. 288 с.
- Энгельс 1957 – *Энгельс Ф.* Избранные военные произведения. М.: Военное изд-во Министерства обороны СССР, 1957. 844 с.

References

Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. [Adygs, balkarians and karachais in the news of european authors of the XIII–XIX centuries] / compilation, editing of translations, introduction and introductory articles to the texts of V.K. Gardanov. Nalchik: Elbrus, 1974. 636 p. (In Russian)

ALOEV T.H. *Faktory rezistentnosti Bol'shoi Kabardy voennomu natisku Krymskogo khanstva (vtoraya chetvert' XVII – pervaya tret' XVIII v.)* [Factors of resistance of Big Kabarda to the military onslaught of the Crimean Khanate (second quarter of the XVIIIth – first third of the XVIIIth century)]. IN: *Kanzhal'skaya bitva i politicheskaya istoriya Kabardy pervoy poloviny XVIII v. Issledovaniya i materialy* [Battle of Kanzhal and the political history of Kabarda in the first half of the XVIIIth century. Research and materials]. Nalchik: IPublishing house of M. and V. Kotlyarovs, 2008. P. 186–219. (In Russian)

ATALIKOV V.M. *Stranitsy istorii* [Pages of history]. Nalchik: Elbrus, 1987. 208 p. (In Russian)

BGAZHNOKOV B.H. *Voinski klass i demograficheskoe prostranstvo Cherkessii v XVII – seredine XIX v.* [Military class and demographic space of Chircassia in the XVIIth – mid XIXth centuries]. IN: *Istoricheskii vestnik* [Historical bulletin]. 2004. № 11. P. 45–81. (In Russian)

BUTKOV P. G. *Materialy dlya novoi istorii Kavkaza s 1722 po 1803 god* [Materials for the new history of the Caucasus from 1722 to 1803]. Ch. 3. St. Petersburg: Printing house of the Imperial academy of sciences, 1869. 624 p. (In Russian)

VILINBAKHOV V.B. *Iz istorii russko-kabardinskogo boevogo sodruzhestva* [From the history of the russian-kabardian military community]. Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarovs, 2017. 280 p. (In Russian)

DUMANOV H.M. *Sotsial'naya struktura kabardintsev v normakh adata (pervaya polovina XIX v.)* [The social structure of the kabardians in the norms of adat (first half of the XIXth century)]. Nalchik: Elbrus, 1990. 264 p. (In Russian)

Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei v 2-kh tomakh. T. 1. [The history of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic from ancient times to the present in 2 volumes. Vol. 1.]. Moscow: Nauka, 1967. 480 p. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Politicheskaya istoriya Cherkessii (s nachala XV v. do 1763 g.)* [Political history of Chircassia (from the beginning of the XVth century to 1763)]. IN: *Adygsкая, (cherkesskaya) entsiklopediya* [Adyghe (chirkassian) encyclopedia]. Moscow: Fund, named after B.H. Akbashev, 2006. P. 168–203. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Cherkesskoe (adygskoe) konevodstvo i vsadnicheskaya traditsiya* [Chircassian (adyghe) horse breeding and equestrian tradition]. IN: *Istoricheskii vestnik* [Historical bulletin]. 2013. № 11. P. 3–26. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Bitva na Malke (1641 g.): klassicheskii primer feodal'noi voiny* [Battle on Malka (1641): a classic example of feudal warfare]. IN: *Kavkazologiya*. 2019. № 4. P. 12–25. DOI: 10.31143/2542-212X-2019-4-12-25. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Ocherki voenno-politicheskoi istorii Cherkessii XV–XVII vv.* [Essays on the military and political history of Chircassia in the XV–XVII centuries]. Nalchik: Print Center, 2020. 144 p. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Chislennost' voenno-sluzhilogo sosloviya Kabardy v epohu zrelosti traditsionnogo obshchestva (XVI–XVIII vv.)* [The number of the military-service class of Kabarda in the era of maturity of traditional society (XVI–XVIII centuries)]. IN: *Kavkazologiya*. 2020. № 4. P. 12–26. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-4-12-26>. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. [Kabardian-russian relations in the XVI–XVIII centuries]: Documents and materials in 2 volumes. Vol. I. Moscow: Publishing house of the AS USSR, 1957. 478 p. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. [Kabardian-russian relations in the XVI–XVIII centuries]: Documents and materials in 2 volumes. Vol. II. Moscow: Publishing house of the AS USSR, 1957. 424 p. (In Russian)

KUDASHEV V.N. *Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode* [Historical information about the kabardian people]. Nalchik: Elbrus, 1991. 190 p. (In Russian)

LEONTOVICH F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev* [Adats of the caucasian highlanders]. Issue 1–2. Odessa: Typography of P.A. Zeleny (formerly G. Ulrich), 1882. 850 p. (In Russian)

Materialy Ya.M. Shardanova po obychnomu pravu kabardintsev pervoi poloviny XIX v. [Materials of Ya.M. Shardanov on the customary law of the kabardians of the first half of the XIXth century] / compilation, introduction and notes by H.M. Dumanov. Nalchik: Elbrus, 1990. 320 p. (In Russian)

MIRZOEV A.S. *Cherkesskoe naezdnichestvo «ZekIue» (iz istorii voennogo byta Cherkessii v XVIII – pervoi poloviny XIX v.)* [Chircassian equestrianism «ZekIue» (from the history of the war life of Chircassia in the XVIIIth – first half of the XIXth century)]. Nalchik: El-Fa, 2004. 304 p. (In Russian)

MIRZOEV A.S. *Nekotorye aspekty tradicionnoj voennoj kul'tury cherkessov* [Some aspects of the traditional military culture of the chircassians]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo*

nauchnogo centra RAN [News of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2015. № 5 (67). P. 171–177. (In Russian)

MIRZOEV A.S. *Voennaya kul'tura cherkesov i svyazannaya s nej terminologiya* [Military culture of the chircassians and related terminology]. IN: *Vestnik KBIGI* [KBIHR Bulletin]. 2018. № 1 (36). P. 20–29. DOI: 10.31007/2306-5826-2018-1-36-20-28. (In Russian)

MIRZOEV A.S. *Genezis i evolyuciya tradicionnoj voennoj kul'tury cherkesov. Srednevekov'e – Novoe vremya* [Genesis and evolution of the traditional military culture of the chircassians. Middle Ages – New time]. Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarovs, 2021. 400 p. (In Russian)

NOGMOV SH.B. *Istoriya adykhetskogo naroda* [The history of the adyghhe people]. Nalchik: Elbrus, 1994. 232 p. (In Russian)

OSTAKHOV A.A. *Rol' strelkovogo boya v taktike cherkesov v XIV–XVIII vv. (na baze arheologicheskikh materialov)* [The role of small arms combat in the tactics of the chircassians in the XIV–XVIII centuries (based on archeological materials)]. IN: *Arheologiya i etnologiya Severnogo Kavkaza* [Archeology and ethnology of the North Caucasus]. 2015. № 4. P. 93–106. (In Russian)

OSTAKHOV A.A. *Krizis udarnoj moshchi gorcev v epohu Kavkazskoj vojny: na primere cherkesov* [The crisis of the striking power of the highlanders in the era of the Caucasian war: the example of the chircassians]. IN: *Arheologiya i etnologiya Severnogo Kavkaza* [Archeology and ethnology of the North Caucasus]. 2016. № 6. P. 106–111. (In Russian)

OSTAKHOV A.A. *Krizis rukopashnogo boya u cherkesov v epohu Kavkazskoj vojny (1765–1864)* [The crisis of hand-to-hand fighting among the chircassians during the Caucasian war (1765–1864)]. IN: *Arheologiya i etnologiya Severnogo Kavkaza* [Archeology and ethnology of the North Caucasus]. 2018. № 8. P. 96–101. (In Russian)

Sbornik dokumentov po soslovnomu pravu narodov Severnogo Kavkaza (1793–1897 gg.) [Collection of documents on the estate law of the peoples of the North Caucasus (1793–1897)]. Vol. I. Nalchik: El-Fa, 2003. 348 p. (In Russian)

Sbornik dokumentov po soslovnomu pravu narodov Severnogo Kavkaza (1793–1897 gg.) [Collection of documents on the estate law of the peoples of the North Caucasus (1793–1897)]. Vol. II. Nalchik: El-Fa, 2003. 488 p. (In Russian)

Sekretnaya missiya v Cherkesiyu russkogo razvedchika barona F.F. Tornau [The secret mission to Chircassia of the russian intelligence officer baron F.F. Tornau]. Nalchik: El-Fa, 1999. 508 p. (In Russian)

SOLOV'EV S. *Petr Velikij na Kaspijskom more* [Peter the Great on the Caspian sea]. IN: *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe]. 1868. Vol. 2. P. 163–202. (In Russian)

SULTAN HAN-GIREY. *Izbrannye trudy i dokumenty* [Selected works and documents]. Maykop: Poligraf-Yug, 2009. 672 p. (In Russian)

HOTKO S.H. *Ocherki istorii cherkesov ot epohi kimmerijcev do Kavkazskoj vojny* [Essays on the history of the chircassians from the cimmerician era to the Caucasian war]. Saint Petersburg: Publishing house of St. Petersburg university, 2001. 432 p. (In Russian)

CHELEBI EVLIYA. *Kniga puteshestviya. Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya* [Travel book. The lands of the North Caucasus, Volga and Don region]. Issue 2. Moscow: Science, 1979. 288 p. (In Russian)

ENGEL'S F. *Izbrannye voennye proizvedeniya* [Selected military works]. Moscow: Military publishing house of the Ministry of Defense of USSR, 1957. 844 p. (In Russian)

Информация об авторе

З.А. Кожев – кандидат исторических наук, зав. сектором средневековой и новой истории.

Information about the author

Z.A. Kozhev – Candidate of History, Head of the sector of medieval and modern history.

Статья поступила в редакцию 10.12.2021; одобрена после рецензирования 20.12.2021; принята к публикации 24.12.2021.

The article was submitted 10.12.2021; approved after reviewing 20.12.2021; accepted for publication 24.12.2021

Научная статья
УДК 94 (470. 64)
DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-27-34

МАРГЪУЩЕЙ И ШХАГСКОЕ СОДРУЖЕСТВО КАК ЭЛЕМЕНТЫ ИНФРАСТРУКТУРЫ ХАДЖРЕТСКОЙ ЭВАКУАЦИИ 1822 г.

Тимур Хазраилович Алоев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, kbigi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Х. Алоев, 2021

Аннотация. В историческом кавказоведении наблюдается отчетливый консенсус относительно понимания хронологической отметки 1822 г. как поворотной вехи в истории Черкесии, когда произошло установление имперского контроля на большей части территорий шхагских княжеств (за исключением кубанского левобережья) вызвавшее массовое переселение жителей Большой Кабарды и Талостанея на кубанское левобережье. Эти события не единожды становились предметом активного интереса исследователей. В настоящей работе предпринимается попытка осмысления тех аспектов процесса формирования массива кабардинского населения в Восточном Закубанье, которые до настоящего времени не оказывались в фокусе исследовательского внимания. В статье оно сосредоточено на выяснении роли таких самостоятельных, и, в то же время, взаимосвязанных факторов хаджретской эвакуации начала 20-х гг. XIX в., как присутствие на кубанском левобережье кабардинского села Маргъушей и Шхагского содружества двух восточночеркесских княжеств – Большой Кабарды и Бесленея.

Ключевые слова: Маргъушей, Большая Кабарда, Бесленей, Шхагское содружество, хаджреты, миграция, военные действия, российское командование

Для цитирования: Алоев Т.Х. Маргъушей и Шхагское содружество как элементы инфраструктуры хаджретской эвакуации 1822 г. // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-2 (51). С. 27–34. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-27-34

Original article

MARGHUSHCHEY AND THE SHKHAG COMMUNITY AS ELEMENTS OF THE INFRASTRUCTURE OF THE HAJRET EVACUATION OF 1822

Timur H. Aloev

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, kbigi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Н. Алоев, 2021

Abstract. There is a clear consensus in historical Caucasian studies regarding the understanding of the chronological mark of 1822 as a turning point in the history of Chircassia. Obviously, we are talking about the establishment of imperial control over most of the territories of the Shkhaga principalities (with the exception of the Kuban left bank) and the resulting massive resettlement of the inhabitants of Great Kabarda and Talostanei to the Kuban left bank. These events more than once became the subject of active interest of researchers. In this work, an attempt is made to comprehend those aspects of the formation

of the mass of the kabardian population in the Eastern Trans-Kuban region, which until now have not been in the focus of research attention. In the article, it focuses on the role of such independent factors as independent time, factors of the hajret evacuation of the early 20s. XIX century. As the presence on the Kuban left bank of the kabardian village of Margushchey and the Shkhag's community of two Eastern Chircassian principalities – Great Kabarda and Beslenei. Accordingly, such tasks led to a two-part composition of the work.

Keywords: Margushchey, Great Kabarda, Beslenei, Shkhag's commonwealth, hajrets, migration, military operations, russian command

For citation: Alov T.H. Marghushchey and the Shkhag community as elements of the infrastructure of the Hajret evacuation of 1822. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2021; 4-2 (51): 27–34. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-27-34

Заключительным аккордом череды военных операций в рамках «ермоловского натиска» на Кабарду стал очередной погром аула Маргъущей летом 1822 г. Группировка войск под командованием генерал-майора Вельяминова атаковала его и «после сильной перестрелки аул был сожжен, и стада его захвачены» [Потто 1904: 58]. Подобному исходу военной акции предшествовала следующая постановка задачи: «Во-первых[,] помешать бежавшим кабардинцам увести свои семьи, а во вторых[,] истребить аул Маргущева, сделавшийся в последнее время разбойничьим притоном **всех** мятежных князей (выделено нами. –Т.А.)». К этому времени «Маргущевская деревня» уже достаточно продолжительное время воспринималась российским командованием как источник нестабильности и, локация, в которой аккумулировались враждебные ему силы. Не позже, чем с 1813 г. это село стало местом притяжения (и оседания) наиболее последовательных противников российского продвижения в стране (князя Адильгеруюко Магомет, Бесланок Джамбот, Ажджеруюко Кушук, Казуюко Карачай). Таким образом, Маргъущей стал важным пунктом сосредоточения «наиболее «пассионарной» части кабардинской аристократии и ключевым звеном в устойчивой коммуникации разных областей Черкесии [Алов 2020: 221]. Обозначенная же целеустановка российского командования обнаруживает то обстоятельство, что и в экстремальных условиях военной кампании 1822 г. (в течение которой вотчина черкесских урков дважды подверглась истреблению) Маргъущей оставался устойчивым очагом резистенции.

Наиболее зримым выражением установки на сопротивление, наряду с открытым противодействием развернутому на центральную Кабарду наступлению, было действительное участие в эвакуации ее населения на левобережную Кубань в 1822 г. Собственно, ее организация и «логистическое» обеспечение даже без участия в военных операциях были актом открытой враждебности имперскому курсу. Однако, в конкретных обстоятельствах военной кампании 1822 г. эти две линии активности составляли единый *modus operandi*. На этом фоне к оценке Маргъущей, как «притону» уже **всех** «мятежных князей» следует относиться не как к заведомой гиперболе, вызванной ситуационной озабоченностью противника, а как к адекватной аттестации сформировавшегося в условиях турбуленций 1822 г. явственно опознаваемого и географически локализуемого центра хаджретской Альтернативы. Из такой оценки проистекает то, что на определенное (пусть и непродолжительное) время Маргъущей стал, своего рода операционной базой хаджретского движения. Скопом причисленные к маргущевцам «мятежные князя» – протагонисты сопротивления в центре Большой Кабарды географически слабо были привязаны к своему «притону» и осуществляли военные акции, в основном, в отдаленных от него районах. И все же действия Хатокшоко Таусултана, Бесланок Асланбека, Касай Исмаила, Хатокшоко Джамбулата и других значимых фигур ведущего восточнчеркесского княжества с момента возобновления открытого военного противостояния с конца 1821 г. были конгруэнтны маргущевским («Чтобы облегчить эмигрантам путь и скорее принять их под свою защиту, значительная

партии горцев, предводимые известными князьями Тау-Султаном Атажукиным и Измаилом Касаевым вошли в наши пределы и заняли ущелья Баксана, Чегема и Черка») [Потто 1904: 66].

При этом диапазон задач, решаемых маргшущевцами, дополнился наряду с привычным планированием и участием в военных акциях на Линии инициативами дипломатического характера. Позитивный потенциал в этом плане обозначился в связи с развернувшимися с начала 1821 г. событиями «Греческой революции». Устоявшийся взгляд российской историографии на эту ситуацию сводится к тому, что «с конца 1821 года, когда между Турцией и Россией возникли несогласия по поводу греческого вопроса, дела на Кубани значительно обострились, и мелкие набеги стали принимать характер уже открытых вторжений. Турецкая пропаганда на Кавказе приняла весьма опасный характер, а занятие Кабарды русскими войсками дало еще больший толчок этому движению. Турция не могла не понимать, что покорение Кабарды есть первый шаг к покорению Черкесии» [Потто 1904: 101].

В целом в фактографическом плане, схему активизации Порты в Черкесии (с некоторыми уточнениями) можно признать валидной. На фоне обострившихся отношений с Россией актуализация такой установки Стамбула была вполне предсказуема. Вместе с тем взгляд на интенции из Босфора как на единственный (или преобладающий) предиктор активности черкесских политий при каждом обострении российско-османских отношений представляется заведомым преувеличением. Относительно начала 20-х гг. XIX в. будет справедливым признание ограниченности ресурсов османов как каузального фактора выстраивания осторожной внешнеполитической линии. Едва справлявшаяся с греками (а некоторое время, одновременно, и с албанцами) [Петрунина 2010: 156–158] Порта не могла себе позволить провоцировать Россию на войну. Поэтому, желая, скорее не насолить православному «покровителю» бунтующих подданных, а сигнализировать о своей способности осложнить жизнь на южных рубежах своего северного контрагента, Стамбул, разумеется, предпринимал определенные усилия по поддержанию российско-черкесских противоречий в подогретом состоянии, но не обостряя ситуацию до крайности. Следует принять во внимание и то обстоятельство, что если российско-черкесское противостояние в секторе шхагских (в особенности, в приграничных с Большой Кабардой районах) княжеств нарастало крещендо примерно с 1818 г., то всплеск революционной активности на турецких Балканах отличался взрывным характером. Катаклизм такого масштаба не мог оставаться незамеченным на Кавказе (в отличие от рутинного, вязкого и малозаметного из имперских центров противоборства в Черкесии). По этой причине у черкесов было больше времени и благоприятных условий для выработки осмысленного отношения к событиям на далеких Балканах и последующего встраивания их потенциала в свою повестку. Поэтому неудивительно, что турецкая активность в Черкесии была замечена только лишь, практически спустя год после начала «греческих событий», т.е. «в начале 1822 г.» [Ракович 1900: 48]. И то, что, согласно российским сведениям «первыми на призыв Турции откликнулись кабардинцы» [Ракович 1900: 48], а не ее номинальные закубанские подданные можно проинтерпретировать и в обратной динамике; что это Порта своевременно артикулировала готовность содействия вошедшим в жесткий клинч с Россией черкесским князьям. Возможно, здесь и имел место случай редкого совпадения пропорционального взаимного интереса мусульманской империи и кавказского княжества. Но, во всяком случае, речь не шла о беспрекословном исполнении спущенного Портой предначертания (хоть бы и подкрепленного золотом). Наоборот, в отличие от периодов открытых российско-турецких конфронтаций сопутствуемых заметным повышением активности Стамбула в регионе, черкесы в данной ситуации сами выступали как акторы, успешно вовлекавшие османов в свою актуальную повестку. Можно полагать, что в этом не последнюю роль играли резиденты «Маргшущевского аула».

В частности, речь идет о князе Адильгерияко Магомете. В «именном списке» кабардинских князей и урков – документе, составленном накануне вторжения 1822 г. он фигурирует как самый долгожительствующий резидент Маргъушей с соответствующей аттестацией («Магомет Адилгиреев – живет 8-й год в Маргушевской деревне что на Кубани[,] и есть возмутитель кабардинцев и за Кубанью») [Трансформация... 2017: 30]. Учитывая длительное пребывание на левобережье Кубани и утвердившуюся репутацию деятельного противника России естественно полагать, что за годы пребывания в западной Кабарде Адильгерияко Магомет был удачлив в налаживании устойчивой коммуникаций с потенциальным союзником в Анапе. Во всяком случае очевидно: констатируя, что «князья, бежавшие от нас за Кубань, вместе со своими подвластными... находили покровительство анапского паши» россияне признавали согласованность в действиях двух сторон. Без предварительной информационно-идеологической подготовки («бросили земли и гробы праотцев, скот и имущество единственно, чтобы сохранить исповедуемую... веру» [Потто 1904: 65] и сверки интересов безоговорочная и оперативная артикуляция поддержки со стороны Порты была бы невозможна. Продолжением проактивной линии хаджетов стало и последующее вовлечение османов в свои инициативы. Весной 1823 г. при находившемся в Анапе Адильгерияко Магомете османы приняли решение направить своих чиновников в ставку черкесских князей на Урупе, во главе с Болотоко Джамбулатом (и с подачи хаджетов) аккумуляировавших силы для операций на кубанском правобережье. Сопровождал их князь Магомет [Потто 1904: 116]. Хотя, с практической точки зрения появление османов не прибавляло сил черкесам присутствие представителей мощной державы среди них накануне выступления имело определенный символический, а возможно и морально-психологический смысл. Сам же «маргушевский князь» принял деятельное участие в последующем болезненном для российского командования ударе по Круглолесской. Судя по всему, оказавшись в арьергарде отряда, отступавшего из-под разгромленной станицы он оказался среди тех, кто прикрывал переправу через Кубань в районе Беломечетской. Источник сообщает, что после кровопролитного ночного (под проливным дождем) боя черкесам был нанесен весомый урон. Наряду с другими среди черкесских потерь числились ранеными Карамурза Али и маргушевский резидент Адилгерияко Магомет. [Потто 1904: 119].

Констатируя же, что Маргъушей в рассматриваемый период предстает в качестве важнейшего логистического, символического и политического узла в реализации хаджетской программы будет справедливо и правомерно признать, что одним из определяющих факторов, обеспечивших подобную позицию кабардинского поселения на кубанском левобережье было Шагское содружество Бесленей и Большой Кабарды. Не вдаваясь в подробное описание случаев экспликации этой структуры в диахронной перспективе на протяжении длительного периода, представляется уместным сосредоточение внимания на динамике ее проявления в контексте сюжетов, развернувшихся в Кабарде в 1822 г. Предварительно отметим только, что с начала российско-черкесского противостояния в 1763 г., практически не было ни одной военной кампании, где так или иначе не была заметна вовлеченность Бесленевского княжества в перипетии борьбы Большой Кабарды за свою независимость. Как и в 1763/65, 1774-м, 1779-м, 1804 гг. не стало исключением и время нарастающей конфронтации в условиях «ермоловского натиска» 1822 г.

На данном этапе сложно говорить о более или менее целостном взгляде на бесленевский след в рассматриваемых пертурбациях – источники скупо отражают этот аспект коллизии 1822 г. Однако даже фрагментарных данных достаточно, чтобы диагностировать весьма ощутимую роль западношагского княжества в один из поворотных моментов черкесской истории. Так, уже в разгар кампании, в марте 1822 г. 14 больших аулов («945 дымов») выселившихся на плоскость под гарантии Ермолова подверглись нападению российских войск. По-видимому,

инициаторам данного эксцесса были адресованы недовольство со стороны вышестоящего начальства. Однако жертвам нападения не было от этого легче. Поэтому черкесы «заявили, что готовы принять прокламацию и покориться, но лишь под тем условием, чтобы им дозволено было жить в горах, а в залог своей верности дать только аманатов. В этом им было отказано». Как отмечает Потто «Тогда, составилось народное собрание, в котором присутствовали **закубанские кадий** (выделено нами. – Т.А.) и положено было вырвать у русских это позволение силой...» [Потто 1904: 49].

«Общее народное собрание кабардинцев» происходило в ауле князя Кильчуко Касбулата (Къьсынхъэблэ). «Коцарев 4-го апреля внезапно двинулся к месту этого сорища, которое едва успело разсеяться, но аул Канчукова (т.е. Кильчуко. – Т.А.) был занят и истреблен после горячей перестрелки». Видимо, в соотношении с внушительностью сконцентрированной для этой операции группировки потери противника показались автору не столь впечатляющими, и он не без удивления констатировал: «Замечательно, что кабардинцы потеряли при этом только 15 человек» [Потто 1904: 50]. Однако судя по торжествующей интонации количество было компенсировано «качеством» так как среди них «в том числе находились: старший эфендий кабардинского народа, **бесленевский кадий, прибывший из-за Кубани** (выделено нами. – Т.А.), и **оба сына [Бесланоко] Арслан-бека...**» В связи с такими перипетиями было признано, что «влияние закубанцев на кабардинские волнения не подлежало сомнению». В целях пресечения этого «влияния» командующий Линии генерал-майор Сталь, оперативно организовал одновременное с действиями Коцарева движение отряда полковника Победнова в район верхней Кубани [Потто 1904: 50].

Однако усилия российского командования по отсечению кабардинцев от каналов действенной поддержки со стороны западношхагского ансамбля акторов можно признать безуспешными. Характеризуя сложившееся положение сразу после завершения основной волны хаджретской эвакуации на кубанское левобережье Д.В. Ракович отмечал: «Кабардинские князья, главные наши недруги, продолжали агитировать против нас и... разсылали... ко всем племенам доверенных лиц с призывом к военным действиям». И как он констатировал, «Закубанье как будто только этого и ждало» [Ракович 1900: 51]. Относящийся к первым месяцам хаджретской эвакуации вышеотмеченный погром станицы Круглолесской вне действительного вовлечения в операцию ресурсов Шхагского содружества объясняется с трудом. Не случайно поэтому при разгоревшемся сражении на переправе через Кубань в ходе отступления от Круглолесской бесленевский фактор был весьма ощутим. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что при перечислении потерь противника в российских документах относящихся к данной коллизии, судя по всему, первыми упомянуты «два бесленевских князя» [Потто 1904: 119]. Этот факт согласуется с тем, что вышеупомянутый отклик «закубанцев» сводился к тому, что тогда «Быстро образовалось множество отдельных вооруженных шаек, с некоторыми представителями княжеских фамилий во главе» [Ракович 1900: 51]. Действенность содружества Бесленя и Кабарды в рассматриваемый период явно проявляется не только в превратностях военных перипетий. В условиях масштабной эвакуации кабардинцев в Восточное Закубанье и сопутствующей ей эскалации военных действий в регионе существенно осложнились возможности продовольственного обеспечения жителей шхагских политий. И здесь вместе с кабардинцами, оказавшимися в бедственном положении еще с ранней весны 1822 г., разделили тяготы войны бесленевцы. Они, наряду (и вместе) с кабардинцами стали решать сложную проблему преодоления продовольственного коллапса, вызванного тяжелыми последствиями военной кампании 1822 г. Командующий Линией сообщал Ермолову, «что ногайские мурзы находятся в полном согласии, как с кабардинцами, так и с другими хищными закубанскими народами. Это

подтверждается тем, что имея у себя в этом году прекрасный урожай, они, под видом якобы крайности, усиленно закупают хлеб у наших ногайцев, очевидно передавая его кабардинцам и бесленеевцам, у которых урожая не было» [Потто 1904: 102]. Несколько странно звучит утверждение о том, что у бесленеевцев не было урожая в то время как у их непосредственных соседей – ногайцев он был «прекрасный». Не говоря о том, что развитие земледельческой культуры у черкесов и недавних кочевников ногайцев был разным, бесленеевское земледелие считалось отменным даже относительно его уровня в других черкесских областях [Сталь 2014: 346]. Но такую вероятность, конечно, исключить нельзя. Однако стоит подчеркнуть, что отсутствие у кабардинцев «хлеба» объяснялось не постигшим их хозяйства неурожаем, а продолжительными военными действиями в центре Кабарды и последующими потрясениями, связанными с переселением на левобережную Кубань. Поэтому забота об обеспечении жизненными припасами в контексте обозначенной решимости к продолжению радикального противодействия имперскому натиску носила актуальный характер для всей системы шхагских политий. В этом контексте очевидно, что вне зависимости от полученного в 1822 г. урожая вовлечение бесленеевцев в приобретение хлеба вышеуказанным способом выступает дополнительной иллюстрацией их «совместничества» с кабардинскими хаджретами.

Понимание прочности шхагского альянса проступает в реакции их соседей – ногайцев (которые, судя по всему, в этот период не были индифферентны к Шхагскому содружеству) на русское предложение выступить против хаджретов. Ногайцы, уклоняясь от навязываемой активности и проявляя дипломатичность, отвечали на это, что «кабардинцы перешли за Кубань в большом числе, **имеют поддержку в других враждебных вам народах**, и бороться с ними мы не в состоянии (выделено нами. – Т.А.)» [Потто 1904: 102]. Принимая во внимание, что в этот период мигранты из Кабарды оседали в Абадзехии, Кемиргое, Махоше и, вероятно Хатукае, и контингенты из этих областей в той или иной мере были задействованы в военных инициативах хаджретов понятно, что под «враждебными народами» наряду с жителями шхагских политий скорее всего подразумевались и кяхские агрегации. Но «поддержка» со стороны последних имела определенные, индицируемые со стороны и операционально значимые (для противника) отличия. Во всяком случае российское командование, в стремлении погасить хаджретский очаг сопротивления на кубанском левобережье прибегало к ощутимо различающимся тактикам при взаимодействии с кяхскими и шхагскими контрагентами. Показательно в этом плане обращение генерала Вельяминова к владельческому князю Кемиргоя Болотоко Мисосту: «С прискорбием услышал я, что на землях ваших поселились некоторые из беглых кабардинцев. Как истинный приятель ваш, желающий вам добра, спешу предварить вас, что люди сии будут причиною разорения владений ваших, если вы не заставите их удалиться из оных. Войска наши везде будут отыскивать их, и тот народ, между коим найдутся кабардинцы, потерпит наравне с ними... Обдумайте это, любезнейший приятель мой, и я уверен, что вы не захотите жертвовать истинными выгодами вашими, пустому тщеславию быть покровителем беглых мошенников» [Потто 1904: 136]. Как по содержанию, так и по интонации данный документ предстает как весьма информативный источник. Не вдаваясь в его детальный анализ обратим внимание на статус, который автор приписывает своему адресату. В его глазах последний – «покровитель», а «нагрянувшие» в его княжество «беглые мошенники», соответственно, клиенты. По этой причине Вельяминов расценивал своего визави в качестве единственного субъекта правомочного решить вопрос с хаджретами. На фоне этого обстоятельства адресация «прокламации» составленной в этот же период к «Закубанским ногайцам, бесленеевцам, башильбаям, абазинцам и кабардинским беглецам, находящимся за Кубанью» [Потто 1904: 143] зримо оттеняет признание российским

командованием продолжающейся дееспособности Шхагского содружества, обладающего консолидированной субъектностью.

Таким образом, рассмотрение сюжетов, связанных с присутствием на левобережной Кубани кабардинского села Маргъущей накануне и в период военной кампании 1822 г., а также анализ модусов активации потенциала кабардино-бесленевского содружества в контексте охватившего регион миграционного движения, позволяют сделать вывод о том, что Маргъущей, как узловой пункт, и Шхагское содружество левобережной Кубани выступили ключевыми акторами хаджретской эвакуации 1822 г.

Список источников

Алов 2020 – Алов Т.Х. Становление хаджретского палладиума: Маргъущей («Маргъушевский аул») в 1804–1819 гг. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2020. № 6 (98). С. 217–223. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-6-98-217-223.

Петрунина 2010 – Петрунина О.Е. Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. Очерки политического развития. М.: КДУ, 2010. 743 с.

Потто 1904 – Потто В.А. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. III. Ч. 2. Тифлис: Тип. Штаба Кавказского военного округа, 1904. 590 с.

Ракович 1900 – Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846. Правый фланг, Персия, Черноморская береговая линия: юбилейный выпуск / сост. Д.В. Ракович; под ред. ген.-майора В.А. Потто. Тифлис, 1900. 396 с.

Сталь 2014 – Сталь К. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказ: Черкесия. Вып. 17. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2014. С. 331–339.

Трансформация... 2017 – Трансформация общественно-политического устройства народов Центрального и Западного Кавказа в источниках 1732–1892. Серия «Быт, личности, история Кавказа в источниках». Вып. 6 / сост. Р.К. Кармов. Нальчик: Принт Центр, 2017. 204 с.

References

ALOEVA T.H. *Stanovlenie hadzhretskogo palladiuma: Marg'ushchej* («Margushevskij aul») v 1804–1819 gg. [Making hadjretian palladium: Margushey («Margushian village») in 1804–1819]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN* [News of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2020. № 6 (98). P. 217–223. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-6-98-217-223. (In Russian)

PETRUNINA O.E. *Grecheskaya naciya i gosudarstvo v XVIII–XX vv. Oчерki politicheskogo razvitiya* [Greece nation and state in XVIII–XX centuries. Essays of political development]. Moscow: KDU, 2010. 743 p. (In Russian)

POTTO V.A. *Uverzhdenie russkogo vladychestva na Kavkaze* [Establishment of russian power in Caucasus]. Vol. III. Ch. 2. Tiflis: Printing house of the Headquarters of the Caucasian military district, 1904. 590 p. (In Russian)

RAKOVICH D.V. *Tenginskij polk na Kavkaze. 1819–1846. Pravyj flang, Persiya, Chernomorskaya beregovaya liniya: yubilejnyj vypusk* [Tenginian regiment in Caucasus. 1819–1846. Right flang, Persia, Chernomorian coastal line: anniversary issue] / composer D.V. Rakovich; edited by major-general V.A. Potto. Tiflis, 1900. 396 p. (In Russian)

STAL' K. *Etnograficheskij oчерk cherkesskogo naroda* [Ethnographic essays of chircassian nation]. IN: *Kavkaz. Cherkesiya* [Caucasus. Chircassia]. Issue 17. Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarovs, 2014. P. 331–339. (In Russian)

Transformaciya obshchestvenno-politicheskogo ustrojstva narodov Central'nogo i Zapadnogo Kavkaza v istochnikah 1732–1892 [Transformation of social-politic design of nations of Central and Western Caucasus in sources of 1732–1892]. Series «Life, personalities, history of the Caucasus in sources». Issue 6 / compiled by R.K. Karmov. Nalchik: Print Center, 2017. 204 p. (In Russian)

Информация об авторе

Т.Х. Алоев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора Средневековой и Новой истории.

Information about the author

T.H. Alov – candidate of historical sciences, senior researcher of the medieval and modern history sector.

Статья поступила в редакцию 05.12.2021; одобрена после рецензирования 13.12.2021; принята к публикации 24.12.2021.

The article was submitted 05.12.2021; approved after reviewing 13.12.2021; accepted for publication 24.12.2021.

Научная статья
УДК 947 (075.8)
DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-35-46

ЖЕНСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ГОРСКО-КАЗАЧЬИХ ОТНОШЕНИЯХ В XVIII–XIX ВВ.

Наталья Владимировна Варивода

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, variks1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2980-9212>

© Н.В. Варивода, 2021

Аннотация. В статье представлены некоторые аспекты межэтнических отношений на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв. Продолжительное время соседствуя и взаимодействуя с кавказскими народами, казачество впитывало в свою культуру и быт новые черты, одновременно передавая часть своих горцам. Показано как это взаимовоздействие проявилось в сфере женских интересов, а также в их судьбах. Происходил процесс непосредственного включения казачек в процесс интеграции кавказских народов в состав Российского государства в рамках как военного противостояния, так и торгово-дружеского взаимодействия. Исследуются основные факторы, повлиявшие на эволюцию менталитета и поведенческих стереотипов казачек: военная агрессия горцев; наличие мирных аулов; торговые, куначеские и аталычские отношения с кавказцами; родственные связи с женщинами и детьми горцев и т.д. И если нападения горцев способствовали выработке боевых навыков, то остальные факторы наоборот приводили к снижению потенциальной ксенофобии, к развитию взаимопонимания и добрососедских отношений. Особое влияние на стабилизацию межэтнического взаимодействия оказывала практика заключения русско-горских браков. В статье подчеркивается роль женщины, как стабилизирующего фактора в отношениях между казаками и горскими народами.

Ключевые слова: Северный Кавказ, женщина, казачки, горянки, взаимоотношения, хозяйство, брак, семья

Для цитирования: Варивода Н.В. Женская составляющая в горско-казацких отношениях в XVIII–XIX вв. // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-2 (51). С. 35–46. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-35-46

Original article

THE FEMALE COMPONENT IN MOUNTAIN-COSSACK RELATIONS IN THE XVIII–XIX CENTURIES

Natalia V. Varivoda

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, variks1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2980-9212>

© N.V. Varivoda, 2021

Annotation. The article presents some aspects of interethnic relations in the North Caucasus in the XVIII–XIX centuries. For a long time, being neighbors and interacting with the Caucasian peoples, the Cossacks absorbed new features into their culture and way of life, at the same time transferring some of their own to the highlanders. It is shown how this interaction manifested itself in the sphere of women's interests, as well as in their destinies. There was a process of direct inclusion of the Cossacks in the process of

integration of the Caucasian peoples into the Russian state within the framework of both military confrontation and trade and friendly interaction. The main factors that influenced the evolution of the mentality and behavioral stereotypes of the Cossacks are investigated: military aggression of the Highlanders; the presence of peaceful villages; trade, kunach and atalych relations with the Caucasians; kinship with women and children of the Highlanders, etc. And if the attacks of the mountaineers contributed to the development of combat skills, the other factors on the contrary led to a decrease in potential xenophobia, to the development of mutual understanding and good-neighborly relations. The practice of concluding Russian-mountain marriages had a special influence on the stabilization of interethnic interaction. The article emphasizes the role of women as a stabilizing factor in the relations between the Cossacks and the mountain peoples.

Keywords: North Caucasus, woman, cossacks, mountain women, relationships, economy, marriage, family

For citation: Varivoda N.V. The female component in mountain-cossack relations in the XVIII–XIX centuries. Vestnik KBIGI = KVIHR Bulletin. 2021; 4-2 (51): 35–46. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-35-46

Происшедшие в российском обществе решительные перемены повлекли за собой всплеск социально-политической активности женщин. Возросшая роль женщины в современном мире делает проблему исследования значимости и места женщины в обществе особенно актуальной.

Жизнь гражданского населения Северного Кавказа, особенно в период Кавказской войны, слабо представлены в науке. В свою очередь, это мешает складыванию полноценной картины существования казачества в тот период, в частности касаясь вопросов участия и роли женщин в процессах взаимодействия казаков и горцев. Это, безусловно, актуализирует избранную нами тему исследования.

Связи казаков и горцев, имевшие длительное время спорадический характер, с конца XVIII в. становятся все более и более регулярными, казачество начинает превращаться в одну из равноправных сторон северокавказского общества, а в XIX в. их исторические судьбы оказались нераздельно связанными друг с другом, поскольку происходил активный процесс вхождения казачества в этнокультурное и экономическое пространство региона. Оказавшись в иноэтническом окружении и находясь в непосредственном контакте с местным населением, казачество впитывало в свою культуру и быт новые черты, одновременно передавая часть своих культурных навыков горцам. По-особому это взаимовоздействие проявилось в сфере женских интересов, а также в их судьбах. Повседневная жизнь казачек Северного Кавказа проходила на стыке многообразного взаимодействия казачества с горцами, включавшего как военную агрессию, так и торговые, дружеские и даже родственные отношения между обеими сторонами.

Уклад жизни каждого народа характеризуется определенными особенностями, свойственными только этому народу или этнической группе. Особый военизированный быт горских народов и казаков, безусловно, способствовал созданию у них своеобразных черт характера [Мутиева 2010: 212]. На это обращала внимание Л.Б. Заседателяева, по мнению которой, «безусловно, факторы внешнего порядка: затяжные русско-иранские войны, походы крымских татар и междоусобные распри северокавказских феодалов – все это с самого начала накладывало сильный отпечаток на быт и культуру казачьего населения края, способствовало созданию своеобразного военизированного уклада жизни...» [Заседателяева 1984: 38].

Определенный уклад жизни, накладывал свой отпечаток и на женщину. А.А. Цыбулькикова считает, что наиболее военизированными были те, «кто жил или в пограничных районах, или в условиях междоусобных войн, именно в таких условиях женщинам приходилось заниматься самообороной. Сугубо пограничной является воинственность российских казачек, в том числе и «кавказских» (гребенских, терских, кубанских). В силу принадлежности к воинскому сословию и частому вовлечению в пограничные столкновения казачки в большинстве своем

обладали не только специфическим военно-адаптированным менталитетом, но и вполне конкретными боевыми навыками – владели шашкой, кинжалом, ружьем, пистолетом» [Цыбульникова: эл. ресурс].

То есть, суровые реалии пограничной жизни потребовали от казачек новых умений. Они стремились получить боевые навыки не из праздного любопытства, а из необходимости, диктуемой военной реальностью. Приемы обращения с холодным и огнестрельным оружием давали казачкам больше шансов выжить при нападениях неприятеля, как на них лично, так и на их станицы. Мужья старались научить жен необходимым навыкам обороны и управления конем. Известны примеры участия казачек в соревнованиях по наездничеству и джигитовке. Воспитанию боевого духа служили рассказы стариков о ратных подвигах и доблести предков, которые рассказывались не только мальчикам, но и девочкам [Цыбульникова 2004b: 59].

Постепенно у женщин-казачек сформировалось военизированное мировоззрение, позволяющее им заменить мужей не только в хозяйственной, но и в военной сфере жизни, в рамках последней и происходило столкновение казачек с горцами. В истории казачества отмечено немало фактов, когда женщины принимали участие в боевых действиях по обороне своих станиц наравне с мужчинами.

В.А. Потто отмечает, что в 1774 г., во время первой русско-турецкой войны, станицу Наурскую осадил отряд неприятеля численностью до 8000 человек [Потто 1994: 78]. Нападавшие знали о том, что строевые казаки еще не вернулись из похода, и в станице, помимо легионной команды, находятся лишь старики, женщины и дети, поэтому рассчитывали легко захватить Наурскую. Казачки в парадной одежде с ружьями, косами и серпами в руках встали плечом к плечу с защитниками станицы. Женщины жгли костры, кипятили воду и смолу, которыми обливали нападавших, подтаскивали ядра, перекатывали орудия, а также принимали участие в рукопашных стычках. Встретив ожесточенное сопротивление и не добившись своей цели, противник вынужден был отойти, потеряв убитыми около 800 человек. Комендант Моздока, в своем донесении об этой битве писал: «Некоторые не только казачьи жены, но и девки, иные с ружьями, а прочие с косами к отражению неприятеля так вспомоществовали, что из баб оказались такие, кто из ружей стреляли зарядов до двадцати, а одна из них, будучи с косой, у неприятеля, при устремлении его на вал к рогатке, срезала голову и завладела его ружьем» [Потто 1991: 264].

В.А. Потто указывает, что «оборона Наура была первым случаем, когда от кавказской женщины понадобилась серьезная и опасная боевая служба. Впоследствии она уже не расставалась с ней и сроднилась как с чем-то неизбежным среди суровой обстановки порубежного быта» [Потто 1994: 79]. Указом Екатерины II особо отличившиеся казачки были награждены медалями, а дни 10 и 11 июня отмечались в станице как особый Бабий праздник [Щупленков 2016: 29].

О смелости и решительности наурских казачек писал декабрист А.П. Беляев, живший в Науре в 1840-х гг.: «Случались иногда и геройские подвиги со стороны казачек. Рассказывали, как одна казачка, уже похищенная и увлекаемая через реку, выцарапала руками глаза своему похитителю и успела спастись вплавь» [Беляев 1882: 475].

Подобным героизмом отличались не только наурские казачки. Очень часто в станицах можно было встретить женщин, награжденных боевыми медалями. Так, за храбрую оборону обоза от нападения горцев в 1826 г. под Екатеринодаром все участвовавшие в бою казачки получили пайковое содержание, а особо отличившиеся были награждены медалями.

В историю славы казачества вписала свое имя Марианна Горбатко, жена командира Липкинского поста, которая погибла вместе с мужем в рукопашной схватке при нападении многократно превосходящих сил горцев на пост 4 сентября

1862 г. Ее храбростью были потрясены даже нападавшие, а на месте ее гибели до сих пор стоит памятник [Щупленков 2016: 34].

В «Военном вестнике» за 1870 год описан случай, когда шестеро горцев напали на шестнадцатилетнюю казачку Анну Сердюкову, работающую на огороде за пределами станицы. Будучи раненой, она смогла убить нападавших. За свой подвиг Анна Сердюкова получила золотую медаль за храбрость на георгиевской ленте, пожизненный пансион в 50 рублей серебром и золотой браслет – подарок главнокомандующего, князя Воронцова [Кубанский, Басханов 1990: 3].

Все вышеперечисленные примеры доказывают, что героизм отдельных казаков основывался не просто на личной храбрости, но в первую очередь на военных традициях казачества [Цыбульникова 2012: 107].

Случай с Анной Сердюковой являлся далеко не единственным. Казачкам было крайне сложно выполнять хозяйственные обязанности вне территории станиц, так как их выезды на работы в поле, на огород, в степь, в лес, на водоем или по другим делам требовали беспрецедентных мер безопасности и были сопряжены с риском для жизни. Так, 10 % пострадавших от горцев женщин попали в плен, были убиты или ранены в результате нападения закубанцев вне населенных пунктов, во время хозяйственных работ на околотаничных участках и во время поездок в другие населенные пункты [Цыбульникова 2012: 100].

Так, черноморская казачка Матрона Хандрумайлова, которая «1836 года января 6 дня доставлена при донесении Екатеринодарской карантинной конторы от 5 января за № 21 в дежурство Черноморской линии, вымененная от черкес из-за Кубани...», свидетельствовала, что «зовут меня так точно, как выше значится, лет от роду 30-ть, веры православной, у исповеди и причастия святых таен ежегодно бывала, уроженни от отца Павла и матери Селевновых, Войска Черноморского жительна города Екатеринодара, назад тому, не припомню какого числа, в июле месяце прошлого 835 года в первый день Петрова поста я имела отлучку по собственной надобности для нарубки хвороста, в Черном лесе, воротясь оттуда, минувши Елизаветинский курень расстоянием, как полагать, верст 4-ре от онаго вдруг, неизвестно где взялись, 5 человек пеших шапсугов схватили, а ехавшая со мною женщина, по имени и призвании неизвестна, скрылась в камыш, тем спаслась, а меня увезли с собою за Кубань в горы. В ауле мне неизвестном, а называемом Абазсхский, проживши в оном полтора месяца, после того продали далее в горы армянину и двум черкесам абазсхам же, мне неизвестным, за две штуки рогатого скота и медный котел, пробывши в них до того времени, пока явились в горы покупатели русских пленных и армянин Иванес, который, купивши, доставил меня на Екатеринодарский меновой двор. Что же касается до чумной заразы и других болезней в горах, я не заметила и о намерениях горцев напасть на границы наши каких либо сборищ я не видела, русских же пленных в горах проживает много» [Клычников 2010: 192].

Горские набеги были одним из деструктивных факторов, который дестабилизировал ситуацию на Северном Кавказе. Часто жертвой «хищников» становились женщины, которые являлись для них желанной добычей. Основной целью нападения горцев на казачек являлось их пленение с дальнейшей продажей или использованием в качестве служанок, наложниц или жен. Главными покупателями «живого товара» являлись другие горцы, турецкие контрабандисты, а также российская сторона, оплачивавшая возвращение пленниц на родину [Цыбульникова 2004а: 15].

Горцы собирались в большие партии осенью, так как большая часть боеспособных мужчин освобождалась от сельскохозяйственных работ, и совершали массовые нападения. Так, в октябре 1831 г. при нападении закубанцев на ст. Григорополисскую 1 женщина была убита, 4 – ранено, 103 попало в плен. А в ноябре 1842 г. горцы захватили 87 женщин и детей в ст. Темнолесской. Весной в связи с апрельским таяньем льдов большинство происшествий приходилось на март и

май. Именно в мае в 1807 году закубанцы под предводительством Султан-Гирея взяли в плен 136 душ мужского и 179 женского в ст. Воровколесской [Цыбулькина 2012: 98].

Чаще всего горцы нападали ночью, особенно если речь шла о крупной станице [Фролов 1995: 107]. Казаки, занятые обороной, не могли в достаточной мере уследить за всеми передвижениями горцев и предотвратить захват пленниц. Так, в 1804 г. большая партия закубанцев «сполночи часу в 4-м» переправилась через Кубань и разделилась на две части: одна сдерживала натиск 70 казаков, оборонявших екатеринодарский пригород, другая грабила дома. До того, как подошла помощь, горцы «похитили бывшего в болезни жителя Степана Белоуса с женою Марией и малолетней дочерью их Натальею с избы для спасения себя вышедших...» [Цыбулькина 2012: 100].

Во время нападения на станицы в садах прятались женщины и дети, так что у садов была не только продовольственная, но и защитная функция. Особенно эффективно метод срабатывал, если о планирующемся налете врага было известно заранее и происходил он в ночное время. Горцы знали о том, что женщины могли спрятаться в садах, и поэтому, если позволяло время, обыскивали их [Смирнова, Пороло 2016: 224].

Наиболее беззащитными даже перед нападениями горцев оказывались жительницы хуторских хозяйств. А.П. Ермолов, возглавлявший кавказские войска в 1816–1826 гг., полагал, что хутора являются одними из основных объектов набегов горцев. Поэтому войсковое начальство старалось препятствовать выделению жителей из станиц в самостоятельные хозяйства, так как имеющимися на кордонах силами не было возможности защищать индивидуальные поселения. Хуторяне должны были большей частью сами обеспечивать себя защитой.

Одной из главных целей горских набегов был захват в плен, и в первую очередь молодых женщин. Уже в 1818 г. генерал А.П.Ермолов делает вывод, что без искоренения нападений с целью увлечения «в плен людей...» невозможно достичь «...спокойствия и безопасности» [Клычников 1999: 14–15]. А.А. Цыбулькина проанализировала количество пострадавших от агрессии закубанцев казачек Кубани с конца XVIII до середины XIX века, показав, что подавляющее большинство женщин становились пленницами: взято в плен – 94 % от общего числа пострадавших женщин и девочек, легко ранено при попытке захватить в плен – 1 %, убито и смертельно ранено – 5 % [Цыбулькина 2012: 108].

В дореформенный период меновые двory служили местом обмена и выкупа пленников. Например, на имя наказного атамана Черноморского казачьего войска из станицы Баталпашинской поступил рапорт, в котором говорилось, что за казачку Орину Королду, взятую в плен, закубанцы просят в уплату сто пятьдесят пудов соли [Бурыкина 2012: 25].

Вернуться в станицы пленницы могли в трех случаях: вымена, выкупа и побега. Особенностью вымена являлось стремление российских властей поскорее избавиться от горских пленников, так как их приходилось содержать, а не использовать в качестве рабочей силы, как это делали кавказцы с русскими пленными. Поэтому часто власти шли на невыгодный для казаков обмен – одна казачка менялась на 2–3 человека. Этот способ считался наиболее приемлемым, так как он требовал минимальных затрат и не представлял угрозу жизни пленниц.

К выкупу российская администрация прибегала только после того, как были исчерпаны все альтернативные методы – возвращение пленников силой или вымен.

Побеги были более редкими способами освобождения из плена, чем выкуп или вымен, так как были связаны с риском для жизни и здоровья пытающихся сбежать. На беглых пленниц горцы устраивали настоящую охоту. Невольниц, уличенных в попытке побега, жестоко наказывали и помещали в еще более худшие условия. Тем не менее многие россиянки не оставляли попыток сбежать, причем

вместе с детьми, зная, что рано или поздно их разлучат. Так, в мае 1820 г. из плена сбежали две казачки полтавского куреня, одна из них с малолетней дочерью [Цыбульникова 2012: 115].

Судьбы русских женщин в горах могли быть различны. Плененные казачки в горах могли стать женами свободных горцев, их наложницами, женами рабов, а иногда супругами российских беглых военных, просто работницами. Горцы очень редко женились на своих пленницах, чаще пленные казачки выходили замуж за попавших в неволю казаков или крестьян. Так, захваченная в 1820 г. с двумя дочерьми казачка София Власенко была выдана ее владельцем черкесским дворянином Супако замуж за русского человека. В марте 1824 г. она была выкуплена из плена бывшим мужем вместе со своим двухлетним «незаконнорожденным» ребенком [Цыбульникова 2010b: 258]. В 1822 г. в ауле Тау-Султана Атажукина солдаты обнаружили «среди обычных кабардинских саклей русскую избу, светлую, просторную, с крылечком и вычурными украшениями; рядом был огород с чисто русскими овощами... Оказалось, что изба принадлежала пленной казачке, захваченной самим Тау-Султаном в станице Павловской. Он так полюбил ее, что не хотел слышать о выкупе, и она повела его домашнее хозяйство на русский лад» [Потто 1904: 55–56].

Вполне объяснимо стремление черкесов женить своих рабов, так как рожденных детей, когда они крепки, отнимали у родителей и продавали [Клычников 2004: 72].

Часть казачек продавалась горцами турецким контрабандистам и вывозилась на рабовладельческие рынки Османской империи, Аравии и Египта. Главным потребителем женского «живого товара» на северо-восточном побережье Черного моря являлась Османская империя. К XIX веку вывоз невольниц с территории Северо-Западного Кавказа на Восток приобрел значительные размеры. Например, согласно российским источникам в XIX веке ежегодно из Черкесии вывозилось до 4000 тысяч человек, невольников обоего пола [Цыбульникова 2010a: 280]. Обычно пленницы привозились на побережье горцами.

Отношение горянок и казачек к плену было различным, т.к. основывалось на этнической разнице культур. Если для горянки продажа в Турцию являлась шансом вырваться из нищенской среды, то для казачки это было противоестественной судьбой. Ведь мировоззрение российских женщин было основано на совершенно других культурных традициях. Большой частью, попадая в горскую среду, они не принимали новых традиций, при малейшей возможности пытались сбежать, и только прожив долгие годы в горах, обзаведясь детьми и вынужденно сменив веру, они смирялись со своим положением. Для тех казачек, которые по воле случая оставались в горах на долгие годы, характерен процесс деэтнизации. Следствием чего является то, что даже при появившейся после окончания войны возможности вернуться к родным, эти женщины оставались в горской среде, т.к. не могли, а иногда и не хотели вписаться в социальную структуру станиц.

Горско-казачьи отношения отличались многообразием и помимо проявлений военной агрессии, наблюдалось множество форм мирного взаимодействия, менявших культурный облик обеих сторон. Встречались многочисленные эпизоды торговых, дружеских и даже родственных связей, в которых женщины играли важную роль. В свою очередь процессы взаимопроникновения казачьей и горской культур отразились на самых разных сторонах женской жизни.

Так, наблюдалось влияние сельскохозяйственных и животноводческих кавказских традиций на хозяйственные обязанности казачек, на плечи которых ложились самые разнообразные работы по дому, в поле, в уходе за скотом в связи с военной службой казаков, предполагавшей долгое и довольное частое отсутствие. Под влиянием горцев изменилась и традиционная кухня казачества [Мутиева 2004: 12]. Казачки научились изготавливать из просяной муки саламату, квашу или кулагу, заменявшую хлеб, и напоминавшую по способу приготовления и использованию

пастэ – пшеничную кашу соседних адыгских народов Северного Кавказа [Заседателя 1984: 51]. Женщины стали готовить кабачковую икру, мамалыгу, острые соусы, восприняли от горцев также технику и приемы обработки продуктов скотоводства. Большой популярностью пользовался соленый и сушеный овечий сыр, а также мучные изделия с добавлением в пресное тесто соленого творога и сыра. Гребенские казаки позаимствовали и любимое кушанье чеченцев и ингушей «да-тыкадор» – смесь творога с топленным маслом. У горцев славяне восприняли ряд национальных блюд – чуреки, мамалыгу, хатламу, лепешки с начинкой из сыра, картофеля, свеклы и т.д., хенкал.

Кавказская одежда, первоначально заимствованная казаками стихийно, впоследствии в силу ее удобства была узаконена и стала форменной для терского и кубанского казачьего войска. 16 января 1831 г. в полках и войсках, поселенных на Кавказской линии, впервые устанавливалась форма обмундирования. В принятом в 1845 г. Положении о Кавказском линейном казачьем войске была закреплена форма как офицерской, так и казачьей одежды [Омельченко 1991: 121]. В связи с этим в традиционные сборы мужа на войну постепенно вливаются горские элементы. Казачкам приходится перешивать обмундирование мужей на черкесский лад. Новые элементы одежды требовали особого ухода (особенно папахи и бурки) и женщины не могли обойтись без советов мирных горцев.

На женский костюм горская одежда повлияла больше всего у гребенских казачек, поскольку те нередко были по происхождению из коренных жительниц. Казачки носили платье горского покроя с широкими рукавами, металлическими нагрудными застежками, кавказскую шапочку и большой, спадающий на спину платок [Невская 2008: 185]. Обувью служили сафьяновые чуваки горского покроя. Зимой носили вязаные шерстяные носки.

Примером восточного влияния на женскую одежду русского населения региона был женский бешмет, сшитый из ситца, распространенный в первой половине XIX в. [Тхамокова 2000: 95].

Влиянием горского быта объясняется и пристрастие казачек к косметике и металлическим украшениям. Казачки носили шейные украшения из золотых и серебряных монет (припойки), «монисты», серебряные пояса, янтарные и коралловые бусы, «чеченские браслеты», серьги и кольца. По кавказским рецептам готовились косметические средства, казачки красили сурьмой брови и ресницы, отбеливали и румянили лицо [Заседателя 1984: 54].

Важным фактором, способствующим взаимодействию коренных народов региона и казаков, являлась торговля. Если на более ранних этапах стихийная колонизация отдельных территорий Северного Кавказа не приводила к серьезным столкновениям между горцами и выходцами из России, то форсирование данного процесса царской администрацией привело к возникновению принципиально новых условий взаимодействия столь различных культур, что осложняло их постепенную, спонтанную адаптацию друг к другу. Однако даже в этих условиях существовали определенные элементы сотрудничества, что диктовалось необходимостью приспособиться, ужиться вместе в составе империи, которая в итоге и тем, и другим определяла основные условия и порядок жизни. Торговые связи казаков с горцами не прерывались и в период Кавказской войны.

Торговля занимала существенное место в казачьем хозяйстве и считалась в основном мужской обязанностью. При этом мелкая торговля, которая рассматривалась в качестве продолжения домашнего производства, относившегося к преимущественно женской сфере труда, осуществлялась самими женщинами. Журналист Ю.Шидловский, описывая кизлярский базар середины XIX в., отмечал на нем «осетина, продающего сыр и бурки, черкеса с зелеными сотами диких пчел, лезгина с медной посудой, киста и чеченца с ружьями и шашками, караногайца с овцами и козами, калмыцкими тулупами, ергаками и мерлушками, терского

казака с оружием и рыбой. Костюковский кумык привез дрова и таркалы, аксаевец разложил кожи и овечью шерсть, армяне и грузины предлагают вам ягоды, овощи и фрукты. *А там, ближе к Тереку, румяные казачки Дубовской, Червленной, Натурской и других станиц терских, сидят на арбах, навьюченных арбузами, дынями, огурцами, свеклой, капустой и т.п...*» (выделено нами – Н.В.) [Великая 2001: 122].

Одним из важных продуктов обмена являлись вытканые казачками холсты. В свою очередь горцы привозили для женщин в станицы на обмен корень марены (естественный краситель) и лист кустарника желтинника (для дубления). Вместе с возникновением российско-горских меновых дворов, первый из которых был учрежден в г. Екатеринодаре в 1794 г., в обиход казачек вошли различные черкесские товары, ремесленные изделия [Цыбульникова 2008].

Важное значение в налаживании горско-казачьих отношений играло возникновение родственных связей. Встречались случаи усыновления казачками осиротевших пленных детей-горцев, которые попадали к казакам после взятия аулов. Эти дети не просто росли в казачьей среде и в процессе этого «оказывались», вырастая, они обзаводились семьями здесь же, в станицах, внося тем самым горскую кровь в общий казачий генофонд. В станице Ильской Секлетей Моисеевна Кийко вышла замуж за выросшего в этой станице черкеса Ивана Кучму (по воспитателю Никифору Кучме). У них родилось семеро детей [Цыбульникова 2008].

Новые культурные особенности в жизнь казачек вносили и черкешенки, вступавшие в браки с казаками. Межэтнические браки характерны для всех групп казачества, казаки в силу того, что изначально представляли исключительно мужское население, рождались с местными народами, фактически ассимилируя вливающиеся в их среду инородческие элементы. Например, гребенская женщина во множестве случаев была местного горского происхождения. Как отмечает Ф.А. Щербина, «русская казачья вольница на Тереке и отчасти на Дону в первые времена своего существования буквально-таки добывала себе жен на Кавказе» [Щербина 1992: 337]. Наиболее частым способом получения невесты стало широко распространенное на Кавказе «умыкание», т.е. похищение девушки.

В свою очередь и казачки иногда становились женами кавказских горцев, и в основном тоже путем похищения, а не традиционного для казаков сватовства. С течением лет они перенимали горские обычаи и язык, рожали детей. Так, по свидетельству А.В. Верховых, похищенная горцами казачка из станицы Воздвиженской вышла замуж за черкеса и на предложение вернуться в станицу по прошествии 20 лет ответила следующее: «Я поехать не поеду. У меня уже тут семья. И дети» [Цыбульникова 2008].

Межэтнические браки наряду с укреплением экономических и культурных связей между казаками и горцами способствовали складыванию традиций куначества. Этот своеобразный обычай кавказского побратимства связывал кунаков не только взаимным гостеприимством, но и взаимопомощью. Возникающие связи имели двойное значение: социальное, для укрепления социальной стабильности в обществе, и этническое, для установления и поддержания межэтнических контактов. В момент обострения военной ситуации кунаки привлекались для освобождения из плена родственников. Куначество было так прочно усвоено казаками, что стало составной частью их стереотипа поведения. Проявлением дружеских связей между казаками и кабардинцами можно считать и общую практику такого древнего семейно-общественного института, как аталычество.

В дореформенный период, несмотря на боевые действия, часть казаков сохраняла в горах кунаков и родственников, знала их язык, обычаи, ценила добрососедские отношения. Были случаи, когда дети кунаков-горцев воспитывались в казачьих семьях.

Таким образом, с появлением казаков на Северном Кавказе, между ними и горцами налаживаются устойчивые взаимосвязи, носившие разнообразный характер. Кавказская война поставила это взаимодействие в жесткие рамки, но горско-казачьи отношения далеко не всегда носили характер военного противостояния, было множество форм мирного взаимодействия, менявших культурный облик обеих сторон. Во многих из этих процессов участвовали женщины – и горянки, и казачки. Влияние иной этнической культуры проникало в их хозяйственную деятельность, меняло состав их семей и представления об окружающем мире, приводило к снижению потенциальной ксенофобии, способствовало складыванию межэтнического взаимопонимания, развитию добрососедских отношений.

Список источников

- Беляев 1882 – *Беляев А.П.* Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. СПб.: А.С. Суворин, 1882. 507 с.
- Бурыкина 2012 – *Бурыкина Л.В.* Казаки и горцы Северо-Западного Кавказа: поиски взаимопонимания (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. 8. Майкоп, 2012. С. 22–28.
- Большая 2001 – *Большая Н.Н.* К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Армавир: АГПИ, 2001. 191 с.
- Заседателева 1984 – *Заседателева Л.Б.* Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в конце XVI–XIX в. // Кавказский этнографический сборник. Т. VIII. М., 1984. С. 38–64.
- Клычников 1999 – *Клычников Ю.Ю.* Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827). Армавир: АПИ, 1999. 134 с.
- Клычников 2004 – *Клычников Ю.Ю.* Очерки истории прошлого народов Северного Кавказа. Пятигорск: ПГЛУ, 2004. 113 с.
- Клычников 2010 – *Клычников Ю.Ю.* Новые документальные свидетельства о женщинах – жертвах горских набегов в первой половине XIX века // Женщины в истории: недостающие фрагменты исторического полотна: материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. С.Л. Дударев, Н.Л. Пушкарева. Армавир, 2010. С. 192–196.
- Кубанский, Басханов 1990 – *Кубанский М., Басханов А.* Казачка Сердюкова // Ленинское знамя. 1990. №№ 39–41.
- Мутиева 2004 – *Мутиева О.С.* Роль женщины-казачки в жизни населения Нижнего Терка в XIX–начале XX вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. Махачкала, 2004. 20 с.
- Мутиева 2010 – *Мутиева О.С.* Женщины-горянки в общественно-политической жизни Дагестана (XIV–XIX вв.) // Женщины в истории: недостающие фрагменты исторического полотна: материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. С.Л. Дударев, Н.Л. Пушкарева. Армавир, 2010. С. 212–217.
- Невская 2008 – *Невская Т.А.* Интеграция культуры жизнеобеспечения славян, горцев и кочевников Северного Кавказа в XIX – начале XX в. // Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России: материалы заочной научно-практической конференции. Краснодар, 2008. С. 180–188.
- Омельченко 1991 – *Омельченко И.Л.* Терское казачество. Владикавказ: Ир, 1991. 301 с.
- Потто 1904 – *Потто В.А.* Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. III. Ч. 2. Тифлис, 1904. 590 с.
- Потто 1991 – *Потто В.А.* Два века терского казачества (1577–1801). Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991. 383 с.
- Потто 1994 – *Потто В.А.* Кавказская война. Т. I. Ставрополь: Кавказский край, 1994. 678 с.
- Смирнова, Пороло 2016 – *Смирнова В.К., Пороло Л.Ю.* «Женский вопрос» в казачьем сообществе XVI – начало XX вв. // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2016. № 2. С. 222–228.
- Тхамокова 2000 – *Тхамокова И.Х.* Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 239 с.

Фролов 1995 – Фролов Б.Е. Организация обороны черноморской кордонной линии в конце XVIII – первой трети XIX в. // Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар, 1995. С. 101–111.

Цыбульникова 2004а – Цыбульникова А.А. Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX вв.: специфика повседневной жизни в условиях военного времени: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Армавир, 2004. 28 с.

Цыбульникова 2004б – Цыбульникова А.А. Формирование боевых навыков у казачек Кубани в конце XVIII – середине XIX в. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Краснодар–Армавир, 2004. С. 57–59.

Цыбульникова 2008 – Цыбульникова А.А. Роль женщин в процессах мирного взаимодействия казаков и горцев Северного Кавказа в XVIII–XIX вв. // Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России: материалы заочной научно-практической конференции. Краснодар, 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://m-sergl.livejournal.com/258782.html> (дата обращения 20.09. 2021).

Цыбульникова 2010а – Цыбульникова А.А. Турецкие работоторговцы в процессах северокавказского пленопродавства: вывоз кавказских и российских пленниц на восток в XIX веке // Женщины в истории: недостающие фрагменты исторического полотна: материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. С.Л. Дударев, Н.Л. Пушкарева. Армавир, 2010. С. 279–289.

Цыбульникова 2010б – Цыбульникова А.А. Южнороссийские казачки в процессах традиционного пленопродавства: судьбы «кавказских пленниц» в XIX в. // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: тезисы Всероссийской научной конференции (28–29 сентября 2010 г., г. Ростов-на-Дону). Ростов н/Д., 2010. С. 257–260.

Цыбульникова 2012 – Цыбульникова А.А. Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX века: специфика повседневной жизни в условиях военного времени. Армавир: Полипринт, 2012. 236 с.

Цыбульникова: эл. ресурс – Цыбульникова А.А. Феномен женской воинственности у народов Северного Кавказа. К постановке проблемы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.slavakubani.ru/neighbors/peoples-north-caucasus/fenomen-zhenskoy-voinstvennosti-u-narodov-severnogo-kavkaza-k-postanovke-problemy/> (дата обращения 13.08.2021).

Щербина 1992 – Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2 т. Т. 1. Краснодар: Советская Кубань, 1992. 736 с.

Щупленков 2016 – Щупленков О.В. Были бы казачки – казаки будут // Казачество. 2016. № 19. С. 26–37.

References

BELYAEV A.P. *Vospominaniya dekabrista o perezhitom i perechuvstvovannom* [Memoirs of the Decembrist about the experienced and felt]. St. Petersburg: A.S. Suvorin, 1882. 507 p. (In Russian)

BURYKINA L.V. *Kazaki i gorcy Severo-Zapadnogo Kavkaza: poiski vzaimoponimaniya (konec XVIII – pervaya polovina XIX vv.)* [Cossacks and mountaineers of the North-West Caucasus: the search for mutual understanding (late XVIII – first half of the XIX centuries)]. IN: *Voprosy kazach'ej istorii i kul'tury* [Questions of cossack history and culture]. Issue 8. Maykop, 2012. P. 22–28. (In Russian)

VELIKAYA N.N. *K istorii vzaimootnoshenij narodov Vostochnogo Predkavkaz'ya v XVIII–XIX vv.* [On the history of relations between the peoples of the Eastern Ciscaucasia in the XVIII–XIX centuries]. Armavir: ASPI, 2001. 191 p. (In Russian)

ZASEDATELEVA L.B. *Kul'tura i byt russkogo i ukrainskogo naseleniya Severnogo Kavkaza v konce XVI–XIX v.* [Culture and life of the Russian and Ukrainian population of the North Caucasus at the end of the XVI–XIX century]. IN: *Kavkazskij etnograficheskij sbornik* [Caucasian ethnographic collection]. Vol. VIII. Moscow, 1984. P. 38–64. (In Russian)

KLYCHNIKOV YU.YU. *Deyatel'nost' A.P. Ermolova na Severnom Kavkaze (1816–1827)* [A.P. Ermolov's activity in the North Caucasus (1816–1827)]. Armavir: API, 1999. 134 p. (In Russian)

KLYCHNIKOV YU.YU. *Ocherki istorii proshlogo narodov Severnogo Kavkaza* [Essays on the history of the past of the peoples of the North Caucasus]. Pyatigorsk: PSLU, 2004. 113 p. (In Russian)

KLYCHNIKOV YU.YU. *Novye dokumental'nye svidetel'stva o zhenshchinah – zhertvah gorskih nabegov v pervoj polovine XIX v.* [New documentary evidence about women victims of mountain raids in the first half of the XIX century]. IN: *Zhenshchiny v istorii: nedostayushchie fragmenty istoricheskogo polotna* [Women in history: missing fragments of the historical canvas]: materials of the All-Russian scientific and practical conference / executive editors S.L. Dudarev, N.L. Pushkareva. Armavir, 2010. P. 192–196. (In Russian)

KUBANSKIY M., BASKHANOV A. *Kazachka Serdyukova* [Cossack Serdyukova]. IN: *Leninskoe znamya* [Lenin's banner]. 1990. №№ 39–41. (In Russian)

MUTIEVA O.S. *Rol' zhenshchiny-kazachki v zhizni naseleniya Nizhnego Tereka v XIX – nachale XX vv.* [The role of a cossack woman in the life of the population of the Lower Terek in the XIX – early XX centuries]: abstract of a dissertation ... of a Candidate of historical sciences. Mahachkala, 2004. 20 p. (In Russian)

MUTIEVA O.S. *Zhenshchiny-goryanki v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Dagestana (XIV–XIX vv.)* [Mountain women in the socio-political life of Dagestan (XIV–XIX centuries)]. IN: *Zhenshchiny v istorii: nedostayushchie fragmenty istoricheskogo polotna* [Women in history: missing fragments of the historical canvas]: materials of the All-Russian scientific and practical conference / executive editors S.L. Dudarev, N.L. Pushkareva. Armavir, 2010. P. 212–217. (In Russian)

NEVSKAYA T.A. *Integraciya kul'tury zhizneobespecheniya slavyan, gorcev i kochevnikov Severnogo Kavkaza v XIX – nachale XX v.* [Integration of the culture of life support of the slavs, mountaineers and nomads of the North Caucasus in the XIXth – early XXth centuries]. IN: *Kazachestvo i narody Rossii: puti sotrudnichestva i sluzhba Rossii* [Cossacks and peoples of Russia: ways of cooperation and service in Russia]: materials of the correspondence scientific and practical conference. Krasnodar, 2008. P. 180–188. (In Russian)

OMEL'CHENKO I.L. *Terskoe kazachestvo* [Tersk cossacks]. Vladikavkaz: Ir, 1991. 301 p. (In Russian)

POTTO V.A. *Dva veka terskogo kazachestva (1577–1801)* [Two centuries of the tersk cossacks (1577–1801)]. Stavropol: Caucasian library, 1991. 383 p. (In Russian)

POTTO V.A. *Kavkazskaya vojna* [The Caucasian war]. Vol. I. Stavropol: Caucasian territory, 1994. 678 p. (In Russian)

POTTO V.A. *Utverzhdenie russkogo vladychestva na Kavkaze* [Establishment of Russian power in Caucasus]. Vol. III. Ch. 2. Tiflis, 1904. 590 p. (In Russian)

SMIRNOVA V.K., POROLO L.YU. «*Zhenskij vopros*» v kazach'em soobshchestve XVI – nachalo XX vv. [The «women's question» in the cossack community of the XVI – early XX centuries]. IN: *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A. P. Chekhova* [Bulletin of the Taganrog institute, named after A.P. Chehov]. 2016. № 2. P. 222–228. (In Russian)

THAMOKOVA I.H. *Russkoe i ukrainskoe naselenie Kabardino-Balkarii* [Russian and ukrainian population of Kabardino-Balkaria]. Nalchik: El-Fa, 2000. 239 p. (In Russian)

FROLOV B.E. *Organizaciya oborony chernomorskoj kordonnoj linii v konce XVIII – pervoj treti XIX v.* [Organization of defense of the Black sea cordon line at the end of the XVIII – first third of the XIX century]. IN: *Kavkazskaya vojna: uroki istorii i sovremennost'* [Caucasian war: lessons of history and the present]. Krasnodar, 1995. P. 101–111. (In Russian)

CYBUL'NIKOVA A.A. *Kazachki Kubani v konce XVIII – seredine XIX vv.: specifika povsednevnoj zhizni v usloviyah voennogo vremeni* [Cossacks of the Kuban at the end of the XVIII – middle of the XIX centuries: the specifics of everyday life in wartime conditions]: abstract of a dissertation ... of a Candidate of historical sciences. Armavir, 2004. 28 p. (In Russian)

CYBUL'NIKOVA A.A. *Formirovanie boevyh navykov u kazachek Kubani v konce XVIII – seredine XIX v.* [Formation of combat skills among Kuban cossacks in the late XVIII – middle of the XIX century]. IN: *Iz istorii i kul'tury linejnogo kazachestva Severnogo Kavkaza* [From the history and culture of the linear cossacks of the North Caucasus]. Krasnodar–Armavir, 2004. P. 57–59. (In Russian)

CYBUL'NIKOVA A.A. *Rol' zhenshchin v processah mirnogo vzaimodejstviya kazakov i gorcev Severnogo Kavkaza v XVIII–XIX vv.* [The role of women in the processes of peaceful interaction between Cossacks and mountaineers of the North Caucasus in the XVIII–XIX centuries]. IN: *Kazachestvo i narody Rossii: puti sotrudnichestva i sluzhba Rossii* [Cossacks and peoples of Russia: ways of cooperation and service in Russia]: materials of the correspondence scientific and practical conference. Krasnodar, 2008. [Electronic resource]. Access mode: <http://m-serg1.livejournal.com/258782.html> (date of access September 20.09. 2021). (In Russian)

CYBUL'NIKOVA A.A. *Tureckie rabotorgovcy v processah severokavkazskogo plenoprodavstva: vyvoz kavkazskih i rossijskih plennic na vostok v XIX v.* [Turkish slave traders in the processes of the North Caucasian plenoprodavstvo: export of caucasian and russian captives to the east in the XIX century]. IN: *Zhenshchiny v istorii: nedostayushchie fragmenty istoricheskogo polotna* [Women in history: missing fragments of the historical canvas]: materials of the All-Russian scientific and practical conference / executive editors S.L. Dudarev, N.L. Pushkareva. Armavir, 2010. P. 279–289. (In Russian)

CYBUL'NIKOVA A.A. *Yuzhnorossijskie kazachki v processah tradicionnogo plenoprodavstva: sud'by «kavkazskih plennic» v XIX v.* [South Russian cossacks in the processes of traditional plenoprodavstvo: the fate of the «kavkaz captives» in the XIX century]. IN: *Kazachestvo v sociokul'turnom prostranstve Rossii: istoricheskij opyt i perspektivy razvitiya* [Cossacks in the socio-cultural space of Russia: historical experience and development prospects: theses of the All-Russian scientific conference (September 28–29, 2010, Rostov-on-Don). Rostov n/D., 2010. P. 257–260. (In Russian)

CYBUL'NIKOVA A.A. *Kazachki Kubani v konce XVIII – seredine XIX v.: specifika povsednevnoj zhizni v usloviyah voennogo vremeni* [Cossacks of the Kuban at the end of the XVIII – middle of the XIX centuries: the specifics of everyday life in wartime conditions]. Armavir: Poliprint, 2012. 236 p. (In Russian)

CYBUL'NIKOVA A.A. *Fenomen zhenskoy voinstvennosti u narodov Severnogo Kavkaza. K postanovke problemy* [The phenomenon of female militancy among the peoples of the North Caucasus. To the problem statement]. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.slavakubani.ru/neighbors/peoples-north-caucasus/fenomen-zhenskoy-voinstvennosti-u-narodov-severnogo-kavkaza-k-postanovke-problemy/> (date of access 13.08.2021). (In Russian)

SHCHERBINA F.A. *Istoriya Kubanskogo kazach'ego vojska. V 2 tomah. T. 1.* [History of the Kuban cossack host. In 2 volumes.]. Krasnodar: Soviet Kuban, 1992. 736 p. (In Russian)

SHCHUPLINKOV O.V. *Byli by kazachki – kazaki budut* [If there were cossacks women, there will be cossacks men]. IN: *Kazachestvo* [Cossacks]. 2016. № 19. P. 26–37. (In Russian)

Информация об авторе

Н.В. Варивода – научный сотрудник сектора новейшей истории.

Information about the author

N.V. Varivoda – researcher of the sector of modern history.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021; одобрена после рецензирования 07.12.2021; принята к публикации 24.12.2021.

The article was submitted 01.12.2021; approved after reviewing 07.12.2021; accepted for publication 24.12.2021.

Научная статья
УДК 94(470.6)
DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-47-55

ФОРМИРОВАНИЕ РЫНКА СФЕРЫ УСЛУГ В НАЛЬЧИКСКОМ ОКРУГЕ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Тимур Аликович Дзуганов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dzughanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3030-5732>

© Т.А. Дзуганов, 2021

Аннотация. Статья посвящена изучению одного из ключевых вопросов экономической истории Кабардино-Балкарии – механизму функционирования предпринимательства в сегменте сфере обслуживания Нальчикского округа. Рассматривается история формирования устойчивых предпринимательских практик, основанных на предоставлении услуг, их специализация и порядок работы. В работе анализируются структура и многообразие методов реализации коммерческой инициативы в условиях Нальчикского округа, основные виды, их отличительные черты и общие принципы. Показано, что уже к началу XX в. в округе происходит качественное изменение сферы предоставления коммерческих услуг, выразившееся в оформлении устойчивой системы торговых заведений, налаживание механизмов ее деятельности. На основе архивных материалов и данных периодической печати устанавливаются, что уже к началу XX в. в округе окончательно утвердилась стационарная форма розничной торговли, образовалась устойчивая сеть предприятий общественного питания и питейных заведений, создаются учреждения культурного досуга. Проанализирована их специализация и характер предоставляемых услуг. Определена степень участия горского населения Кабарды и Балкарии в развитии данного сегмента внутреннего рынка Нальчикского округа.

Ключевые слова: Северный Кавказ; XIX–XX вв.; Нальчикский округ; слобода Нальчик; предпринимательство; коммерция; предприятия общественного питания; сфера услуг

Для цитирования: Дзуганов Т.А. Формирование рынка сферы услуг в Нальчикском округе (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-2 (51). С. 47–55. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-47-55

Original article

FORMATION OF THE SERVICE MARKET IN THE NALCHIK DISTRICT (LATE NINETEENTH – EARLY TWENTIETH CENTURIES)

Timur A. Dzuganov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dzughanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3030-5732>

© Т.А. Dzuganov, 2021

Abstract. The article is devoted to the study of one of the key questions of economic history of Kabardino-Balkaria - the mechanism of functioning of entrepreneurship in the service segment of Nalchik district. The history of formation of a stable network of commercial enterprises and services, their specialization and order of work is studied. The

paper analyzes the structure and diversity of methods of realization of commercial initiative in the conditions of the Nalchik district, the main types, their distinctive features and general principles. It is shown that already by the beginning of the XXth century a qualitative change in the sphere of providing commercial services, expressed in the formation of a stable system of commercial establishments, and the establishment of mechanisms of its activity is taking place in the district. Using archival materials and data from the periodical press one can ascertain that the stationary form of retail trade had become firmly established in the region by the beginning of the XXth century, a stable network of public catering and pubs was created, cultural institutions of leisure time were founded. Their specialization and character of the provided services are analyzed. The paper determines the degree of participation of the mountaineers of Kabarda and Balkaria in the development of this segment of the district's domestic market.

Keywords: North Caucasus; XIX–XX centuries; Nalchik District; Nalchik; entrepreneurship; commerce; public catering enterprises; service industry

For citation: Dzukanov T.A. Formation of the service market in the Nalchik district (late XIXth – early XXth centuries). Vestnik KBIGI = KVIHR Bulletin. 2021; 4-2 (51): 47–55. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-47-55

Одним из важнейших итогов проведения в жизнь реформ второй половины 60-х гг. XIX в. на Северном Кавказе стало развитие рыночных отношений, формирование нового экономического пространства в регионе. Капиталистической трансформации подверглись многие сегменты традиционного народного хозяйства. Применительно к народам Нальчикского округа уникальность явления выразилась в сочетании различных социокультурных традиций предпринимательства, а также масштабы и разнообразие проявления коммерческой инициативы населения. В относительно короткие сроки в округе возникает сеть стационарных торговых учреждений, мелких промышленных предприятий, закладываются основы курортного дела. Параллельно происходит окончательное оформление такой важной части внутреннего рынка, как сферы обслуживания населения, настройка ее основных механизмов и вырабатывается устойчивый порядок их функционирования.

Проблема экономического развития Нальчикского округа второй половины XIX – начала XX вв. неоднократно становилась объектом научного исследования. Вместе с тем, вопросы истории формирования сферы услуг в крае, ее особенности, характер, отличительные черты, выпадали из общего контекста, тогда как, изучение этих вопросов дает возможность точнее реконструировать картину экономического развития региона, позволяет глубже понять характер и движущие силы многих социально-экономических процессов, происходивших в округе в обозначенный период.

Определенную сложность для исследователей проблемы представляет ограниченность источниковой базы. Деловая документация позволяет лишь приблизительно реконструировать ситуации в этой части экономики округа, и не отражает всей полноты картины. В связи с этим, особенный интерес представляют сохранившиеся источники эпистолярного жанра, опубликованные в периодической печати, отражающие положение вещей в данной области. Для исследователей вопроса крайне ценными являются письма К. Хетагуров, его замечания по поводу антисанитарии отдельных торговых заведений [Пеннер В., Пеннер Н. 1993: 34]. Также важными представляются путевые заметки Б.К. Далгата, запечатлевшего картину состояния предпринимательства в слободе Нальчик и немецкой колонии Александровской [Далгат 1991: 147].

В советский историографии данному вопросу уделялось мало внимания. В исследованиях, посвященных социально-экономической истории округа, проблема сферы обслуживания либо не отражена вовсе, либо представлена эпизодически. Вместе с тем общие данные по этому сегменту экономики округа фрагментарно присутствуют в исследованиях большинства специалистов, занимавшихся

изучением социально-политических процессов в округе в пореформенный период. А.А. Белоусов в своем исследовании экономического развития Кабарды вообще не затрагивал этот вопрос [Белоусов 1955]. Т.Х. Кумыков в своей работе приводил небольшую справку о численном составе торговцев слободы в 1891 г. и отмечал проявление новых коммерческих инициатив горцев, в том числе, и в сфере обслуживания [Кумыков 1965: 419]. Истории предпринимательства ученый уделял заметно больше внимания, так как данный вопрос вписывался в общую концепцию вовлечения Северного Кавказа в во всероссийский рынок. Тем не менее фрагментарность представления о предпринимательской активности населения сохранялась в отечественной историографии и в последующем. Т.А. Жакомихов, исследуя проблемы развития кустарной промышленности и торговли округа в конце XIX – начале XX вв., о сфере обслуживания упоминает лишь вскользь, а анализ торговли ограничивался констатацией наличия торговых заведений и ростом их оборотов [Жакомихов 1965: 181].

Подход к проблеме начинает меняться в новейшее время. Наиболее близко к решению проблемы подошел М.З. Саблиров [Саблиров 2001], посвятивший данному вопросу специальный раздел в своей работе.

В современных условиях, по нашему мнению, назрела необходимость преодолеть некоторую узость устоявшихся научных представлений, отчасти обусловленных скудостью источниковой базы. Введение в научный оборот новых источников позволяет более детально изучить и проанализировать историю развития важнейшего сегмента экономики Нальчикского округа.

В пореформенный период процесс развития товарно-рыночных отношений на Северном Кавказе поступательно наращивал свои обороты. Новые формы хозяйствования прочно закреплялись в экономическом пространстве региона. Естественно, что происходило это не равномерно. Даже в административных границах Пятигорского округа, куда во второй половине 1870 – начале 1880-х гг. входили Кабарда и Балкария, наблюдались определенные различия, обусловленные количеством населения и спецификой преобладающих видов хозяйственной деятельности. Так, например, к 1876 г. в 1-м участке, где проживало 28 414 человек, потребности его жителей в товарах повседневной необходимости обеспечивали 6 общественных и 43 частных предприятия розничной торговли. Архивные данные свидетельствуют о планомерном развитии предпринимательства в этот период, в основном, за счет выходцев из южных и центральных губерний России. Только приезжих купцов 2-й гильдии, получивших временное разрешение на торговлю насчитывалось до 22 человек, местных гильдейских – не имелось. При этом билетов и свидетельств дающих право, на мелочный торг по этому участку, было выдано заметно больше чем в предыдущее время: 5-класса – 24, на развозной торг – 19, на мещанские промыслы – 2, на разносной торг – 2, приказчикам – 26 [УЦГА АС КБР: Ф. 51. Оп. 1. Д. 8. Л. 10 об.].

Не трудно заметить, что вектор развития местной сферы услуг был задан географическим положением данной административной единицы и ориентирован, в том числе, на путешественников и следующих по служебным надобностям чиновников. К их услугам здесь имелось 2 почтовые станции; 6 постоянных дворов; кабаков и духанов – 22 [УЦГА АС КБР: Ф. 51. Оп. 1. Д. 8. Л. 8].

Развитие рыночных отношений стимулировало появление новых видов предпринимательской деятельности, основанных на удовлетворении повседневного спроса населения в мелких товарах и услугах. Решением этой задачи в участке занимались «ремесленники приготавливающие предметы пищи»: хлебники – 2; булочники – 13; кондитеры – 1; мясники – 3; мельники – 4. Имелись собственные мастера – портные – 6 человек, и 7 сапожников. Более сложные заказы выполняли: печники – 12; каменщики – 6; столяры – 8; токари – 2; медельщики (медники) – 2; маляры – 2; кровельщики – 2; стекольщики – 2; плотники – 17; бондари – 3;

колесники – 23; пыльщики – 14; шорники – 3; кузнецы – 5; слесари – 2; медники – 3; лудильщик – 1. Помимо вышеперечисленного, в сфере услуг были задействованы: часовщик – 1; ювелир – 1; золотых и серебряных дел – 11 мастеров; оружейников – 8; переплетчик – 1; коновал – 1 [УЦГА АС КБР: Ф. 51. Оп. 1. Д. 8. Л. 9 об.].

По 2-му участку информация весьма обрывочна, хотя именно здесь располагался административный центр округа – слобода Нальчик, которая, если учитывать прилегающие немецкую и еврейскую колонии, являлась в некоторой степени промышленным, а также торговым центром. Население участка достигало 32648 человек [УЦГА АС КБР: Ф. 51. Оп. 1. Д. 8. Л. 14]. Имелась своя почтовая станция, 4 постоянных двора, 11 кабаков и духанов. «Промышленное» производство было представлено 20 мельницами, одним кожевенным заводом, 2 «обделывающими овчины» мастерскими, 9 маслобойнями и одной сыроварней [УЦГА АС КБР: Ф. 51. Оп. 1. Д. 8. Л. 19].

В графе «ремесленники» были указаны: хлебники – 5; булочники – 6; Мяслики – 1; портные – 6; сапожники – 10; шапочники – 20; шубники и скорняки – 15; печники – 12; столяры – 3; кровельщики – 2; стекольщики – 2; плотники – 3; бондари – 2; колесники – 2; пыльщик – 1; кузнецы – 6; слесари – 2; седельщики – 16 [УЦГА АС КБР: Ф. 51. Оп. 1. Д. 8. Л. 20–20 об.].

Информация о количестве зарегистрированных гильдейских купцов и «временно-торгующих» отсутствует, хотя в документе имеется приписка: «Временно-торгующие в станицах и селениях разными товарами и продуктами берут торговые документы в городах Пятигорске и Георгиевске» [УЦГА АС КБР: Ф. 51. Оп. 1. Д. 8. Л. 22].

В 3-м участке, население которого превышало 26 000 душ обоего пола [УЦГА АС КБР: Ф. 51. Оп. 1. Д. 8. Л. 10], в соответствии с отчетностью того периода, имелось 27 частных лавок, 1 – общественная. Купцов разных гильдий – 15 мужчин и 16 женщин [УЦГА АС КБР: Ф. 51. Оп. 1. Д. 8. Л. 35]. Маслобоен – 10, кирпичных «фабрик» – 2, мельниц – 52. Регулярный доход своим владельцам приносили 13 питейных заведений, кабаков и духанов [УЦГА АС КБР: Ф. 51. Оп. 1. Д. 8. Л. 31]. В участке оказывали услуги населению 4 мастера золотых и серебряных дел; 2 портных; 10 сапожников; 10 печников; 5 столяров; 2 стекольщика; 2 бондаря; 40 рабочих-пыльщиков, 1 обойщик, 10 кузнецов; 6 слесарей; 2 лудника (лудильщика); 150 грузовых извозчика; 6 трубочистов; 6 седельщиков; 3 переплетчика; 8 коновалов [УЦГА АС КБР: Ф. 51. Оп. 1. Д. 8. Л. 33–33 об.].

В 4-м участке с населением в 28318 человек было отмечено: «купцов разных гильдий – 8 мужчин, 7 женщин». Всего билетов и свидетельств «на мелочный торг в местностях» было выдано: 2-го класса – 28, 5-го класса – 32, приказчикам – 24. Лавок общественных – 50, частных – 38 [УЦГА АС КБР: Ф. 51. Оп. 1. Д. 8. Л. 47].

Население 5-го участка немногим превышало одиннадцать с половиной душ обоего пола [УЦГА АС КБР: Ф. 51. Оп. 1. Д. 8. Л. 61]. В нем имелось 12 частных лавок. Свидетельства и разрешения получили: купцы 2-й гильдии – 38, приказчики – 30 [УЦГА АС КБР: Ф. 51. Оп. 1. Д. 8. Л. 65]. Объемы сферы обслуживания значительно уступают показателям предыдущих административных единиц округа. Документы отмечают наличие: мясликов – 6; портных – 17; сапожников – 19; печников – 5; маляров – 12; шорников – 1 [УЦГА АС КБР: Ф. 51. Оп. 1. Д. 8. Л. 63].

Особенно быстрое развитие рынка сферы услуг наблюдается в административном центре округа – слободе Нальчик. На такое развитие рынка услуг влияние оказали и другие факторы. Во-первых, участие военных властей в организации сферы обслуживания, во-вторых, развитие курортного дела в самой слободе и ее окрестностях.

В 1847 г. с разрешения начальника Центра Кавказской линии генерала князя Голицына были поселены при крепости Нальчик 246 горских евреев-татов, выходцев из Дагестана [Кабанов 1960: 12]. По замыслу военных, именно на этот

контингент переселенцев возлагались задачи организации местной торговой сети и сферы услуг. При отсутствии иных, стимулирующих факторов, горским евреям отводилась роль своеобразного драйвера экономического развития региона. Задача оказалась непростой. Только к началу 80-х гг. XIX в. горским евреям удается полностью освоиться и адаптироваться к особенностям местного рынка. К этому времени коммерсанты из числа переселенцев, развернули сеть стационарных торговых учреждений по всему округу (почти в каждом кабардинском ауле открываются лавки, принадлежащие еврейским торговцам). Их деловая активность выходит на оперативный простор Терской области.

Вместе с тем предпринимательская инициатива еврейских переселенцев отнюдь не ограничивалась розничной коммерцией. Часть из них закрепляется в сфере обслуживания, тем более что к началу 80-х годов экономическая ситуация в слободе начинает меняться в лучшую сторону, и услуги в этой области оказались востребованы. В. Миллер и М. Ковалевский в 1885 г. отмечали: «Евреи около Нальчика не занимаются земледелием, а мелочной торговлей и некоторыми ремеслами. Живут они, по-видимому, с достатком и не хуже европейских умеют ссужать деньги за солидные проценты» [Миллер, Ковалевский 1884: 543–544]. Предпочитая вести торговые дела, либо заниматься ремеслом в административном центре округа, некоторые из них со временем приобретают «оседлость» в слободе, что значительно расширяло горизонты их коммерческой инициативы. Помимо занятий коммерцией, они заводят мелкие промышленные производства, прочно закрепляются в формирующейся сфере услуг.

Согласно ведомости за 1886 г. в сфере обслуживания слободы Нальчик осуществляли свою деятельность и европейские евреи, которых экономическая статистика Нальчикской слободы не отделяла от горских:

Лидский В. – занимался торговлей, имел оседлость «состоящую из двух домов с флигелями». Две лавки, одна из них мануфактурная, другая мелким товаром.

Беловицкий Ш. – занимался выделкой кирпича и черепицы, имел дом с двумя флигелями и черепичный завод.

Вишневецкий Н. – занимался торговлей, владел мануфактурной лавкой, оседлости не имел.

Елин Х. – занимался сбором в сл. Нальчик базарной пошлины по заключенному с местным слободским Обществом контракту. Имел дом, состоял арендатором нальчикской базарной площади по 1887 г.

Мительман И. – занимался малярными и стекольными ремеслами.

Кравицкий А. – занимался выделкой черепицы и кирпича.

Уникович А. – занимался торговлей, имел в Нальчике кожевенную мастерскую.

Атилевич А. – занимался портняжным ремеслом.

Фрахтман З. – часовых дел мастер.

Постоянно не проживали, но временно работали:

Сапожники: Беловицкий Н., Беловицкий Г., Зильберштейн А.

Повойская Г. – занималась торговлей, имела собственный дом.

Макарский П. – занимался выделкой кирпича и черепицы.

Гершенвальд М. – портняжное ремесло.

Янко З. – стекольщик.

Дворжек Г. – занимался скупкой и перепродажей на базарах разных съестных продуктов.

Рума З. – маляр [УЦГА АС КБР: Ф. И-6. Оп. 1. Д. 116. Т. 2. Л. 207–216].

Не имеющие определенной профессии горские евреи также находили в слободе возможность для приложения своих усилий. Они, по свидетельству Б.К. Далгата, занимались продажей на местных базарах сафьяна, чевяков и разной мелочи [Далгат 1991: 147].

С развитием экономики округа наблюдается заметное расширение ассортимента предлагаемых товаров и услуг. Разнообразие частных предпринимательских инициатив и коммерческих предложений коммерсантов, оформившихся к началу 90-х годов XIX в., было в определенной мере простимулировано набравшим в крае обороты курортным делом. И хотя по-прежнему ведущее место продолжает занимать торговля, тем не менее, как это видно из документов, удельный вес сферы услуг в экономике края неуклонно повышается. Возникают десятки малых коммерческих предприятий, специализирующихся на индустрии развлечения и досуга. Первое фотоателье Нальчика, организованное Ефимом Лукьяновым, начало работу с мая 1894 г. [УЦГА АС КБР: Ф. 40. Оп. 1. Д. 909. Л. 25 об.]. В начале 1896 г. к услугам местного населения и туристов открывается стереоскопический кабинет, где желающие, за весьма умеренную плату, могли любоваться видами европейских столиц и постановочными фотографиями. [УЦГА АС КБР: Ф. 6. Оп. 1. Д. 864. Л. 35]. В начале XX в. в Нальчике в верхней части Романовского сада функционировал кегельбан, упоминание о котором мы находим в документах за 1916 г. [УЦГА АС КБР: Ф. 6. Оп. 1. Д. 514. Л. 62]. В 1913 г. в слободе к услугам отдыхающих имелись: кинематограф; 7 трактирных заведений; 2 клуба «с буфетами»; 2 дома с меблированными комнатами; 4 постоянных и 17 «заезжих» дома [УЦГА АС КБР: Ф. 6. Оп. 1. Д. 699. Т.–2. Л. 76]. Специфика складывающегося рынка услуг свидетельствует о его ориентации, в первую очередь, на курортный бизнес. Именно на заезжую богатую публику рассчитывали хозяева этих предприятий.

Особенно быстрые темпы роста продолжают сохраняться в сегменте общественного питания округа. Свою заинтересованность в освоении данного сектора сферы услуг проявили и горцы. Житель Балкарского общества Мисир Артасаов 7 мая 1896 г. обратился к начальнику округа с просьбой о разрешении ему открыть в слободе Нальчик кумысное заведение [УЦГА АС КБР: Ф. 6. Оп. 2. Д. 14. Т.–2. Л. 64]. В 1907 г. начальнику Нальчикского округа поступило прошение от проживающих Нальчик горцев Нальчикского округа: Бекира и Караби Мокаевых, Аслантоко Залиханова и Гагой Шаваева, на разрешение открыть в слободе харчевню. «Мы желаем в слободе Нальчик открыть харчевню с приготовлением горячей пищи, но слободское общество противится и хочет последние отдать с торгов, тогда как они открываются без торгов, только с выбором торгового свидетельства» [УЦГА АС КБР: Ф. 6. Оп. 1. Д. 290. Л. 24].

Рост питейных заведений в округе наблюдался с конца 80-х годов XIX в.

Владельцы питейных заведений с адресами [УЦГА АС КБР: Ф. 6. Оп. 1. Д. 455. Л. 79].

Имя	Количество	Адрес	Имя	Количество	Адрес
1.Афанасий Семенов	1	Нальчик	8. Хай-Мурза Аминев	3	На торговлю в сел. Хасав-Урт
2. Егор Ходжаев	1	Ново-Павловское	9. Василий Дробышев	1	Нальчик
3. Алексей Шуйский	1	Кол. Александровская	10. Савелий Балахурбетов	2	аул Бабуковский
4. Илья Шуйский	1	Нальчик	11. Израиль Ифраимов	1	аул Бабуковский
5. Михаил Ананьев	1	Нальчик	12. Тамбот Калмыков	2	Аул Абукова

6. Василий Зипалов	1	пост Баксанский	13. Варлам Сеферов	2	аул Атажукина
7. Вольф Лидский	1	Нальчик	14. Мухамед Хакимов	1	аул Хасаут

Как видно из вышеприведённой таблицы, основной удельный вес этих предприятий приходился на Нальчик, а также на русские и казачьи станицы округа. Несмотря на общественное порицание, к концу XIX в. кабаки открываются и в горских селениях. Высокая доходность питейных заведений подтверждается архивными данными. Для сравнения, в 1899 г. в Нальчике доход с базаров и ярмарок составил 1302 р., а за разрешение питейной торговли и промыслов – 6000 р. [УЦГА АС КБР: Ф. 6. Оп. 1. Д. 455. Л. 14]. В 1901 г. в Нальчикском округе доходы с базаров и ярмарок составили 2863 р., а разрешения питейной торговли принесли в казну – 13592 р. [УЦГА АС КБР: Ф. 6. Оп. 1. Д. 538. Л. 41 об.].

Расширяется курортная индустрия. Помимо Курзала и кегельбана в верхней части Романовского сквера [УЦГА АС КБР: Ф. И-6. Оп. 1. Д. 909. Л. 62], и других увеселительных заведений появляется первая специализированная гостиница Алексея Шуйского «солидный двухэтажный особняк, с большим балконом, с витыми ажурными решетками» [Котляров 2017: 69]. Расширяется сеть заезжих домов и постоянных дворов. В марте 1915 г. «временно проживающий» в Нальчике Талиб Жигунов открывает собственный постоянный двор. [УЦГА АС КБР: Ф. И-6. Оп. 1. Д. 907. Л. 174]. Пример Жигунова отнюдь не единичен. Привлеченные перспективами развития туризма, свои гостиничные предприятия в слободе открывали и другие горцы. Об одном таком в своих воспоминаниях упоминает К.А. Чхеидзе [Чхеидзе 2004: 192].

Помимо гостиниц и заезжих домов, жилье в наем активно предоставляет местное население. Данный вид предпринимательства традиционно оставался важной статьёй дохода слобожан и успешно конкурировал с нарождавшимся гостиничным делом, преимущественно, в силу дешевизны предлагаемых услуг. В слободе Нальчик средняя годовая наемная стоимость квартир составляла:

- малых (до 4 комнат) – 360 р.;
- средних (4–6 комнат) – 500 р.;
- больших (свыше 6 комнат) – 1000 р.

По округу – наем квартир стоил на порядок ниже:

- малых – 240 р.;
- средних – 360 р.;
- большие – 600 р. [УЦГА АС КБР: Ф. И-6. Оп. 1. Д. 864. Л. 79].

Средняя месячная наемная плата домашней прислуги с продовольствием хозяев также выглядела необременительной для заезжей столичной публики:

- Мужская прислуга в округе и слободе – 15 р.;
- Женская прислуга в округе – 5 р., в слободе – 10 р.
- Поденная плата чернорабочих без продовольствия:

- Летом – 1–2 р.;
- Зимой – 80 – 1р. 50 к. [УЦГА АС КБР: Ф. И-6. Оп. 1. Д. 864. Л. 79].

Эти цены, на фоне аналогичных показателей соседних Пятигорска и Кисловодска, выглядели весьма умеренными, а учитывая невысокую цену на продукты питания в слободе – фунт хлеба 1-го сорта стоил 5 к., 2-го – 4,5 к., фунт мяса 14 к., яйца 10 штук – 28 к., масло коровье 1 фунт – 56 к., молоко 1 бутылка – 15 к., картофель 1 пуд – 50 к. [УЦГА АС КБР: Ф. И-6. Оп. 1. Д. 864. Л. 81], Нальчик имел все шансы превратиться в один из самых посещаемых курортов Северного Кавказа.

Подводя итоги необходимо отметить, что рост экономической активности населения Нальчикского округа на рубеже XIX–XX вв. является следствием социально-экономических и политических преобразований 60-х годов XIX в.

Рассмотренные источники свидетельствуют, что к началу XX в., в экономике Нальчикского округа прослеживаются устойчивые темпы развития. Проникновение рыночных отношений в традиционное хозяйство горцев способствовало повышению экономической культуры местного населения, выразившееся, прежде всего, в многообразии форм предпринимательской инициативы. Развитие рыночных отношений в крае обусловило трансформацию традиционных занятий горцев, способствовало увеличению товарности производства. В этих условиях наблюдается рост в округе рынка услуг. Его основой, помимо разветвленной сети торговых учреждений, стали предприятия общественного питания, питейные заведения, учреждения досуга, ориентированные не только на заезжих туристов, но уже и на местное мусульманское население, что делает это явление уникальным. Поступательное развитие экономики округа, в том числе, и сферы обслуживания, было прервано разразившейся в 1914 г. Первой мировой войной.

Список источников

- Белоусов 1955 – *Белоусов А.А.* Экономическое развитие Кабарды. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1955. 153 с.
- Далгат 1991 – *Далгат Б.К.* Слобода Нальчик (отрывок из дневника путешественника) // Живая старина. 1991. № 1. С. 145–150.
- Жакомихов 1965 – *Жакомихов Т.А.* История народного хозяйства Кабардино-Балкарии. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. 205 с.
- Кабанов 1960 – *Кабанов А.С.* Нальчик – столица Кабардино-Балкарии. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1960. 125 с.
- Котляров 2017 – *Котляров В.* Купеческие семьи Нальчика. Родовые корни предпринимательства Кабардино-Балкарии. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2017. 80 с.
- Кумыков 1965 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. 419 с.
- Миллер, Ковалевский 1884 – *Миллер В., Ковалевский М.* В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. 1884. Т. 2. № 4. С. 540–588.
- Пеннер В., Пеннер Н. 1993 – *Пеннер В.Я, Пеннер Н.В.* Нальчик глазами современников. Нальчик: Эльбрус. 1993. 142 с.
- Саблиров 2001 – *Саблиров М.З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX вв. Нальчик: Адыгэ хэку, 2001. 232 с.
- УЦГА АС КБР – Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.
- Чхеидзе 2004 – *Чхеидзе К.А.* Страна Прометея. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004. 262 с.

References

- BELOUSOV A.A. *Ekonomicheskoe razvitie Kabardy* [Economic development of Kabarda]. Nalchik: Kabardian book publishing house, 1955. 153 p. (In Russian)
- DALGAT B.K. *Sloboda Nal'chik (otryvok iz dnevnika puteshestvennika)* [Sloboda Nalchik (excerpt from the traveler's diary)]. IN: *Zhivaya starina* [Living antiquity]. 1991. № 1. P. 145–150. (In Russian)
- ЖАКОМИНОВ Т.А. *Istoriya narodnogo hozyajstva Kabardino-Balkarii* [History of the national economy of Kabardino-Balkaria]. Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house, 1965. 205 p. (In Russian)
- KABANOV A.S. *Nal'chik – stolica Kabardino-Balkarii* [Nalchik – the capital of Kabardino-Balkaria]. Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house, 1960. 125 p. (In Russian)
- KOTLYAROV V. *Kupecheskie sem'i Nal'chika. Rodovye korni predprinimatel'stva Kabardino-Balkarii* [Merchant families of Nalchik. The ancestral roots of entrepreneurship in Kabardino-Balkaria]. Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarovs, 2017. 80 p. (In Russian)

KUMYKOV T.H. *Ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie Kabardy i Balkarii v XIX veke* [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the XIX century]. Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house, 1965. 419 p. (In Russian)

MILLER V., KOVALEVSKIJ M. *V gorskih obshchestvah Kabardy* [In mountain societies of Kabarda]. IN: *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe]. 1884. Vol. 2. № 4. P. 540–588. (In Russian)

PENNER V.YA., PENNER N.V. *Nal'chik glazami sovremennikov* [Nalchik through the eyes of contemporaries]. Nalchik: Elbrus, 1993. 142 p. (In Russian)

SABLIROV M.Z. *Kul'tura narodov Kabardy i Balkarii v konce XIX – nachale XX vv.* [Culture of the peoples of Kabarda and Balkaria in the end of XIXth – beginning of XXth centuries]. Nalchik: Adyge heku, 2001. 232 p. (In Russian)

Upravlenie central'nogo gosudarstvennogo arhiva Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj Respubliki [Department of the central state archive of the Archival service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

CHKHEIDZE K.A. *Strana Prometeya* [Country of Prometheus]. Nalchik: Polygraphservice and T, 2004. 262 p. (In Russian)

Информация об авторе

Т.А. Дзуганов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора древней истории и археологии.

Information about the author

T.A. Dzuganov – candidate of science (history), senior researcher of the sector of ancient history and archeology.

Статья поступила в редакцию 08.12.2021; одобрена после рецензирования 13.12.2021; принята к публикации 24.12.2021.

The article was submitted 08.12.2021; approved after reviewing 13.12.2021; accepted for publication 24.12.2021.

Научная статья
УДК 395(470.6)
DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-56-61

**К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ЭТНОНИМА «ГОРСКИЕ ТАТАРЫ»
В РАБОТАХ ГОТФРИДА МЕРЦБАХЕРА**

Асият Мусаевна Абаева

Кабардино-Балкарский государственный университет, Нальчик, Россия, asiatg@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0066-3755>

© А.М. Абаева, 2021

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы истории и культуры балкарского этноса, освещаемые выдающимся немецким ученым, путешественником и альпинистом второй половины XIX в. Готфридом Мерцбахером. В настоящее время труд еще не переведен на русский язык и по этой причине, а также ввиду редкости издания мало используется отечественными кавказоведами. Труд Мерцбахера отличается богатым этнографическим материалом о народах, населяющих высокогорья Кавказа. Так, автор дает нам подробное описание «горских татар», с культурой и бытом которых альпинист тесно познакомился во время своих исследовательских экспедиций. В конце своего этнографического описания, посвященного «горским татарам», Мерцбахер приходит к заключению, что этноним «горские татары» встречается в литературе для определения тюркоязычного народа мусульманского вероисповедания, называющего себя «таулу», что означает на их наречии «житель гор», однако в зависимости от места проживания они делятся на урусбиевцев, чегемцев, малкаров и безенгиевцев. Целью данного исследования является введение в научный оборот новых источников по этнографии народов Кавказа, что в дальнейшем поможет проанализировать и верифицировать содержащуюся в них информацию.

Ключевые слова: этнография, ориенталистика, кавказоведение, «горские татары», балкарцы, немецкие путешественники

Для цитирования: Абаева А.М. К вопросу о содержании этнонима «горские татары» в учении Готфрида Мерцбахера // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-2 (51). С. 56–61. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-56-61

Original article

**ON THE CONTENT OF THE ETHNONYM «MOUNTAIN TATARS»
IN THE WORKS OF GOTTFRIED MERZBACHER**

Asiyat M. Abaeva

Kabardian-Balkarian State University, Nalchik, Russia, asiatg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0066-3755>

© А.М. Абаева, 2021

Abstract. The article deals with the history and culture of the Balkar ethnos, highlighted by an outstanding German scientist, traveler and mountaineer of the second half of the 19th century. Gottfried Merzbacher. At present, the work has not yet been translated into Russian, and due to the language barrier and the rarity of the publication, it is little used by domestic Caucasian scholars. Merzbacher's work mainly differs from this kind of research in rich ethnographic material about the peoples inhabiting the high mountains of the Caucasus. So, the author gives us a detailed description of the mountain Tatars, with the culture and life of which the climber became closely acquainted during his research expeditions. At the end of his ethnographic description, dedicated to the Mountain Tatars, Merzbacher comes to the conclusion that the ethnonym «Mountain Tatars» is found in

the literature concerning the Turkic-speaking people of the Muslim religion, who call themselves «Taulu», which means in their dialect «inhabitant of the mountains», however, depending on places of residence they are divided into Urusbians, Chegems, Malkars and Bezengiensi. An appeal to the research of European publicists of the XIX-th century will help to introduce into scientific circulation new sources on the ethnography of the peoples of the Caucasus in the highlands, as well as to analyze and verify the materials contained in them.

Keywords: ethnography, orientalism, Caucasian studies, «mountain Tatars», Balkars, German travelers

For citation: Abaeva A.M. On the content of the ethnonym «mountain tatars» in the teachings of Gottfried Merzbacher. Vestnik KBIGI = KBiHR Bulletin. 2021; 4-2 (51): 56–61. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-56-61

В изучении истории и культуры народов Кавказа современные этнографы все чаще обращаются к результатам исследований не только отечественных ученых, но и зарубежных авторов, посетивших Кавказ и оставивших ценные сведения о населяющих его этносах. Благодаря сравнительному анализу сведений иностранных путешественников и российских ученых становится возможным составление полной картины общественно-политической жизни, культуры и быта того или иного народа на определенном этапе его истории. Именно сегодня осмысление литературы европейских путешественников приобрело особую актуальность, так как в настоящее время в научных кругах все еще не существует единого общепринятого мнения по многим вопросам, касающимся истории и культуры Кавказа.

В конце XIX века европейские альпинисты, в особенности немецкие, все чаще стали посещать Северный Кавказ. Кавказ притягивал альпинистов высокими неприступными скалами, а также высочайшей вершиной Европы, горой Эльбрус.

Среди европейских альпинистов, покоривших главные вершины Кавказских гор, нельзя не назвать Готфрида Мерцбахера, немецкого географа, альпиниста и путешественника.

Он родился в 1843 г. в средней Франконии в поселке Байерсдорф в семье торговца мехами. После окончания реальной школы Готфрид отказался от изучения наук и выбрал профессию скорняка. Он решил освоить торговое дело, овладеть английским, французским, а также русским языком, знание которого ему особенно пригодилось во время экспедиций [NDB 1994: 157]. В 1868 году Г. Мерцбахеру удалось открыть в Мюнхене цех по отделке меха, а на досуге он занимался альпинизмом [Häusler 2014: 35].

«Из высокогорных районов Кавказа» является результатом двух экспедиций на Кавказ и содержит ценнейшие сведения о горских народах [BAGS 1901: 469]. Говоря о народах Кавказа, Г. Мерцбахер отмечает, что «ни в одной другой стране земли на таком маленьком пространстве нельзя встретить так много разных народов, которые отличались бы друг от друга по типу, нравам и языку» [Merzbacher 1901: 155], называя при этом Кавказ «этнографической выставкой» [Merzbacher 1901: 156].

Труд Г. Мерцбахера отличается богатым этнографическим материалом о народах, населяющих высокогорную зону Кавказа. Большой интерес представляют также собранные им сведения по этнографии карачаевцев и балкарцев. [Рототаев 1977: 2]. Так, автор дает нам подробное описание «горских татар», с культурой и бытом которых альпинист тесно познакомился во время своих исследовательских экспедиций. Этот народ, как сообщает ученый, проживает в верховьях рек Баксан, Чегем, Урвань и Черек в высокогорных ущельях Кавказа и является татарским племенем неизвестного происхождения, которое некоторыми этнографами именуется «горскими кабардинцами» ошибочно, так как первоначально не имел с кабардинцами кровного родства.

Упомянув о том, что все «горские татары» называют себя «таули» или «таулу», что на их языке означает «житель гор», Г. Мерцбахер не считает данное

самоназвание этнографическим, так как в зависимости от их места жительства они именуется по-разному: «горских татар», проживающих в долине реки Баксан называют урусбиевцами, по названию главного населенного пункта их ущелья [Merzbacher 1901: 191]. Однако, версия В.Я. Тепцова о том, что Урусбиево населено карачаевцами, пришедшими сюда не так давно из долины Кубани, по мнению ученого, не имеет достаточных доказательств, так как основывается лишь на некотором сходстве диалектов урусбиевцев и карачаевцев [Тепцов 1892: 132]. Жителей долины реки Чегем, сообщает автор, называют чегемцами, однако, племя, населяющее долину реки Урвань – безенгиевцами, а осевших в долине реки Черек горцев – балкарами, хотя названия местностей не совпадают с двумя последними вышеперечисленными этнонимами. Немецкий исследователь ссылается на В.Я. Тепцова, который в своем очерке «По истокам Кубани и Терека» пишет, что жителей долины реки Черек правильнее называть «молкары»: «Название народа «балкар» нам кажется записано и выговаривается не вполне правильно» [Тепцов 1892: 189]. Г. Мерцбахер ставит под сомнение гипотезу Карла фон Гана о родстве балкар с болгарами, аргументируя свою точку зрения преобладанием среди балкар еврейского типа и многочисленных древнееврейских слов в их диалекте.

По мнению автора, они считаются остатком народа тюркского племени, которое проживало на юге России на момент вторжения Чингисхана и отступившего под давлением завоевателей в эти высокогорные долины. Карл Кох, в свою очередь, пишет о «горских татарах» как о потомках тюркского племени каманов, слывших основателями ранее знаменитых южнороссийских городов Маджар и Джулат. К тому же он склоняется к мнению, что они были пригнаны сюда во время господства Мамай в южной России или в результате нашествия Тамерлана на сегодняшнюю Кабарду и позднее оттеснены в высокогорья [Merzbacher 1901: 190].

Однако сведения Г. Мерцбахера о «горских татарах» представляются некоторым представителям европейской ориенталистики весьма спорными, так как в свое время явились предметом полемики в научной среде. Так, автор не соглашается с Г.В. Абином в том, что «горские татары» до конца XVIII века исповедовали христианство. Исследователь считает данное предположение неправдоподобным, а развалины относит к другому народу, утверждая, что «горские татары» приняли ислам гораздо раньше [Merzbacher 1901: 192].

В VIII главе труда «Из высокогорных районов Кавказа» сообщается, что «горские татары» сумели сохранить свой язык, еще не полностью изученный тюркский диалект, указывающий на большую примесь иностранных элементов. В то же время тесные культурные связи с соседствующими кабардинцами не помешали им сохранить свои уникальные нравы и обычаи, хотя они и были подвержены определенным трансформациям со стороны соседнего народа. Больше всего, как отмечает ученый, проявляется это влияние у баксанских татар, называемых урусбиевцами, так как они переняли почти полностью обычаи и нравы кабардинцев и считаются самым гостеприимным и благонравным горным народом, который может встретить путешественник в высокогорьях Кавказа. При этом Г. Мерцбахер подчеркивает, что «горские татары» могут внешне выглядеть даже как настоящие кабардинцы; и что они склоняются, как и последние (кабардинцы) к арабской теории происхождения, хотя в их принадлежности к тюркской семье ученый не сомневается.

Немецкий ученый сообщает, что жители долины Баксан – преимущественно мусульмане, хотя древние руины церквей византийского стиля вдоль долины могут указывать, по его мнению, на раннее проникновение христианства в долину. Однако, на его взгляд, они были построены все же не «горскими татарами» а, пожалуй, проживающим до них в этой местности и очень давно переселившимся или изгнанным народом. Нынешние жители этой долины, а также соседних параллельных долин Чегем и Балкар являются «татарами», так называемые

«горские татары», именуемые также «таули»; они, по предположениям ученого, были оттеснены в эти долины не более 5–6 веков назад или, возможно, еще позже [Merzbacher 1901: 548].

Г. Мерцбахер дает нам следующие сведения о внешности «горских татар»: «Они не большие, не особенно сильные, худые и все же пропорционального телосложения, хотя немного короткошеие. Черты чересчур резкие; также у них горбатые носы и маленькие раскосые глаза, сильно выступающие скулы; и в целом они напоминают еврейское выражение лица. Головы обрамлены в большинстве темно-коричневыми бородами, волосы сбриты на мусульманский манер и заменены лохматой меховой шапкой. Во всей сущности этих людей имеется что-то выжидающее хитрое, и, все же, несомненно, невооруженным взглядом видны черты добродушия и дружелюбия. Более приятное впечатление производят женщины; они стройные, почти элегантного роста, имеют не совсем классические правильные, но все же красиво очерченные черты лица, а также прекрасный цвет кожи, миленький ротик с красными губами и жемчужными зубами, горящие карие глаза и такого же цвета густые мягкие волосы, в большинстве своем, прелестно уложенные надо лбом. Еще более привлекает внимание их богатый костюм с их живыми цветами, серебряными шнуровками на вставке в области груди и серебряным поясом. Вокруг головы обвязаны, независимо от того, имеют ли они на себе высокие цилиндрической формы береты или нет, прекрасные белые кружевные платки, которые прелестно контрастируют с рыжеватыми волосами, а также темными глазами и выгодно гармонируют с нежным цветом лица. Несмотря на приверженность исламу, женщины никогда не закрываются покрывалом даже перед чужаками. Грацией размеренных легких движений и непринужденной прямой благородной осанкой эти дочери дикой местности в состоянии послужить примером для многих европейских салонных дам» [Merzbacher 1901: 548–550].

«Горских татар» Г. Мерцбахер описывает как поразительно веселых, общительных людей, которым свойственны жизнерадостность и веселье, что нельзя сказать ни об одном другом мусульманском народе, ни на азиатской, ни на африканской земле. «Благодаря природе своего местожительства, удаленные от влияния внешней культуры и не подверженные ассимиляции, горские татары проживают в относительно комфортных социальных условиях и образуют в целом симпатичное этнографическое явление на Кавказе. Для путешественников, прибывших из Сванетии, на лицо контраст: там великолепные природные условия, мир возвышенных многочисленных форм и самых удивительных цветовых решений; многообразие ландшафта, разнообразная флора альпийских лугов, милостивые ущелья, горы средней высоты, поросшие свежими лесами, особый монументальный архитектурный стиль выполненных из камня жилищ и при этом грубый, негостеприимный и бедный, исповедующий христианство, если даже формально, народ. Вопреки всему этому, здесь усеченные формы гор, определенная бедность и однообразность природной картины, а именно как в линиях, так и в коричневом оттенке ее цветов; существенно отличающийся, сравнительно скудный характер флоры и недостаток лесов, невзрачные деревянные постройки в качестве жилищ, но в некоторой степени цивилизованное, дружелюбное, зажиточное население мусульманского вероисповедания; наконец, добродушные отношения между отдельными сословиями и вообще внутри народа между отдельными людьми [Merzbacher 1901: 553]. Доверчивость, веселый нрав и бьющая ключом жизнерадостность этих людей позволяла совсем забыть, что находишься среди мусульманского народа [Merzbacher 1901: 561].

Резюмируя результаты своего этнографического описания, посвященного «горским татарам», Г. Мерцбахер приходит к следующему заключению:

1. Самоназвание «горских татар» «таулу», что означает на их наречии «житель гор», нельзя рассматривать как этноним, так как в зависимости от места

проживания они делятся на урусбиевцев, чегемцев, малкаров и безенгиевцев. Кроме этого, отмечает ученый, данный народ иногда некорректно называют «горскими кабардинцами», так как они не имеют ни генетического, ни языкового родства с кабардинцами и относятся к тюркским народам.

2. По мнению Г. Мерцбахера, «горские татары» из разных ущелий относятся к разным антропологическим типам, что говорит об их разном происхождении. Баксанские «татары», считает ученый, больше схожи с кабардинцами, чегемцы внешне напоминают осетин, а безенгиевцы, в отличие от своих соплеменников, имеют татарское происхождение.

3. «Горские татары» произошли от кочевого племени и были оттеснены в высокогорные долины, в места их нынешнего проживания вновь прибывшими более сильными народами.

4. Все «горские татары» говорят на «татарском» наречии, которое содержит множество еврейских заимствований, на основании чего можно сделать выводы об их прежних контактах с еврейским народом.

5. Все племена «горских татар» исповедуют мусульманство, однако не придерживаются строго всех правил и запретов религии. Так, к примеру, в отличие от карачаевских женщин, балкарки ходят с открытым лицом.

Уникальность труда Г. Мерцбахера заключается в том, что к моменту выхода его книги европейская научная литература о Кавказе была посвящена, в основном, черкесам, а народы, проживающие в отдаленных высокогорных районах, упоминались лишь вскользь [Абаева Асият, Абаева Асуана 2015: 122].

Исследования и публикации Г. Мерцбахера являются несомненно ценным источником этнографических сведений, однако, в настоящее время все еще остаются спорными вопросы, касающиеся этносов, населяющих его высокогорные районы. Ввиду этого дальнейший анализ подобного рода заметок и сообщений, а также мемуаров европейских путешественников может в дальнейшем помочь современным кавказоведам в решении задач объективного изучения истории народов Кавказа.

Список источников

Абаева Асият, Абаева Асуана 2015 – *Абаева А.М., Абаева А.М.* Исследовательская деятельность Г. Мерцбахера и этнографическая карта кавказского высокогорья // Социально-политическое и культурное пространство Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI – начале XX в.: направления и динамика интеграционных процессов. Сборник научных статей по материалам региональной научной интернет-конференции (г. Нальчик 19–30 октября 2015 г.). Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. С. 122–132.

Рототаев 1977 – *Рототаев П.С.* К вершинам. Хроника советского альпинизма. М.: Физкультура и спорт, 1977. 500 с.

Тепцов 1892 – *Тепцов В.Я.* По истокам Кубани и Терека // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1892. Вып. XIV. С. 59–212.

BAGS 1901 – *Bulletin of the American Geographical Society.* Published by: American Geographical Society. Vol. 33. № 5. С. 469. 1901. URL: <http://www.jstor.org/stable/197503>.

Häusler 2014 – *Häusler Hermann.* Auf den Spuren des Geographen und Forschungsreisenden Prof. Dr. phil. h.c. Gottfried Merzbacher. Berichte der Geologischen Bundesanstalt, Wien, 2014. Band 107. P. 35.

Merzbacher 1901 – *Merzbacher G.* «Aus den Hochregionen des Kaukasus». В.I. Leipzig: Verlag von Duncker und Humblot, 1901. 958 p.

NDB 1994 – *Neue Deutsche Biographie.* 1994. Bd. 17. P. 205. URL: <http://www.ndb.badw.de/NDB-Merzbacher-Gottfried.pdf>.

References

ABAIEVA A.M., ABAIEVA A.M. *Issledovatel'skaja dejatel'nost' G. Merzbahera i etnograficheskaja karta kavkazskogo vysokogorja* [Merzbacher's research activities and the

ethnographic map of the Caucasian highlands]. IN: *Socialno-politicheskoe i kulturnoe prostanstvo Centralnogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza v XVI – nachale XX v.: napravlenija i dinamika integracionnyh processov* [Socio-political and cultural space of the Central and North-Western Caucasus in the 16th – early 20th centuries: directions and dynamics of integration processes]. Collection of scientific articles based on the materials of the regional scientific Internet conference (Nalchik, October 19–30, 2015). Nalchik: Publishing department of KBIHR, 2015. P. 122–132. (In Russian)

ROTOAEV P.S. *K veršinam. Hronika sovetskogo alpinizma* [To the heights. Chronicle of Soviet mountaineering]. Moscow: Physical culture and sport, 1977. 500 p. (In Russian)

ТЕРЦОВ В.Я. *Po istokam Kubani i Tereka* [On the origins of the Kuban and Terek]. IN: *Sbornik materialov dlja opisanija mestnostej i plemen Kavkaza* [Collection of materials for describing the areas and tribes of the Caucasus]. 1892. Issue XIV. P. 59–212. (In Russian)

Bulletin of the American Geographical Society. Published by American Geographical Society. Vol. 33. № 5. P. 469. 1901. URL:<http://www.jstor.org/stable/197503>.

HÄUSLER HERMANN. *Auf den Spuren des Geographen und Forschungsreisenden*. Prof. Dr. phil. h.c. Gottfried Merzbacher. Berichte der Geologischen Bundesanstalt Wien, 2014. Band 107. P. 35.

MERZBACHER G. *Aus den Hochregionen des Kaukasus*. B.I. Leipzig: Verlag von Dunker und Humblot, 1901. 958 p.

Neue Deutsche Biographie. 1994. Bd. 17. P. 205. URL: <http://www.ndb.badw.de/NDB-Merzbacher-Gottfried.pdf>.

Информация об авторе

А.М. Абаева – преподаватель иностранных языков.

Information about the author

A.M. Abaeva – teacher of foreign languages.

Статья поступила в редакцию 12.11.2021; одобрена после рецензирования 13.12.2021; принята к публикации 24.12.2021.

The article was submitted 12.11.2021; approved after reviewing 13.12.2021; accepted for publication 24.12.2021.

Научная статья
УДК 811.512.142
DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-62-70

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ В ПЕРЕВОДНЫХ СЛОВАРЯХ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Лариса Борисовна Кучмезова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, larisakuchmezova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7384-1455>

© Л.Б. Кучмезова, 2021

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов, связанных с раскрытием лексико-семантических особенностей значений слов в переводных словарях карачаево-балкарского языка. В ней рассматривается порядок подачи различных значений в словарной статье, соответствующий процессу развития значений того или иного слова. Объектом изучения в данном случае стали многозначные слова и фразеологизмы, диалектные слова и устойчивые выражения с точки зрения их фонетических, лексических и грамматических особенностей. В работе отмечается, что расчленение слова в словарной статье происходит по номинативному значению на многозначные ветви, которые не выходят за пределы основного значения. В статье на основе сравнительного анализа определенного количества примеров показывается практика подачи и раскрытия значений слов в переводных словарях. Проведенное исследование свидетельствует о необходимости усиления и укрепления контактов между лексикографами различных тюркоязычных республик.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, диалектное слово, переводной словарь, словарная статья, основное значение слова

Для цитирования: Кучмезова Л.Б. Лексико-семантические особенности значений слов в переводных словарях карачаево-балкарского языка // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-2 (51). С. 62–70. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-62-70

Original article

LEXICAL AND SEMANTIC FEATURES OF WORD MEANINGS IN THE TRANSLATED DICTIONARIES OF KARACHAY-BALKARIAN LANGUAGE

Larisa B. Kuchmezova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, larisakuchmezova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7384-1455>

© L.B. Kuchmezova, 2021

Abstract. The article is devoted to the study of the issues related to the disclosure of lexical and semantic features of the meanings of words in the translated dictionaries of the Karachai-Balkar language. It examines the order of the presentation of different

meanings in the dictionary article, corresponding to the process of the development of the meanings of a particular word. The object of study in this case are multiple-valued words and phrases, dialectal words and stable expressions in terms of their phonetic, lexical and grammatical features. The paper notes that the partition of the word in the dictionary article occurs according to the nominative meaning into multivalued branches, which do not go beyond the basic meaning. On the basis of a comparative analysis of a number of examples the article shows the practice of presenting and revealing the meanings of words in the translated dictionaries. The conducted research indicates the need to strengthen and strengthen contacts between lexicographers of different Turkic-speaking republics.

Keywords: karachay-balkarian language, dialect word, translation dictionary, dictionary entry, basic meaning of the word

For citation: Kuchmezova L.B. Lexical-semantic peculiarities of word meanings in the translated dictionaries of karachay-balkarian language. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2021; 4-2 (51): 62–70. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-62-70

Одним из наиболее спорных и наименее разработанных вопросов карачаево-балкарской лексикографии, связанных с составлением переводных словарей, является организация словарных статей, раскрытие значений многозначных слов и фразеологических единиц, устойчивых конструкций. Порядок же подачи различных значений в словарной статье должен соответствовать процессу развития значения данного слова. Следует отметить, что существует ряд научных статей, посвященных разработке данной тематики [Гузеев 1981; Гузеев 1982; Гузеев 1984a]. Имеется и несколько монографий и инструкция по проблеме составления толковых словарей [Гузеев 1984b; Гузеев 1985; Гузеев 2010]. По тематике же переводных словарей в карачаево-балкарской лингвистике публикации отсутствуют.

Известно, что основными структурными компонентами переводного словаря являются: вводная статья, словник, словарная статья, указатели, список источников, список условных сокращений, алфавитный порядок подачи слов. В словник включаются все единицы, которые формируют область описания словаря и являются входами словарных статей. Фактически словник охватывает область описания словаря. Словарная статья является его элементарной единицей. Указатели, или индексы, образуют отдельный структурный компонент, в двуязычных словарях они выполняют функцию обратного словаря по отношению к переводному. Словарная статья, как базовая единица словаря, состоит из нескольких зон описания: первая зона – лексический вход словарной статьи, вокабула или лемма. Затем следует зона грамматической информации. В вокабуле указывается ударение. Для маркировки зоны словарной статьи используются различные виды графического обозначения: лексический вход обычно маркируют полужирным выделением, примеры даются курсивом, источник и грамматическая информация обозначаются меньшим кеглем и т.п. Система расположения слов в словаре – алфавитно-гнездовая. В одной словарной статье можно дать лексическое поле: ключевое слово и его производные.

При подготовке к изданию переводных словарей составной частью номенов является широта распространения: общеупотребительность, регулярность являются основанием для включения их в словари. Так, например, в языке широко представлены номены, обозначающие деревья, птиц, рыб, животных и т.д. Также обращается особое внимание на расчленение значений слов в словарной статье. Первоначальное номинативное значение расчленяется на многозначные ветви, которые не выходят за рамки основного значения, например, имеется в виду полисемия только с прямым значением. Таким образом, многозначность, разветвляясь и развиваясь, может образовать переносное значение, то есть полисемию с переносным значением. В то же время это отвлеченное значение, формируясь и абстрагируясь, может образовать многозначные омонимы. Исходя из лексикографической практики, исследователи не всегда придерживаются этого общего правила, и каждый составитель описывает значения слов иногда по своему усмотрению. Из-за

этого одно и то же слово может быть представлено в разных словарях с разным числом значений, приводимых в разной последовательности. Например, слово: **ЧАС**, -а (-у), м. сагъат **1.** Бир сутканы 1/24 эм 60 минут тенгли заман. **Полтора часа Сагъат бла жарым Четверть часа Сагъатны төртден бири.** **2.** 60 минут-лукъ заман, кюн тышден неда кече ортасындан. **Час ноци Кече бир сагъат.** **Три часа пополудни кюн тыш юч сагъатдан сора.** **3.** Бир ауукъ заман, урокга неда лекциягъа берилген, солууу бла бирге 60 минут. **Академический час** Академия сагъат. **Учебный час** Окъуу заман. **4.** *чего* или *какой*. Заман. Кезиу. **Вечерний час.** Ингир сагъат. **Поздний час.** Кечги сагъат. **Ранние часы** Эрттен заман. \diamond **Все-му свой час.** **Все-му свой срок.** Хар нени кеси заманы, кеси кезиую // бир затны болунган, жетишген заманы. **Час расплаты.** Кезиую къайтхан заман. \diamond **Он до-жил до счатливого часа.** Ол насыплы заманына дери жашады // Бир тюрлю бир затха берилген заман. **Часы занятий.** Окъуу заман. **Часы отдыха.** Солуу кезиу. **Обеденный час.** Тыш заман. **5.** *мн.ч.* (часы, -ов). *Воен.* Къарауудла туруу. **Стоять на часах.** Сагъатланы сакълау. **6.** *мн.ч.* (часы, -ов). *Церк.* Христиан динде првославныйле бардыргъан службала, аны кезиуюнде окъулгъан тилекле, дууала. **Час молитвы** тилек этилген сагъат. \diamond **Адмиральский час** (*устар. шутл.*) – кюн тыш, эрттен аш-азыкъ ашагъан кезиу. **Тихий (или мертвый) час** – саусузла юйюнде бла сабий учреждениялада тышлюкден сора солургъа берилген сагъат. **Часы пик** см. пик. **Час пробил!** См. *пробить*. **Час в час** – тыз айтылынган, белгиленген заман, сагъат. **Час от часу не легче** см. *легко*. **В добрый час!** – ахшы жолгъа ашыргъан алгъыш. **Не в добрый час** огъурсуз сагъатда; **час от часу не легче!** алгъындан аманы чыгъа келеди, таймаздан аманнга барады!; **с часу на час** ма бу-сагъат; **в свой час** – керекли заманында. **до этого (сего) часа** – бу сагъатха дери, шёндюге дери; **не ровен час** не болур, не къалыр; ким биледи къалай боллугъун; **расти не по дням, а по часам** бек женгил ёсерге; **стоять на часах** къалауур болуп турургъа.

Из приведенного примера, мы видим, что слово «час» имеет 6 значений, первоначальное номинативное значение которого, развиваясь образовало отвлеченное значение, при этом значение словарной единицы не выходит за рамки основного значения.

При включении в переводные словари производных слов, диалектизмов, неологизмов, устаревших слов приемлемым будет исходить из их широкого употребления, как в общенародном языке, так и в языке науки, учитывая актуальность и научную значимость, входящая в состав устойчивых сочетаний. Целесообразность включения данных групп слов видится в том, что большинство из них содержит в себе этносемы, являющиеся следствием различного деления мира.

Важным вопросом при собирании любого типа словаря, в частности переводного, после отбора словника, становится описание структуры словарной статьи. Потому что входящее в словарную статью содержание должно включать, по меньшей мере, следующие компоненты: заглавное слово и его характеристики, его семантизацию, извлечения из текстов, иллюстрации, отсылки и справки разного характера.

Тематика установления как операции, позволяющей правильно вводить языковое употребление специального слова и выражения имеет давнюю традицию. При нахождении лексического значения слова обычно руководствуются следующими запросами: значение понятия должно сводиться к более простым понятиям и не повторяться. Определение должно объективно отображать семантически значимые признаки слова. Для каждого слова в языке должна наличествовать описательная формулировка, в лексическом значении должны выявляться связи между значениями и подтверждать место этого слова в системе языка, а также должны отыскать отображение те семантические особенности и черты, которые являются дифференциальными.

В целях более углубленного разъяснения слов вводятся примечания, иллюстративный материал. В примечаниях объясняются значения употребляемых в дефинициях нестандартных слов, разрастается и приобретает более значительный смысл информация об определяемом объекте. Иллюстрации употребляются для передачи более глубокого представления о деталях.

Роль переводных словарей повышается при самостоятельной работе над языком, сравнительно-сопоставительном ознакомлении с лексической системой разных языков, при обучении неродному языку с целью последующей коммуникации и использования знаний при переводческой работе. Перевод является не чисто языковым, а сложным познавательным феноменом: переводя с одного языка на другой, человек использует как свои языковые знания, так и самые разнообразные экстралингвистические знания. Во многих двуязычных словарях лексические значения слова лишь констатируются без учета их сочетаемости, что снижает возможность правильного восприятия слов. Не учитываются все особенности перевода значений слов. Необходимо разграничение слов по степени семантического соответствия единиц исходного языка единицам переводного языка, причем в основе этого разграничения должны лежать особенности логической структуры языковых единиц. Степень семантического соответствия этой структуры при сравнении языков оказывается очень разнообразной, и используется чаще всего описательный перевод.

Следует обратить внимание на то, что появление нового термина совершается под воздействием экстралингвистических и лингвистических факторов. Одной из главных целей лексикографии считается систематическое развитие способности пользоваться речью и ориентироваться не только в мире вещей, но и в связях между вещами и словами, которые их обозначают.

Двуязычный словарь должен быть полным и точным семантическим и стилистическим описанием словарного состава. Составлению двуязычных словарей предшествует выявление и изучение специальной лексики, его семантики и структурных особенностей с учетом всех принципов лексикографии. Принципиальное изучение данной проблемы весьма важно для разработки теоретических вопросов семасиологии и дальнейшего совершенствования лексикографической практики.

Таким образом, соблюдение принципа отбора словника и построения словарной статьи представляется возможным при выделении важнейших параметров двуязычных словарей, задающих их классификацию. Определенные сложности возникают лишь при анализе фактического материала семантической структуры слов различных диалектизмов и архаизмов, которые уже не употребляются в современном карачаево-балкарском языке в силу тех или иных объективных причин. Например: **ШАР** м. шар; 1. кесини тегерегине айланьрча къуралгъан геометрия зат, **радиус шара** шарны радиусу. 2. Аллаи тегерек формасы болгъан зат: **бильярдные шары** бильярд шарла. 3. Устар. аллай формалы бир зат адам къол кетюрюр ючюн къуралгъан, чеп атыгъа салынган: Чёрный шар! Белый шар! Къара чепге салыу! Чеп салыуда болушуу! 4. мн.ч. (шары, -ов). Груб. прост. кёзле: вытарашил шары кёзлерин жандырды. ◇ **Воздушный шар** кёкде хауада учхан шар. **Земной шар** – планета земля жерни башы. **Хоть шаром покати** къуппакъуруду, бир зат жокъду. Третье значение слова «шар» является устаревшей и не употребляется в языке, встречается лишь в литературе.

Или же: **ШАРКАТЬСЯ**, -юсь, -аешься. Несов. 1. Несов. к шаркнуться. 2. Прост., устар. то же, что шаркать. Не умею шаркаться адамны кёлюн ала билмейме. В силу объективных причин, второе значение данного слова не употребляется в современном языке.

Так же: **ШАШЕЧНИЦА**, -ы ж. 1. Устар. эки тюрсюннге юлешинген къанга шашка неда шахмат ойнарча. 2. Шашкаланы жыйычу орун. Первое значение устарело и поэтому мало употребляется.

ШВЕЙКА, -и, ж. *Разг. устар.* тигиучю деген магъанада. **Трещат машины швеек** Тигиучюлени машинкалары тохтамай таууш этедиле. В данном случае слово одновременно устаревшее и разговорное, в обиходном языке не используется.

Понимание специфики языка и его соотношения с другими общественными явлениями основывается, в первую очередь, на его функциональном назначении в жизни народа. Эта проблема решается в нашей работе на материале диалектизмов балкарского языка и определяется пересекающимися вопросами истории, этнографии, лингвистики, этнолингвистики, лингвокультурологии: **ЧВАННЫЙ**, -ая, -ое. Махтанчакъ, гынтылы, юф-тюф (*ц-диал.*) (омакъланыргъа суйген, къошакъланып айланган адам). **Чванная особа** махтанчакъ адам / юф-тюф адам.

К диалектной лексике относятся слова, являющиеся необщепринятой лексикой, которые являются характерной принадлежностью речи населения какой-либо местности, района. В данном случае это слова, свойственные только местной народной речи представителей Черекского района Кабардино-Балкарской республики. Диалектные слова в современном карачаево-балкарском языке чаще используются в художественной литературе, называются диалектизмами. Под термином диалектизм нужно понимать не только то, что относится к особенностям лишь словарного состава диалекта, но и то, что составляет его фонетическую, словообразовательную, грамматическую и другие особенности: так, слово **Чуру** *ат ц. диал. къ.* Заман. Ол чурулада Хашмайыл бизге келген эди (фольк.). **Чуукал** *ат ц. диал. къ.* Кекел. Башындагы къара чуукалын Артына айланып сылансын (фольк). Аланла, къарагъыз, аны чуукалы бизни кичиу эчкини желкесине ушайды (Зокаланы З., Солуу кюн, 27). Следовательно, помета *ц.диал.* ставится лишь в тех значениях словарных статей, которыми пользуются только представители малкарского диалекта: **зюдюр** *ат ц. диал.* къара наныкъ; **кифе** *ат ц. диал. къ.* Чага, – а следом значение объясняется литературным синонимом [ТСКБЯ].

В соответствии с тем, какая именно специфическая черта диалекта отражена в том или ином слове, различают диалектизмы фонетические: *абзар / арбаз* «двор»; *зол / жол* «дорога»; *целек / челек* «ведро», лексические: *айдеш / къандез* «дужка, грудная кость у птиц»; *бал эрик / къыфца* «чернослив» *аппун / тюфгюр* «подушка для сидения» и грамматические: *барайын / барайым* «пойду-ка», *эхце / тебирет* «двигать из стороны в сторону что-либо»; *майрыш / бюк* «изогнуть (гвоздь)» и т.д. Диалектная лексика является той частью общепринятого языка и языка науки, которая отражает субъективный мир этноса, национально окрашенный и формируемый под влиянием ряда общих и специфических факторов, из которых важнейшими являются полнота его лексического состава, своеобразие характеристики употребления слов: большое количество пословиц и поговорок как иллюстрация живой народной речи: **ЧАЙ**¹ *м.* 1. къургъакъ чапыракъландан ариу ийисли суу этилиучю, дайым жашиллей туруучу терек неда юлкую: **куст чая** чай кёкен. 2. (*чаепитие*) **чай ичню**; **во время чая** *чай ичген заманда*; **пригласить на чашку чая** *къонакъгъа чакъырыргъа*. 3. Ол терекни неда юлкуюню аллай ичги этер ючюн хайырланылычу чапыракълары: **заварить чай** чай къайнатыргъа. 4. Чай чапыракъландан этилиучю ариу ийисли ичги: **сладкий чай** татлы чай, зеленый чай кёк чай; **ЧАЙ**² *вводн.сл. (от формы 1 л. наст вр глаг. Чаять – я чаю).* 1. (*в сочетании с мест «я»:* я чай). *Устар. и прост. Употребляется для выражения предположения, допущения в значении:* вероятно, пожалуй. Болур, эшта деген магъанада жюрюген оюм этиуню, жоралауну белгилеуде хайырланады. **Уж поздно, ты, я чай, устал: ночуй здесь.** Кеч болур дейме, мында къал. 2. *Прост.* по-видимому *эшта*, наверное *тап*. **Засиделись мы, и вам, чай надоели?** Кёп олтурдукъ биз, эшта сизни эрикдирген болурбуз? 3. *Прост.* *Алай, алай болса да, не десенг да* (все-таки, ведь) деген магъанада жюрюген айтылынган затны кертилинген белгилеуде хайырланады: **Чай, все-таки не чужой я вам человек.** Не десенг да, мен сизге тыш адам туююлме.

Или же слово: **ЧЕРЕДА**¹, -ы, ж. 1. *Устар.* То же, что **черед**; **своя череда** кеси кезиую. **Череда говорить** айтыр кезиую. 2. Бир затны бир башха зат бла алышыныуу, кезиулеу; **череда труда и досгуга** ишни бла солуну кезиую. 3. Бир бири ызындан тизилип баргъан бир къауум адам неда бирча бир затла; **череда людей** адамланы тизгинлери, **череда скал** къаяланы тизмелери. // **череда событий** бири бири ызындан чурумла. ♦ **Идти своей чередой** (*устар.*) – то же, что **идти своим чередом** (*см. черед*). **ЧЕРЕДА**², -ы, ж. Кырдык маталлы ханс, къыйын гюллюлени юйюрюнден, мылы жерледе ёседи (медицинада жюрютюледи); **высокая череда** бийик череда.

Итак, результаты научного исследования показывают, что на развитие исследуемой диалектной лексики карачаево-балкарского языка оказали прямое или опосредованное воздействие в их диалектическом единстве как постоянно действующий фактор на развитие и становление языка.

Однако, в настоящее время разработка лексических значений большинства многозначных слов в переводных словарях современных тюркских языков осуществляется еще не на должном уровне. Это касается как определения состава значений таких слов, так и порядка их расположения в словарной статье. Определенные трудности для лексикографа начинаются при определении границ между полисемией и омонимией. Различные словари проводят эту границу по-разному. Лексикографы знают, что при индивидуальном употреблении слова возникает новый оттенок основного значения, что нельзя смешивать с обычным употреблением слова в языке. В одних случаях в качестве оттеночного значения выступает метафорическое значение, в других – дополнительное узуальное значение. Основное значение слова используется в функции характеристики.

Обратившись к изучению данной проблемы на материале карачаево-балкарского языка, следует отметить, что переводные словари тюркских языков составляются на базе специальной словарной картотеки, где имеются выписки из художественной литературы, цитат-иллюстраций и периодической печати.

К примеру: **АЗМЫЧ**¹ *сыф.* 1. Заморыш / къарыусуз, арыкъ, азгын. *Атылмай къалды ол батырны къазмычы, Байтал болду бу жыйынны, ой, азымычы* «Малкъар халкъ жырла», 46. *Тейри деп, къагъып аякъ, атышып чѣмелтаякъ, Ойнайдыла жашчыкъла – Къаракѣз азымышчыкъла* «Ленинни байрагъы», 1974, № 31. 2. Вундеркинд. Жыл санына кѣре болмай, кѣп билген, фахмулу сабий. *Жашчыкъ азымышчыкъды.*

АЗМЫЧ² *ат эск.* Человек, плохие предсказания которого якобы сбывались / Айтханы керти боллукъду деп халкъ ийнанган, аман тилли адам. *Биреуге – азымыч, биреуге – жазмыч* (Нарт сѣз). *Азымыч къаргъагъан кибики* (фольк.) [ЖЪМТАС – I 1996].

Благодаря этому разграничение смысловых границ слова в этих словарях производится более тщательно, что особенно заметно на примере разработки многозначных слов, получающих в переводных словарях обычно наиболее полную и адекватную семантическую характеристику.

Следует отметить, и тот факт, что, несмотря на существующие трудности в разграничении и выявлении значений, лексикограф знает о существовании многозначности. Ср., например, карачаево-балкарское слово *аякъ* «нога», которое имеет семь значений, среди которых одно является «главным значением» или «основным значением», а остальные – частными значениями. Нетрудно понять, что «основное значение» соответствует здесь термину «общее значение». Кроме того, можно встретить в употреблении термины «первичная» и «вторичная» семантическая функция. «Первичная функция» совпадает с «главным значением», «вторичные функции» равнозначны с другими «частными значениями» [Мусуков, Кучмезова 2015].

На наш взгляд, когда речь идет о смысловой структуре слова и раскрытии значений слов в двуязычных переводных словарях, то здесь остро встает вопрос о разработанности смысловой структуры слов русского языка и национального

языка и о словах с широкой семантикой. Обратимся к рассмотрению особенностей их функционирования на примере слов, функционирующих в просторечии, разговорной речи, или диалектных слов: **ЧАЕК**, *м. разг. ласк.* к **чай**¹ чайчыкъ. На чаек давать (или брать и т.д.) нохтабау ахча тутдурургъа; **ЧАЕПИТИЕ**, *с. разг.* чай ичиу, чай ичип олтуруу; **утреннее чаепитие** эрттенлик чай ичиу; **ЧАСТИТЬ**, *несов. 1. Разг.* Бек терк, терк-терк, ашыгышылы бир зат этерге. **Дождь частил.** Жауун терк-терк жауады. // Бир тюрлю бир затны бек терк, ашыгып, женил-женгил этерге. // Бир затны ашыгып, женгил-женгил, терк айтыргъа. 2. *Прост.* Биреуге бир жары терк-терк келирге; **ЧВАКАНЬЕ**, *-я, ср. прост. Действие по знач. глаг. чвакать*, а также звуки этого действия. Чам-чам этип ашагъан, чам-чам таууш этген деген магъанада. **Чваканье и крики хахай-тухай, кычырыкъла бла чам-чам таууш.** **Чваканья шагов** адам атлагъан таууш; **ЧВАКАТЬ**, *-аю, -аеш; несов. прост.* То же, что **чвакать**. Жаякъ таууш этдирирге, шап-шап этдирирге деген этим бла бир магъанада. **Сапоги чвакали** Аякъ кийими батмакъда шап-шап этеди и мн. др.

Так, в результате частого применения эти слова становятся общеупотребительными, т.е. ненормативные коннотации в семантической структуре слова получают статус нормы. С другой стороны, нормативные значения слова выходят из употребления и становятся ненормативными. Подобные изменения смыслового содержания слова не всегда легко выявляются и представляют определенные трудности для составителей словарей. Согласно их требованиям необходимо проводить тщательный анализ условий появления новых значений, устаревания функционирующих значений. Из-за отсутствия необходимого текстового материала, показывающего условия употребления того или иного значения слова, многие мотивированные значения многозначных слов остаются невыявленными. В большинстве случаев смешиваются разные значения: переносные характеризуются как прямые, а прямые – как переносные.

Исследование разработки значений многозначных слов в переводных словарях показывает, что из-за неразграничения этимологического и переносного значений слов лексикографы приписывают последнему не только статус самостоятельности, но и статус фразеологической единицы или сложного слова. Это происходит из-за того, что переносное значение приписывается всему словосочетанию, например: *чайная роза* «чай ийисли роза»; *через час по чайной ложке пог.* «айдан-жылдан бир, аз-аз, муркку эте», *всему свой час, всему свой срок* «хар нени кеси заманы, кеси кезиую болады»; *час расплаты* «дерт жетдириуню кезиую»; *он дожил до счастливого часа* «ол насыплы заманнга дери жашады»; *часы занятий* «окъуу заман»; *часы отдыха* «солуу кезиу»; *обеденный час* «тюш заман»; *части света* «жер жюзюнню кесеклери»; *запасные части* «кысыдырыкъ кесекле»; *большой частью, по большей части* «кёбюсюнде, асламында, асламысында»; *по части* «аны юсю бла» и т.д. [Кучмезова 2016: 107].

На сегодняшний день другим упущением переводных словарей является то, что отдельные лексикографы, представители неэтимологической омонимии, т.е. омонимии, возникшей на основе многозначности, рассматривают прямое и переносное значения как самостоятельные слова, омонимичные между собой, из-за того, что нет ярко выраженной семантической связи между ними. Другими словами, нельзя объединять прямые значения слов с переносными, как это делается в некоторых словарях.

Список источников

Гузеев 1981 – Гузеев Ж.М. Порядок расположения значений слова в толковых словарях тюркских языков // Структура и функционирование языка. М., 1981. С. 29–37.

Гузеев 1982 – Гузеев Ж.М. Лексикографическая разработка многозначных слов и генетически родственных омонимов в толковых словарях тюркских языков // Советская тюркология. 1982. № 2. С. 19–33.

Гузеев 1984а – Гузеев Ж.М. О принципах отбора ненормативной лексики в толковых словарях тюркских языков // Советская тюркология. 1984. № 4. С. 46–59.

Гузеев 1984б – Гузеев Ж.М. Проблематика словника толковых словарей тюркских языков. Нальчик: Эльбрус, 1984. 156 с.

Гузеев 1985 – Гузеев Ж.М. Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков. Нальчик: Эльбрус, 1985. 196 с.

Гузеев 2010 – Гузеев Ж.М. «Къарачай-малкъар тилни синонимлерини сёзлюгюн» жарашдырыну инструкциясы (Инструкция для составления «Словаря синонимов карачаево-балкарского языка»). Нальчик: Издательство КБИГИ, 2010. 24 с.

Кучмезова 2016 – Кучмезова Л.Б. Обиходно-разговорные формы языка и их отражение в тюркских переводных словарях (на материале карачаево-балкарского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-3 (61). С. 106–108.

КЪМТАС I 1996 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю (Толковый словарь карачаево-балкарского языка): в 3-х т. Т. I. А–Ж. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 1019 с.

КЪМТАС II 2002 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю (Толковый словарь карачаево-балкарского языка): в 3-х т. Т. II. З–Р. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 1171 с.

КЪМТАС III 2005 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю (Толковый словарь карачаево-балкарского языка): в 3-х т. Т. III. С–Я. Нальчик: Эль-фа, 2005. 1159 с.

Мусуков Б.А., Кучмезова Л.Б. 2015 – Мусуков Б.А., Кучмезова Л.Б. Лексические и семантические особенности значений слов и их отражение в тюркских переводных словарях (на материале карачаево-балкарского языка) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21746> (дата обращения: 05.12.2021).

References

GUZEEV ZH.M. *Poryadok raspolozheniya znachenij slova v tolkovykh slovaryah tyurkskih yazykov* [The order of the word meanings in the explanatory dictionaries of the turkic languages]. IN: *Struktura i funkcionirovanie yazyka* [Structure and functioning of language]. Moscow, 1981. P. 29–37. (In Russian)

GUZEEV ZH.M.. *Leksikograficheskaya razrabotka mnogoznachnykh slov i geneticheski rodstvennykh omonimov v tolkovykh slovaryah tyurkskih yazykov* [Lexicographic development of polysemous words and genetically related homonyms in explanatory dictionaries of the turkic languages]. IN: *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet turkology]. 1982. № 2. P. 19–33. (In Russian)

GUZEEV ZH.M. *O principah otbora nenormativnoj leksiki v tolkovykh slovaryah tyurkskih yazykov* [On the principles of the selection of profanity in the explanatory dictionaries of the turkic languages]. IN: *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet turkology]. 1984. № 4. P. 46–59. (In Russian)

GUZEEV ZH.M. *Problematika slovnika tolkovykh slovarej tyurkskih yazykov* [Problems of the vocabulary of explanatory dictionaries of the turkic languages]. Nalchik: Elbrus, 1984. 156 p. (In Russian)

GUZEEV ZH.M. *Semanticheskaya razrabotka slova v tolkovykh slovaryah tyurkskih yazykov* [Semantic development of a word in explanatory dictionaries of the turkic languages]. Nalchik: Elbrus, 1985. 196 p. (In Russian)

GUZEEV ZH.M. «K”arachaj-malk”ar tilni sinonimlerini syozlyugyun» zharashdyrynu instrukciyası [Instructions for compiling the «Dictionary of synonyms of karachay-balkarian language»]. Nalchik: Publishing house of KBIHR, 2010. 24 p. (In Karachay-balkarian)

KUCHMEZOVA L.B. *Obihodno-razgovornye formy yazyka i ih otrazhenie v tyurkskih perevodnykh slovaryah (na materiale karachaevo-balkarckogo yazyka)* [Everyday colloquial forms of the language and their reflection in the turkic translation dictionaries (based on the karachay-balkarian language)]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2016. № 7-3 (61). P. 106–108. (In Russian)

K”arachaj-malk”ar tilni angylatma sezlyugyu [Explanatory dictionary of the karachay-balkarian language]: in 3 volumes. Vol. I. A–Zh. Nalchik: El-Fa, 1996. 1019 p. (In Balkarian)

K”arachaj-malk”ar tilni angylatma sezlyugyu [Explanatory dictionary of the karachay-balkarian language]: in 3 volumes. Vol. II. Z–R. Nalchik: El-Fa, 2002. 1171 p. (In Balkarian)

K”arachaj-malk”ar tilni angylatma sezlyugyu [Explanatory dictionary of the karachay-balkarian language]: in 3 volumes. Vol. III. S–Ya. Nalchik: El-Fa, 2005. 1159 p. (In Balkarian)

MUSUKOV B.A., KUCHMEZOVA L.B. *Leksicheskie i semanticheskie osobennosti znachenij slov i ih otrazhenie v tyurkskih perevodnyh slovaryah (na materiale karachaevobalkarskogo yazyka)* [Lexical and semantic features of the meanings of words and their reflection in the turkic translation dictionaries (based on karachay-balkarian language)]. IN: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2015. № 2-2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21746> (data obrashcheniya: 05.12.2021). (In Russian)

Информация об авторе

Л.Б. Кучмезова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка.

Information about the author

L.B. Kuchmezova – candidate of science (philology), senior researcher of the sector of karachay-balkarian language.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021; одобрена после рецензирования 07.12.2021; принята к публикации 24.12.2021.

The article was submitted 01.12.2021; approved after reviewing 07.12.2021; accepted for publication 24.12.2021.

ПЛЫФЭЦІЭХЭМ Я ПСАЛЪЭЩІ ІЭМАЛХЭР
(Япэ Ыхьэ)

Шэрджэс Заретэ Валерэ инхьу

Гуманитар кьэхутэныгьэхэмкІэ институт – Федеральнэ кьэрал бюджет щІэныгьэ ІуэхушІапІэ «Урысейм щІэныгьэхэмкІэ и академием и Кьэбэрдей-Балькьэр щІэныгьэ центр» Федеральнэ щІэныгьэ центрым» и филиал, Налшык, Урысей, zara7belle@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8873-0478>

© Шэрджэс З.В., 2021

Аннотаци. Мы статья теухуаш адыгэбзэм пльыфэцІэхэр льябжьэужькІэ кьызэрышыхьур зэпкьрыхыным. Мы Іэмалыр, льябжьэпэ-лябжьэужь Іэмалым ешхьу, адыгэбзэхэм пльыфэцІэхэр кьышыгьэщІыным нэхъ жьыджэру хэлэжьыхьу жыпІэ хьунуш. А лъэныкьуэмкІэ мыр хэпщІыкІыу кьышхьэщокІ льябжьэпэ Іэмалым – мы иужьрейм бзэм зышиужьакьым. ЛьябжьэужьэхэмкІэ пльыфэцІэ кьызытехьукІэхэм ягугьу пщІымэ, инэхьыбапІэм абыкІэ хэКІыпІэ хьур шыІэцІэ, лэжьыгьэцІэ псалъэпкьхэрщ, нэхъ мащІэу адрей псалъэ лъэпкьыгьуэхэри кьыхэша мэхьу, кьапщтэмэ пльыфэцІэхэри, бжыгьэцІэхэри, кьэхьукІэцІэхэри. А псом дежи зи гугьу тщІыр шытыкІэгьальагьуэ пльыфэцІэхэрщ, ехьэлІа пльыфэцІэхэм ягугьу пщІымэ, адыгэбзэхэм абыхэм я кьалэныр инэхьыбапІэм щагьэзащІэ гьэнэхуакІуэ нэгьуэщІ цІэхэм кьахуэкІуэ шыІэцІэхэм.

Статьям кьышydгьэсэбэпаш филологии щІэныгьэхэмкІэ доктор БищІо Б.Ч. щІэуэ адыгэбзэм хузэхилхьа бзэщІэныгьэ фІэшыгьэцІэхэр.

Зэрыгуэзэн псалъэхэр: адыгэбзэ, пльыфэцІэ, псалъэщІ Іэмал, льябжьэужь, льябжьэпэ

Цитатэ кьызэрыхьыну: Шэрджэс З.В. ПльыфэцІэхэм я псалъэщІ Іэмалхэр (Япэ Ыхьэ) // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-2 (51). С. 71–76. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-71-76

Original article

METHODS OF FORMATION OF ADJECTIVES
(First part)

Zareta V. Cherkesova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, zara7belle@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8873-0478>

© Z.V. Cherkesova, 2021

Annotation. The article is devoted to the analysis of the suffixal method of the formation of adjectives in the kabardino-circassian language. This method, along with the prefix-suffix method, is the most productive source of enriching the lexical composition of the adyghe languages. In this regard, suffixal word formation is opposed to prefixal, which is underdeveloped. As for the source material from which adjectives are derived, these are mainly the basics of nouns and verbs and to a lesser extent the rest of speech, such as adjectives, numerals and adverbs. In all cases, we are talking about the formation of qualitative adjectives, as for relative adjectives, their function is performed in the Adyghe languages by nouns that act as definitions to other names.

The article uses new linguistic terms in the kabardino-circassian language, developed by doctor of philology B.Ch. Bizhoeff.

Keywords: kabardino-circassian language, adjective name, word formation, suffixes, prefix

For citation: Cherkesova Z.V. Methods of formation of adjectives (First part). Vestnik KBIGI = KVINR Bulletin. 2021; 4-2 (51): 71–76. (In Kabardino-Circassian). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-71-76

Научная статья

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ (Первая часть)

Зарета Валериевна Черкесова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, zara7belle@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8873-0478>

© З.В. Черкесова, 2021

Аннотация. Статья посвящена анализу суффиксального способа образования имен прилагательных в кабардино-черкесском языке. Данный способ, наряду с префиксально-суффиксальным, является наиболее продуктивным источником обогащения лексического состава адыгских языков. В этом плане суффиксальное словообразование противостоит префиксальному, являющемуся слаборазвитым. Что касается исходного материала, от которого производятся прилагательные, в основном это основы существительных и глаголов и в меньшей степени остальные части речи, такие как прилагательные, числительные и наречия. Во всех случаях речь идет об образовании качественных имен прилагательных, что же касается относительных имен прилагательных, их функцию выполняют в адыгских языках имена существительные, выступающие в роли определения к другим именам.

В статье применены новые лингвистические термины на кабардино-черкесском языке, разработанные доктором филологических наук Б.Ч. Бижоевым.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, имя прилагательное, словообразование, суффиксы, приставка

Для цитирования: Черкесова З.В. Способы образования имен прилагательных (Первая часть). Вестник КБИГИ. 2021. № 4-2 (51). С. 71–76. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-71-76

КъытешцIыкIа пльыфэцIэхэр къоунэху Iэмал зыбжанэкIэ. Мы лэжьыгъэм дыщытпесэлъыхьынуц лъабжьэужькIэ, лъабжьэпэкIэ, лъабжьэпэ-лъабжьэужькIэ, псалъэкъ зэхыхьэкIэ къэунэху пльыфэцIэхэм.

Лъабжьэужь Iэмал

ПльыфэцIэхэр нэгъуэщI псалъэ лъэпкъыгъуэхэм зэмылIэужьыгъуэхэм къатокI лъабжьэужь IэмалкIэ. ПльыфэцIэхэр къызытекI псалъэкъхэм елытауэ, псалъэ къэзыгъэху лъабжьэужьхэр гуиплIу пхуэгъуэшынуц: а) шыIэцIэхэм пльыфэцIэ къатезыгъэкI лъабжьэужьхэр; б) лэжьыгъэцIэ псалъэкъхэм пльыфэцIэ къатезыгъэхукI лъабжьэужьхэр, в) пльыфэцIэм пльыфэцIэхэм къытезыгъэкI лъабжьэужьхэр; г) бжыгъэцIэхэмрэ къэхьукIэцIэхэмрэ я псалъэкъхэм пльыфэцIэ къатезыгъэкI лъабжьэужьхэр.

ШыIэцIэ псалъэкъхэм шытыкIэгъэлыгъуэ пльыфэцIэ къазэрытехьукI лъабжьэужьхэр

-*ниэ* – къызытекI псалъэкъым къыкIыр къэту къегъэлыгъуэ. Щапхьэ: *узы-ниэ, фэ-ниэ, акъылы-ниэ, насыпы-ниэ* – *Сыт сэ апхуэдизу насыпыниэ сыщIэхуар? Си цхьэрц. БлэкIамкIэ сысэу фIэкIа зы махуэ гукъыдэж сIакъым* [Журт 1967: 3].

-гуэ – кызытекI псалгэпккыым жыхуиIэр щымыIэххэн, е абы хушыщIэныгъэ кьегъэлыагъуэ. Щапхъэ: *дза-гуэ, кьуа-гуэ, кIа-гуэ, бза-гуэ* – Псори *бзагуэ фыхъуауэ цхьэ сызэгъуэвгъэпрэ, алыхьышхуэ* [Нало 2012: 21];

-джэ – кызытекI псалгэпккыым жыхуиIэхэм хушыщIэныгъэ кьегъэлыагъуэ. Щапхъэ: *гуащIа-джэ, игъуэ-джэ, лъа-джэ, ныба-джэ, фа-джэ* – Абы Уэзырмэсыр кымыщIыхужауэ *арт, ар апхуэдизу фаджэ хьуати* [Нартхэр 1995: 234];

Лъабжьэужь -фIэ-м -ниэ, -гуэ, -джэ лъабжьэужьхэм япэщIэт мыхьэнэ иIэщ – кызытекI псалгэпккыым кыкIыр куэду, ирикъуу зэрыщыIэр кьегъэлыагъуэ. Щапхъэ: *лы-фIэ, цы-фIэ, цэны-фIэ, пккы-фIэ, бгъу-фIэ, гуащIа-фIэ, гъэшы-фIэ* – Жэмхэр гъэныцIауэ, псыи яхуэмылIэу *икIи гъэшыфIэу* пцыхьэщхьэкIэ *екIулIэжу жалэр* [КIэрэф 2009: 367].

-лъэ-р щыIэцIи пльыфэцIи кьэзыгъэхуэ лъабжьэужьщ. Щапхъэ: *ниахъуа-лъэ, псы-лъэ, удзы-лъэ, мыва-лъэ* – Абы *иужькIэ куэд темыкIыу тIкIуэпс пIащэ хьэлъэ лыдхэр зэхэлъалъэу, пIэнкIыу мывалъэ гъуэгум кытехуэу хуежъащ* [Кьэрмокъуэ 2004: 219];

-фэ-м кьегъэхуэ зыгуэрым хуагъадэ, ирагъапщэ пльыфэцIэхэр. Щапхъэ: *удзы-фэ* (удзым ещхь), *яжъа-фэ* (яжъэм хуэдэ), *джэдгыны-фэ* (джэдгыным и пльыфэ), *кьэбы-фэ* (кьэбым и пльыфэ), *тхьэмбылы-фэ* (тхьэмбылым и пльыфэ) – *Щиупсми, и нэклур фэрэкIнапэ* мыхъуу, *щIыфэ* кьабзэу *зылгъэцIауэ, тхьэмбылыфэ дахэт* [Брат 1990: 55]; *шэжыпсы-фэ* – *Кьэбэрдей уэрамыр кыыщибгынэ дыдам, Хьэсэнбий «Волгэ» шэжыпсыфэ* кьыбгъурылгъадэри кьэувылащ [Кьэрмокъуэ 1988: 89];

-цэ-м цIэ псалгэпккыым кытрегъэкI «зиIэ» «куэду зиIэ» мыхьэнэ кызызрыкI пльыфэцIэхэр. Щапхъэ: *жъакIа-цэ, цхьэ-цэ, кьуа-цэ*

– *Ипци ищхьэри цызэлъэлэсу*

Бжей жыг кьуацэшхуэ

А Гуащхьэм тетци [ЩоджэнцIыкIу 2000: 78];

-пцIэ-м кьегъэлыагъуэ фIагъ-Iеягъ щытыкIэ нэщэнэ. Щапхъэ: *лъа-пцIэ, набдза-пцIэ, кьуа-пцIэ, па-пцIэ* – *Батэрэзым абы зыредзри пхьэдакъэжъ палъэу хьфIехуэ, итIанэ и хьэджэсэу маисэ паницIэр* иныжъыгум хехуэри быру пэлытэу *хелуэнтIыхьыж...* [Нартхэр 1995: 99];

-зэ-м – щытыкIэ нэщэнэ кьегъэлыагъуэ. Щапхъэ: *гу-зэ, на-зэ, цхьэ-зэ* – *Тхьэ солуэ, абыхи сыкIуам. Ауэ зы цынэ цхьэзэ* кьэнати, *здаккыым. Цхьэзэр дауэ хьэцIэнышу яхутеслхьэн, жысIэри* [Журт 1967: 4];

-хэ-м кьегъэхуэ цIэ псалгэпккыым кыгъэлыагъуэ мыхьэнэр щымыIэу е мащIэу фIэклэ щымыIэу кызызрыкI пльыфэцIэхэр. Щапхъэ: *кьаруу-хэ, дзы-хэ, гу-хэ, мазэ-хэ;*

-лэ – кьегъэлыагъуэ зыгуэрым дишэхыныгъэ, иригъэлейныгъэ. Щапхъэ: *узы-лэ, псалгъа-лэ, уэлбана-лэ;*

-хъу – бгъуагъ кьэзыгъэлыагъуэ пльыфэцIэхэм я лъабжьэужьщ. Щапхъэ: *пэ-хъу, жьэ-хъу* – *ЖыпIэжынышхуи хэлккыым, тхьэ, абы. ДжэдыкIэ заданэ кыиттралхьат тыкуэнтетхэми, цытхуэмыгъэзащIэм, цэхуакIуэхэм джэдыкIэ кыитхуахьырккыым, дэ дывмыгъэкIэцIынымэ кыыздитхынур тцIэрккыым, жери дэ тцыщ нэхъ жьэхъу* гур кьэуващ [Хьэх 2013: 66];

-ф – щытыкIэ цхьэхуэхэр кьегъэлыагъуэ. Щапхъэ: *нэ-ф, ныбэ-ф, псы-ф* – *Си Iэфэ вакъитIым я лъащхьэм уэсыр долгальэр, ар доткIухьыжри си лъакъуэхэр псыф* мэхуэ [Хьэх 2013: 101];

-кь (-кьэ) – щапхъэ: *пащIэ-кь, па-кьэ, ныбэ-кь* – *Щалэжыым Iэнэ кыыхуащтати, кыыхутрагъэувар ишхи, и дзэм дэна лыр сенычыпэкIэ кыыдихьыжци, зы тутыныжъыи щигъанэри, зэпльыну хьыджэбзыр кыыщIашауэ блыным кIэрытти, зэ фIыуэ зэпильыхьри: «АтIэ, хьыджэбз ныбэкь лъакъуэ ин цIыкIу, укъыздэкIуэнуккыым, жары, пэж?»* – *цыжылэм, хьыджэбзыр кьэпсалгэри: «Ар жызыIам и жьэр укъутэ!»* – *жилащ;*

-*к*лүэ – кьеггэхьу *ж*ьа-*к*лүэ, *на-к*лүэ, *л*э-*к*лүэ, *г*уа-*к*лүэ сыт хуэдэ плыфэцлэхэр – *Пцэдджыжь пшэплъ псы куум кьыщым ешхь абы и напэ кьабзэм нэпс шыугьэр ибжьащи мащлэу мэткыткI, нэклү псор зэрыгушхуэ нэ псыгьуэ зэклүж цыкЛур зэрыщытац, нэ флыцлэ гуаклүумлыр зэрыпсылэм нэхь гуаклүэж ищлац* [Хьэх 2013: 221];

-*ш*э – цыхум, псэуцхьэм е предметым хэлъ ныкьусаныгьэ гуэр кьеггэлыгьуэ. Щапхьэ: *пца-шэ, на-шэ, лья-шэ, лү-шэ – Зауэм хэклүадэр хэклүэдэнуц, псэуэ кьанэри ныкьуэдыкьуэу, лэшэу, льяшэу, дэгуу, нэфу, клүэцI сэкьату кьаггэзэжынуц, а тхьэмьыцкIэхэм шцыгу ялэжьыфыну?*;

- *л*э – предметхэм язэхуэдэ нэцэнэ кьеггэлыгьуэ. Щапхьэ: *щлы-лэ, псы-лэ – АрцхьэкIэ щлыр иджыри псылэц, езыр уз ужьыпкьэц, дауэ тлысын?* [Нало 2016: 56];

-*л*үэ – нэм кьыщлэуэ, нэрылыгьуэ нэцэнэ кьеггэлыгьуэ. Щапхьэ: *на-лүэ, цлэры-лүэ – Лэжьяклүэ пашэхэм яхэту кьэклүат тхаклүэхэр, усаклүэхэр, дунейр зэраггэдахэ искусствэм и лэужьыгьуэ лэджэм я лэнатлэм пэрыт цыху цлэрылүэхэр* [Брат 1990: 77];

- *е* – щытыкIэ гурымыхь, мыхьумыщлэ кьызэрыкI плыфэцлэхэр кьеггэхьу. Щапхьэ: *фа-е, уа-е – Уи благгэ клүэда, тласэ! Дуней уаем уи унэ уцлэсыжкьэ? – жиIэри нанэ япэ кьэпсэлъац* [ЩоджэнцыкIу 2000: 119];

-*н*ж – бгьу-*н*ж, *п*хэ-*н*ж – *л*ьэбакьуэ *пхэнж* зым ичмэ, нэггьуэщылым и нэ кьытеплэным щыукытэу нэмыс зыдэлъ адыгэ кьуажэм щалъхуа, иджыри кьуажэ школым щлэс щлалэщлэмрэ абы еггэджаклүэу кьэклүа хьыджэбз цыкЛумрэ зэ зэуплэри зэрымлыгьуэу мыпсэужыфыну кьэнац [Нало 2012: 100];

-*х*уэ – *л*эры-*х*уэ, *на-х*уэ хуэдэ плыфэцлэхэр кьеггэхьу – *Пэжт, Ленэ икли гушыIэрт, ауэ а псори фэрыщлаггэ нахуэт* [Журт 1967: 5].

ЛэжыггэцIэ псалъэпкьым щытыкIэггэлыгьуэ плыфэцIэ кьызэрытехьукI льябжэужьхэр. Нэхьыбэ кьызэрыхьу льябжэужьхэр:

-*г*уафIэ – кьызытекI лэжыггэцIэм хэлъ лүэхугьуэр щыгыуафIэу, гьээщлэгьуафIэу зэрыщытыр кьэзыггэлыгьуэ плыфэцIэ кьеггэхьу: Щапхьэ: *кьэпсэлъы-гьуафIэ, тхы-гьуафIэ, кьеджэ-гьуафIэ, льягьу-гьуафIэ, щлы-гьуафIэ; жьы-гьуафIэ, щлы-гьуафIэ, кьэпсэлъы-гьуафIэ, тхы-гьуафIэ, тегушхуэ-гьуафIэ – Езым нэхьрэ кьулыкьукIэ нэхьыцхьэхэм Нэбий япэувыфыртэкьым, ауэ и льящлэцIэ щылэхэм тегушхуэ-гьуафIэ хуэщлын кьахигьуэтамэ, блиггэкIынутэкьым* [Хьэх 2013: 83];

-*г*уей – льябжэужь *гьуафIэ-м* и мыхьэнэкIэ кьыпэщытц, кьызытекI лэжыггэцIэ псалъэпкьым кьыкIыр щыгыуейуэ, гьээщлэгьуейуэ зэрыщытыр кьеггэлыгьуэ: *льягьу-гьуей, кьэпсэлъы-гьуей, кьеджэ-гьуей, шэчы-гьуей – Узым щиггэгузавэм деж ар шэчыгьуей хьуэу ялуатэ хьыбархэри иджы и фIэц хьужыртэкьым* [Кьэрмокьуэ 1988: 156].

-*р*ей – кьызытекI лэжыггэцIэм кьыкIыр куэдрэ кьэхьуу, ар и нэрыгьуэ кьеггэлыгьуэ: *дыхьэшы-рей, сымаджэ-рей, кьэклүхьы-рей, гушыIэ-рей – Кьыдэлажьэ щлалэ гушыIэрейхэр Шэфихь и дневникым цэхуу кьеджэрт икли хэлэжьыхьыжырт* [Журт 1967: 9];

-*л*э – *п*сы-*л*э, *щ*лы-*л*э (еплэ ищхьэмкIэ);

-*е* – зыпыувэ щылэцIэм кьыкIыр Iейуэ зэрыщытыр кьеггэлыгьуэ: *уа-е, фа-е* (еплэ ищхьэмкIэ);

-*л*үэ – *на-л*үэ, *цлэры-л*үэ (еплэ ищхьэмкIэ);

-*н*ж – *п*хэ-*н*ж, бгьу (ы)-*н*ж; -*х*уэ – *на-х*уэ, *л*эры-*х*уэ (еплэ ищхьэмкIэ).

Льябжэужь -*л*ы, *сыз-хэр* тыркубзэм щыщу адыггэбзэм кьыхьыа псалъэхэм кьыздахьаш. Адыгэ псалъэхэми поувэ: *насып-лы, гуцлэгьу-лы, щлыхь-лы, лимансыз, угьур-сыз – Зауэ угьурсызыр кьыицежьа илэсым хэклүэдац ахэр* [Хьэх 2013: 105].

Ди кьэхутэныггэм кьыкIуахэр кьызэщлэпкьуэжмэ, плыфэцIэу кьаггэхьум и куэдагь-мащлаггкIэ льябжэужьхэр угуэш куэд кьэзыггэщI, куэд кьэзымыггэщI,

мащIэ дьдэ кьэзыгьэццI гупхэу. Лэжьыгьэм кьыщыхьащ лIэужьыгьуэ псоми хиубыдэ льябжьэужьхэм кьагьэхьуа псалъэхэм ящапхьэхэр, абы щыгьуэми псалъэхэм кьадэкIуэу апхуэдэ пльыфэццIэхэр IуэрыIуатэмрэ льяпкь литературэмрэ кьызэрыщагьэсэбэпри кьыдогьэлыагьуэ.

Лэжьыгьэм япэу кьыщыгьэсэбэпа фIэщыгьэццIэхэр: льябжьэужь – суффикс, льябжьэпэ – приставка, псалъэццI Iэмал – словообразование.

ТегьэщIапIэхэр Список источников

Брат 1990 – *Брат Хь*. Рассказхэр. Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Кьэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1990. 392 н.

Журт 1967 – *Журт Б*. Сэ аузым сыщопсэу. Повестым щыщ пычыгьуэ. Налшык: Эльбрус, 1967. 9 н.

KIэрэф 2009 – *KIэрэф М*. Лэужь е лIэужь. Повестхэр. Налшык: Эльбрус, 2009. 572 н.

Кьэрмокуэ 1988 – *Кьэрмокуэ М*. Щихухэр иджыри мэкI. Налшык: Эльбрус, 1988. 480 н.

Кьэрмокуэ 2004 – *Кьэрмокуэ М*. Тхыгьэхэр. Ещанэ тхыль. Роман. Рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2004. 536 н.

Кьэрмокуэ 2007 – *Кьэрмокуэ М*. ПсыхэкIуадэ. Повестхэр, рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2007. 264 н.

Нало 2012 – *Нало З*. Дьджым и IэфIыгьэ. Повестхэр. Налшык: Эльбрус, 2012. 368 н.

Нало 2016 – *Нало З*. Тхыгьэ кьыхэхэхэр. Томищым щызэхуэхьэсауэ. Ещанэ Том. ПцIыIэрышэхэр. Псысэхэр. Таурыхьхэр. Налшык: Эльбрус. 2016. 352 н.

Нартхэр 1995 – *Нартхэр*. Кьэбэрдей эпос. Налшык: Эль-Фа; Ашэмэз, 1995. 559 н.

Хьэх 2013 – *Хьэх С*. Льягьуэр гьуэгум хуокIуэ. Роман. Налшык: Эльбрус, 2013. 624 н.

ЩоджэццIыкIуэ 2000 – *ЩоджэццIыкIуэ А*. Тхыгьэхэр. Налшык: Эльбрус, 2000. 432 н.

References

BRAT H'. *Rasskazkher* [Stories]. Cherkessk: Stavropol book publishing house. Karachay-Cherkessian branch, 1990. 392 p. (In Kabardino-Circassian)

ZHURT B. *Se auzym syshchopseu* [I live in a gorge. Excerpt from the story]. Nalchik: Elbrus, 1967. 9 p. (In Kabardino-Circassian)

KIEREF M. *L'euzh'e Ieuzh'* [A trace in life or heredity] Nalchik: Elbrus, 2009. 572 n. (In Kabardino-Circassian)

K"ERMOK"UE M. *Shchihuher idzhyri mekl* [And the poplars are still growing]. Nalchik. Elbrus, 1988. 480 p. (In Kabardino-Circassian)

K"ERMOK"UE M. *Thyg"ekher. Eshchane thyl"* [Selected works in 3 volumes. Vol. 3]. Nalchik: Elbrus, 2004. 536 p. (In Kabardino-Circassian).

NALO Z. *Dydzhym i Ieflyg"e* [The sweetness of bitterness. Stories]. Nalchik: Elbrus, 2012. 368 p. (In Kabardino-Circassian)

NALO Z. *Thyg"e k"yhekhaheh. Tomishchym shchyzekhuekh'esaué* [Selected writings. The third volume] Nalchik. Elbrus, 2016. 352 p. (In Kabardino-Circassian)

Narther. *K"eberdej epos* [Narts. Kabardian epic]. Nalchik: Elfa, 1995. 559 p. (In Kabardino-Circassian)

H'EKH S. *L"ag"uer g"uegum huoklue* [The trail leads to the road. Novel]. Nalchik. Elbrus, 2013. 624 p. (In Kabardino-Circassian)

SHCHODZHENCYKIU A. *Thyg"ekher* [Essays]. Nalchik: Elbrus, 2000. 432 p. (In Kabardino-Circassian)

Авторым теухуауэ

Шэрджэс З.В. – филологие щIэныгьэхэмкIэ кандидат, адыгэбзэ секторым и лэжьагIуэ.

Информация об авторе

З.В. Черкесова – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

Z.V. Cherkesova – candidate of science philology, researcher of the sector of the kabardino-circassian language.

Статья поступила в редакцию 21.11.2021; одобрена после рецензирования 01.12.2021; принята к публикации 24.12.2021.

The article was submitted 21.11.2021; approved after reviewing 01.12.2021; accepted for publication 24.12.2021.

Научная статья

УДК 398.223

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-77-86

ЕЩЭНОКЪУЭ ЗЭШХЭМ ТЕУХУА ЦИКЛЫМ ДЫЗЫЩРИХЬЭЛЭ ПСЫСЭ ПКЪЫГЪУЭХЭР

Быхьурэ Мухьэмэд ФуIэд и кьуэ

Гуманитар кьэхутэныгьэхэмкIэ институт – Федеральнэ кьэрал бюджет щIэныгьэ IуэхушIапIэ «Урысейм щIэныгьэхэмкIэ и академием и Кьэбэрдей-Балъкьэр щIэныгьэ центр» Федеральнэ щIэныгьэ центрым) и филиал, Налшык, Урысей, mbf72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6253-4097>

© Быхьурэ М.Ф., 2021

Аннотацэ. Дызэрышчыгьуазэщи, иджырей щIэныгьэр кьулейщ пасэрей Iуэрыуатэ лъэпкьыгьуэхэм яжь тхьдэр зи лъабжьэ лыхьужь эпосым кьызэрышIихуар кьышпыштыта кьэхутэныгьэхэмкIэ. Ауэ щIэныгьэлIхэр нэхьыбэу злэжьбар лъэпкьэ эпос лIэужьыгьуитIым – нарт хьыбархэмрэ пшынальгьэхэмрэ тхьдэм ехьэлIа эпосымрэ – я зэхушчытыкIэр джынырт. Нэхь мащIэу гулыгытэ зыгьуэтахэм яшчыщц псысэмрэ мы иужьрей эпос лIэужьыгьуэмрэ кьызэрыздэгьуэгурыкIуар гьэнэхуэныр, икIи ар щхьэусыгьуэ хуэхьуаш кьэдгьэлъэгьуа темэм зыщIыхуэдгьээм. Щапхьэу лэжыгьэм щызэпкьырыхаш ЕщIэнокъуэ зэшитIым ехьэлIа хьыбархэр, абыхэм дазыщрихьэлIэ пкьыгьуэ куэдым я кьуэпсхэр лыхьужь, тельдыжей псысэхэм екIуалIэу зэрышчытым кьыхэкIыу. Апхуэдэхэщ лыхьужьым и дуней кьытехьэкIэр, и сабиигьуэр, шыр кьызэрыхыхыр, и IуэхушIафэхэмрэ игьэхьа лыхьужьыгьэхэмрэ. Абыхэм ямызакьуэу лыхьужьми, ишми, и Iэщэми ябгьэдэлъ мэгуэ зэфIэкIхэр лэжыгьэм наIуэ кьышпышIащ. Кьэхутэныгьэм кьызэригьэлъэгьуащи, тхьдэм ехьэлIа лыхьужь эпосыр зытепсэлъыхь куэдым гьащIэм пэжу кьышчыгьуа Iуэхугьуэ лъабжьэ хуэхьуа пэгми, псысэ нэщэнэхэмкIэ, пкьыгьуэхэмкIэ ахэр, псом хуэмыдэжу нэхь пасэу кьежьахэр, кьулейщ, абы шыгьуэми абыхэм таурыхьым шалэ кьалэн дьдэхэращ мыбдежми шагьэзащIэр – лыхьужьыр кьыхэгьэщхьэхукIынырщ, адрейхэм кьащхьэшыгьэкIынырщ. А шчытыкIэм кьегьэлъагьуэ лъэпкьэ эпосым кьызэщIуыбдэ Iуэрыуатэ лъэпкьыгьуэхэм я зэхуаку зэпыщIэныгьэ куу дэлъу, мотивхэмкIэ, сюжетхэмкIэ, образ хьэл-щэнхэмкIэ, н. зэхьуажэу кьызэрыздэгьуэгурыкIуар.

Зэрыгьуэзэн псалъэхэр: ЕщIэнокъуэ зэшхэр, псысэ пкьыгьуэхэр, нарт хьыбархэмрэ пшынальгьэхэмрэ, тхьдэр зи лъабжьэ лыхьужь эпос, лыхьужь псысэ

Цитатэ кьызэрыхьэпхьыур: Быхьурэ М.Ф. ЕщIэнокъуэ зэшхэм теухуа циклым дызыщрихьэлэ псысэ пкьыгьуэхэр // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-2 (51). С. 77–86. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-77-86

Original article

FAIRY-TALE ELEMENTS IN THE CYCLE ABOUT THE ESHANOKOVY BROTHERS

Mukhamed F. Bukhurov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the

Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, mbf72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6253-4097>

© M.F. Bukhurov, 2021

Abstract. Currently, there are a number of works in Adyg folklore studies, where a significant place is devoted to the study of the influence of archaic genres of folklore on the artistic system of the historical and heroic epic. However, researchers paid more attention to the continuity between the two typological varieties of the heroic epic – the Nart and the historical-heroic ones. The problem of the interaction of the fairy tale with the younger epic remains less studied, which is why our appeal to the designated topic is due. As an example, the cycle about the Eshanokovy brothers is considered, in which many structural elements go back to the motives and plots of heroic and magical fairy tales. These are the motives of birth, heroic childhood, getting a horse, about the deeds and heroic feats of the hero. The wonderful properties of the characters, horse, weapons, etc. are also characterized. As a result of the analysis, the author comes to the following conclusion. Despite the fundamental difference in the nature of the attitude to reality, the younger epic often uses some fairy-tale stereotypes. Especially in its early forms, there is a significant layer of elements genetically dating back to various types of fairy tales. At the same time, they often perform, in fact, the same functions as in fairy tales – the isolation of the hero from the general environment, his idealization, complication of the task facing him, which is the result of close interaction or continuity between the heroic tale and genre varieties of the folk epic of the Adygs, including historical and heroic narratives.

Keywords: the Eshanokovy brothers, fairy-tale elements, Nart tales and pshinatls, historical and heroic epic, heroic fairy-tale

For citation: Bukhurov M.F. Fairy-tale elements in the cycle about the Eshanokovy brothers. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2021; 4-2 (51): 77–86. (In Kabardian). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-77-86

Научная статья

СКАЗОЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЦИКЛЕ О БРАТЬЯХ ЕШАНОКОВЫХ

Мухамед Фуадович Бухуров

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, mbf72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6253-4097>

© М.Ф. Бухуров, 2021

Аннотация. В настоящее время в адыгской фольклористике существует ряд родов, где значительное место уделено изучению влияния архаических жанров фольклора на художественную систему историко-героического эпоса. Однако исследователи обращали больше внимания на преемственную связь между двумя типологическими разновидностями героического эпоса – нартским и историко-героическим. Менее изученным остается проблема взаимодействия сказки с младшим эпосом, чем и обусловлено наше обращение к обозначенной теме. В качестве примера рассматривается цикл о братьях Ешанокowych, в котором многие структурные элементы восходят к мотивам и сюжетам богатырских и волшебных сказок. Таковыми являются мотивы о рождении, богатырском детстве, добывании коня, о деяниях и героических подвигах героя. Охарактеризованы также чудесные свойства персонажей, коня, оружия и др. В результате проведенного анализа, автор приходит к следующему заключению. Несмотря на принципиальное различие в характере отношения к действительности, младший эпос нередко использует некоторые сказочные стереотипы. Особенно в его ранних формах выделяется целый значительный пласт элементов, генетически восходящих к различным видам сказки. При этом нередко здесь они выполняют, по сути, те же функции, что и в сказках – выделение героя из общей среды, его идеализация, усложнение стоящей перед ним задачи, что является результатом тесного взаимодействия или преемственных отношений между богатырской сказкой и жанровыми разновидностями народного эпоса адыгов, в том числе и историко-героических повествований.

Ключевые слова: братья Ешанокковы, сказочные элементы, нартские сказания и пшинатли, историко-героический эпос, богатырская сказка

Для цитирования: Бухуров М.Ф. Сказочные элементы в цикле о братьях Ешанокковых // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-2 (51). С. 77-86. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-77-86

ІуэрыІуатэм и жанр зэмылІэужыгыгуэхэр пкыгыгуэхэмкІэ, нэцэнэхэмкІэ зэхуажэу кызырэзэдэггуэгурыкІуэм щІэныггэлІхэм гу зэрылгатэрэ куэд щІащ, а Іуэхугуэм теухуауэ икыукІэ мыхьэнэшхуэ зиІэ кэхутэныгыэ зыкьоми ирагэкІуэкІащ. Псом хуэмыдэжу абыхэм я ІэдакьэщІэкІхэр траухуат лыхужь эпосымрэ псысэмрэ я зэхуаку дэль зэхушытыкІэм, шэч хэмылгуи ІуэрыІуатэр зыдж нобэрей щІэныггэм льябжэ хуэхуа гупсысэ купщІафІэ куэди утыку кьралгьящ: нэхьыбэу мыхьэнэ зиІэхэм ящыщти, дэтхэнэ зы жанрми и дуней тетыкІэр яубзыхуащ. Ауэ мы ІуэрыІуатэхэкІхэм куэд зэщхуэ зэрабггэдэльым, зэпэлаггэу, зыкьомкІэ зэфэггуэу зэрышытым кыыхэкІкІэ, ахэр зыхиубыдэ жанрыр гьэбелджылыным льяпошхьэпо гуэрхэм ухуишэу кыщІэкІащ, нобэми ар арэзы укыищІу убзыхуа хуауи пхужыІэнукуым. Абы кыыхэкІкІэ, мыпхуэдэ лэжыгыггэхэр ди зэманми мыхьэнэ зиІэхэм ящыщ, езы Іуэхугуэри кэхутэныгыэ и лэныкыуэкІэ нэхьыбэу гулгытэ зыхуэщІын хуейхэм яхэлгытапхьэщ. А шытыкІэр кьэтлгытэри аращ дэри ищхьэкІэ кьэдггэлггэгуа темэр зэкьрыхыным дыщІыпэрыхьар, ауэ дэ ди мурад нэхьыщхьэр эпосымрэ псысэмрэ зэрызэщхьэщыкІыр гьэбелджылыныркыым, атІэ зэрызэщхьэр, ар кызыыхэкІа щхьэусыгыгуэхэр наІуэ кьэщІынырщ, абы шыгыуэми дэ кьэтпшытэну зи яужь дихьэр нэхь мащІэу гулгытэ зыгыуэта, нарт хыбархэмрэ пшыналггэхэмрэ я ужь кыиува тхыдэр зи льябжэ лыхужь эпосымрэ псысэмрэ зэрызэхушытырщ. Мыбдежым кышыщыІапхьэщ, зы лэныкыуэкІэ нарт эпосымрэ псысэмрэ, нэггуэщІ лэныкыуэкІэ нарт эпосымрэ тхыдэр кызыыхэщыжымрэ зэхуаІэ зэпыщІэныггэхэр куууэ джа зэрыхуари. Ауэ статьяуэ е монографие кэхутэныгыггэхуэхэм Іыхьэ гуэру хэувэу фІэкІа, псысэмрэ тхыдэр зи льябжэ эпосымрэ кызырэзэдэггуэгурыкІуам теггэпсыхьа лэжыгыггэ щхьэхуэ шыІэкыым, абы шыгыуэми псысэ пкыгыгуэхэмкІэ мы эпос лэужыгыгуэр, псом хуэмыдэу, абы и пасэрей лэхьэнэр, икыукІэ кыулейщ, мыхьэнэшхуи абы шаггэзашІэ. Аращ Ещэнокуэ зэшхэм я циклым дыхэплгэну гукьэкІ дэзыггэщІари.

Дызэрыщыгыгуазэщи, тхыдэр зи льябжэ лыхужь эпосым щхьэхуэныгыэ бггэдэльхэм ящыщ зыщ гьящІэм пэж дыдэу кышыыхуа, е кышыыхункІэ хуунум ещхь Іуэхугуэр кызырэшыІуэтар. Апхуэдэу шыт пэтми, мыбдежми дышыхуозэ псысэхэмрэ пасэрей эпосымрэ зэхуэдэу зыужыныгыггэшхуэ шызыгыуэта мотив куэдым. Апхуэдэхэщ тельыджаггэ хэлгу лыхужыкыр дунейм кытехьэныр, занщІэу балигыпІэ иувэныр, псэр Іэпкыльэпкь щхьэхуэ гуэрым хэлгыныр е нэмыщІ пкыгыгуэхэм – хьэпшып, кьэкІыггэ сыт хуэдэ зыгуэрым – шыггэпщІкІуауэ шытыныр, мэггуэ зэфІэкІ зиІэ миф псэушхьэ шынаггэуэхэм пэуву ятекІуэныр, шым, Іэщэ-фащэм тельыджаггэ бггэдэлыныр, нэггуэщІ куэдхэри. Ауэ, нэхь ильащІэкІэ наІуэ кызырэхьунуши, мыхэр мы эпос лэужыгыгуэм «кызыэриггэІурыщІэ» щІыкІэм щхьэхуэныгыэ бггэдэльыщ. Ар гьящІэм и пэжым зэрыхуекІэ кьеггэзэггэуэ зэрышытырщ.

Ещэнокуэ зэшхэм я хыбархэм я гуггуэ пщІымэ, мы мотивхэм я лэужь абыхэми хыдолггэуэ. Ауэ ахэр наІуэ кьэтщІын ипэ кыхуэу, кыжыІэн хуейщ, циклым нарт эпосым и нэцэни зэрызыщІишар: мы иужьрейм хуэдэу убггуауэ шымытми, хыбархэм кьахощ лыхужыкыым (лыхужьхэм) и (я) гьящІэр зэрекІуэкІыр – дунейм кызырэтехьар, и сабииггуэр, иггэхьахэр, нысашІэ кызыэришэр, шыр кызыэриггуэтыр, дунейм зэрехыжыр, н., абы шыгыуэми мыпхуэдэхэр зыхэтлггэгуэр лыхужь нэхьыщхьэм и гьящІэр кьэзыІуэтэж сюжет кудейхэракыым, атІэ абы и бийм и образыр абыхэмкІи гьэбелджылащ. Гьут І.М. гу зэрылгытащи, лыхужь пажэр адреихэм кьащхьэщыкІын хуейщ

зыми дэдмыльгагьу нэцэнэхэмкIэ: кьару егъэлея зэрыбгъэдэлъымкIэ, егъэлеяу псынщIэу зэрыхэхуэмкIэ, иджыри сабийуэ (щIалэ дьдэу) адреихэм зарефIэки лIыгъэ къазэрылгыкьуэкIымыкIэ, икIэм-икIэжращи, телъыджагъэ хэлъу дунейм къызэрытехьэмкIэ [Гутов 2009: 28]. Абы кьыдэкIуэу, мы мотивхэм пасэрей эпосымрэ псысэхэмрэ шагъэзащIэ къалэн дьдэхэращ мыбдежми «я пщэ кьыдэхуэр» – лIыхужьыр кьыхэгъэбелджылыкIынырщ.

Иуэрыуатэм къызэрыхэщыжымкIэ, ЕщIэнокъуэ зэшхэр – Уэзырмэсрэ Темыркъанрэ – ящыщ лIыгъэрэ хахуагъкIэ нэхъ лъэрызехьэ дьдэу лъэпкъым кьыхэкIахэм. Апхуэдэу щыщыткIи, зэрыжытIам хуэдэу, ахэри адреихэм къащхьэщыкIын хуейщ. Абы и шапхьэ зыбжанэ кьыхощ Иуэрыуатэм и зехьакIуэ Iэзэу щыта Сэбаншы Исуф кьиIуэтэжа «КъуийцIыкIуокъуэм и къэхьукIар» хьыбарым [Адыгэ Иуэрыуатэхэр 1969: 115–116]. Хьыбарым нэIуасэ дыхуешI щIалитIым я адэ Атэбий (языныкьуэ вариантхэмкIэ, езы зэкъуэшитIым) лыкIэ бий кьыхуэхьуну КъуийцIыкIуокъуэ Дэгужь и сабиигъуэр зэрэкIуэкIа (зэраIтам, альп къызэригъуэтам, н.) щыкIэм. Ар къэIуэтащ Ат – 655* [Thompson 1961] псысэ сюжетымкIэ. Сюжетым нэхьыбэу дыщрохьэлIэ лIыхужь, телъыджей псысэхэм, цIэрыIуэ зэрыхуари «Уэ альным урищхьэт...» фIэщыгъэцIэмкIэщ [Адыгэ таурыхьхэр 2018: 519–521, 521–522, 522–524]. Зи гугъу тщIы хьыбарыр зыхуэчэм щымыIэу а псысэм и сюжет къэIуэтэкIэм тохуэр: адэншэу къэхуэ щIалэ цIыкIур зэгуэр мэз кIуауэ, зекIуэлI шу гуп къытоуэри ирахьэжбэ; бин имыIэу зылI яхэтти, щIолгъэIури яIех, ипIынуи и унагъуэ ехь (егъапщэ: Андемыркъан къызэрагъуэта хьыбарым [Адыгские историко-героические... 2019: 138–146]). Мыбдежым хьыбарым кьыхохьэ нэгъуэщIэ зы псысэ сюжети – Ат 400₁; щIалэ цIыкIур щихькIэ, мыльхуадэм псалъэ быдэ ет, игъащIэкIэ «кIуэж» жримыIэну, арщхьэкIэ, таурыхьхэми нарт эпосми зэрыщыхабзэщи, и псалъэм йопцIыж; щIалэм ар игу щIохьэри щIопхуэж. Мыр ещхьщ Батрээ и адэ Хьымыщ зей «мыгъуэ цIыкIуэкIэ» емьджэну кьыгъэгугъуэ испы пщашэр къызэришам, абы щепцIыжым, нысащIэ цIыкIур зэрикIыжам [Нарты II 2017: 168–173]. Сюжетыр лъэпкъ куэдым я Иуэрыуатэм зыщызужыхахэм ящыщ зыщ (егъапщэ: СУС 400₁=АА 400А=К 400А, В, С, D Муж ищет исчезающую или похищенную жену (жена ищет мужа) [Сравнительный указатель... 1979: 127]. АдэкIэ Ат – 655* сюжетым къыпещэ: зыпI и адэм кьыжриIам и щхьэр щIригъэхьауэ чыщэм здыпхыкIым, КъуийцIыкIуокъуэр шы щхьэ къупщхьэ ирохьэлIэ, и теплъэмкIэ ар альпым ейуэ зэрыщытар къещIэр; апхуэдэ зэфIэки и мыльхукъуэм зэриIэр (нэгъуэщIэхэм шым хамыльгагъуэм гу зэрылгытэр) къызыгурыIуа лIым ар къегъэсэбэпри альпищ зыIэрегъыхьэ; КъуийцIыкIуокъуэм ещIэр дэтхэнэ альпми бгъэдэль тIасхьапIэр: зым и щхьэ натIэр пIащIэщи, дыгъэм хуэгъэзауэ куэдрэ жэмэ мэхьынущ, адреир лъэгу шабэщи, мывэм хыхьауэ къыпхуищIэн щыIэкъым (егъапщэ: Сосрыкьуэ и шым); КъуийцIыкIуокъуэр ещанэ альпымкIэ и мыльхуадэм IэщIокIри я деж мэкIуэж (егъапщэ: Ат – 655* псысэ сюжетым и къэIуэтэкIэм [Сравнительный указатель... 2018: 586]).

Мыбдежым гу лытапхьэщ КъуийцIыкIуокъуэр адэншэу къызэрыхьуми. Дызэрыщыгъуазэщи, мыри пасэрей Иуэрыуатэм щызэтеува мотивхэм ящыщщ. Мыпхуэдэм деж хабзэу зэрыщытти, щIалэ цIыкIур иджыри ныбэм илбу и адэр къаукI (мэкIуэд). Нарт эпосым деж апхуэдэхэщ Уэзырмэси, Батрэзи, Ашэмэзи [Нарты II 2017: 23–27, 178–184, 294–296]. ЛIыхужь, телъыджей псысэхэм апхуэдэ лIыхужьыр фызабэм и къуэу кьыхощыр [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 6–д. П. № 11]. ЩIэныгъэлIхэр зыхуэкIуа гупсысэм тепщIыхьэмэ, адэр мыщIыхуныр кьызыхэщ мотивым и лъапсэр жыжбэ дьдэ къыщожбэ, дэтхэнэ зы лъэхьэнэми шыIа псэукIэм ижбэ кьыщIихуури къогъуэгурыкIуэ. Анэ лъэхьэнэм, псалъэм папщIэ, Iлакъуэр къызэрабжыр анэм и лъэныкьуэрщи, Иуэрыуатэм деж мыпхуэдэ лIыхужьыр «анэ закъуэм» и къуэщ, апхуэдэу зэрыщытми образыр иIэт мыхьумэ, игъэляхьшэркъым. ПсэукIэр адэ лъэхьэнэм щыхуэкIуэкIэ, образым япэм бгъэдэльа «пщIэр» къотIасхьэ, «анэ закъуэм и къуэр» «фызабэкъуэ»

тхэмыщкIэм хуокIуэр, сыт щхьэкIэ жыпIэмэ лъэхэнэщIэм кyiша гьащIэм деж лъэпкърэ кьупщхьэрэ зимыIэм фэ кьытеуэркыым, IуэрыIуатэми ар зыщIешэри, псоми ауан ящI фызабэкьуэ тхэмыщкIэм и образыр кьоунэху (абы теухуауэ еплъ Е.М. Мелетинскэм и кьэхутэныгъэм [Мелетинский 1958]). Ауэ зэгуэр шыIа цIыху зэдэпсэукIэр образым кьигъэльэгъуэжыныр аркыым мыбдежым нэхьыщхьэр, атIэ ар лIыхужьым гу лъозыгъатэ Iэмал хьуащ: псысэм и щIэдзапIэм ар тхэмыщкIэш, языныкьуэхэм деж акьылыншэщ, бэлэбанэщ, IуэрыIуатэм щIэдэIури занщIэу абы нэхь нэлейкIэ еплъу щедзэ, и гьащIэм кьрикIуэнури псынщIэIуэу зригъэщIэным поплъэ, икIи, зыри зэрыщымыгугъауэ, апхуэдэм зыкызыэкьуехри лIыгъэ щIапIэ йохьэ, лIыхужьыгъэхэр егъахьэ – зыри зыпэмыльэща Iуэхугъуэхэм пэрохьэри и текIуэныгъэкIэ зэфIегъэкI [Скафтымов 1958: 6]. Къапщтэмэ, телъыджагъэ хэлъу (мывэм кьыдахьу, мыIэрысэ е нэгъуэщI пхьэщхьэмыщхьэ гуэр адэ-анэм яшхьу, н.) лIыхужьыр дунейм кьытехьэным мы мотиври кьалэнкIэ пэджэжу жыпIэ хьунуш – тIум шыгъуэми лIыхужьыр кьыхагъэбелджылыкIыу арщ. Ауэ, мы тIум «щыхэдэм», тхьдэр зи лъабжьэ эпосым «кьыхихыр» адэр мыщIыхунырщ. Абы и щхьэусыгъуэри гурыIуэгъуэщ – ар гьащIэм и пэжым нэхь пэблагъэу зэрыщытырщ.

Псысэ теплэ иIэщ лIыхужьым шы кьыззригъуэтми. ЛIыхужь псысэхэми, нарт эпосми шы гуартэ псом сыт шыгъуи кьыхахыр шыщIэ уэдыжь цIыкIуш е зи тхьэкIумэхэр гуэлэлу зи закьуэу щыт шы фэншэжьырщ. Нарт эпосым мыпхуэдэ-шым и образым нэхьыбэу зыщиужьащ Щауей и циклым [Нарты III 2020: 17–25]. ЛIыхужь псысэм кьыззрыхэщым и шапхьэу кьэпхь хьунуш «Мыхьэмэтищ» таурыхьыр [ФАИГИКБНЦРАН. Инв. № 1037]: Пщым и кьуэ Мыхьэмэт цIыкIум зекIуэ ирежьэну кьыхихыр нэбгъэф уэд цIыкIу банэм зэкIэришхэжауэ щытырщ, ауэ ар къаубыдыну яужь щихьэкIэ, пэмыльэщхэу жэщ хьухункIэ кьрахуэкIыр. Абы кьикIращи, ищхьэкIэ зи гугъу тщIа мыхьэнэншафэ зытет лIыхужьми хуэдэу, мыри псысэм ипэм фэншэу кьэгъэльэгъуащ, ауэ зыкызыэкьуехри альп хьыжьэу кьощIыкI, абы тесурэщ лIыхужьыр лIыгъэщIапIэ ихьэу текIуэныгъэр зэрызыIэригъэхьэри. А щытыкIэ дыдэхэр бгъэдэлыщ КьуйицIыкIуокьуэ ишми: и мыльхуадэм и шы гуартэ псом абы шы хуэхьун кьыхэкIыркыым, ауэ кьезьэжауэ кьэкIуэжу куэншыбым хэшхыхьу шы уэд зыбжанэ ирохьэлIэ, бгъэдэль мэгуэ зэфIэкIэхэм я фIыщIэкIэ, альпхэр – зы шы кьарэ натIэгъуджэ, зы пщIэгъуалэ, зы брулыжь – кьыхецIыхукIри ахэр кьыхех. Абыхэм ящыщ зыщ ар и мыльхуадэм зэрыIэщIэкIыр.

Зи гугъу тщIа хьыбарыр еух, КьуйицIыкIуокьуэр и анэм деж кьыгъээзжауэ. Ар и щытыкIэкIэ, и дуней тетыкIэкIэ «батыр хьуащ, гурбияну, цхьэкIуэмышэчу...» [Адыгэ IуэрыIуатэхэр 1969: 116]. Андрей хьыбархэр топсэлтыхь мы персонажым и IуэхушIафэхэм, Атэбий, абы и кьуэхэу Уэзырмэсрэ Темыркьанрэ ягъэхьахэм, н. Абыхэми лIыхужь псысэм пыщIэныгъэ быдэ зэрыхуалэм и шапхьэ куэд хьыболъагъуэ. Апхуэдэщ, псалъэм папщIэ, 1956 гъэм Жылэгъуэт Абрэдж (1906 гь.кь.) кьыIуэтэжауэ шыта «ЕщIэнокгуэ Атэбий» хьыбарыр [Адыгэ IуэрыIуатэхэр 1969: 78–80]. Хьыбарыр Iуэхугъуэ зыбжанэм теухуащ: Атэбийм иль зэрищIэжам, физ кьызэришам, ЕщIэнокгуэ зэшитыр – Уэзырмэсрэ Темыркьанрэ – кьызэралъхуам, н. ИщхьэкIэ дызытепсэлтыхьа хьыбарым КьуйицIыкIуокьуэм и сабиигъуэр кьызэрэклэуэклар кьыIуэтэжмэ, мыбдежым абы адэкIэ и дуней тетыкIам кьыпишэу щытщ – нарт лIыхужьхэм хуэдэу, и гьащIэ Iыхьэхэм (и IуэхушIафэхэр, и кIуэдыжыкIар) теухуа пычыгъуэхэр кьыхохьэ. А псор кьызэрыIуэтэжари АТ 302 псысэ сюжет цIэрыIуэрщ. Мыпхуэдэ таурыхьхэм зэрахьбэщи, иныжьым (е нэгъуэщI миф псэушхьэ гуэрым) хьыджэбзыр едыгъу; ар кьыригъэутIыпщыжыну лIыхужьыр йожьэ; иныжьым тIасхьапIэ иIэщи, абы текIуэн папщIэ, лIыхужьым ар (и псэр е и кьарур зыхэлъыр) кьыщIэн хуейщ; кьызэрыщIэкIымыкIэ, иныжьым кьару кьезытыр щIым и гьунэм шыIэ тенджыз тIуащIэм шыпсэу нэжьгъушIыдзэм и шы лъэпкыым щыщ зэрытесырщ, хьыджэбзым а тIасхьапIэр кьехутэ, лIыхужьым жреIэж; лIыхужьми апхуэдэщ зыIэрегъыхьэри, и бийм токIуэр,

хыджэбзыр хуит къешыжри щхьэгъусу къешэ (егъапшэ: СУС 302, *Смерть Кащей в яйце* [Сравнительный указатель... 1979: 107–108]). Сюжетыр зиэ адыгэ псысэхэр нэхыбэу кызырацыхур «Къарэлъакъуищ» фIэщыгъэцIэмкIэщ [Адыгэ таурыххэр 2018: 72–78, 79–89]. Таурых куэдым ущрихэлIэ щыIэщ хыджэбзыр мэзылым идыгъуу [Адыгэ таурыххэр 2018: 197–201]. Языныкыуэхэм деж лыхужьыр абы пэлъэщын папщIэ, ар жезуэ щытын хуейщ, ар кызырацIэ хабзи IуэрыIуатэм эфIигъэуващ – мэзылыр жей куум хильэфамэ, и пэм гъуэзыр (мафIэ бзий) креху. Абы кыдэкIуэу, ар лыхужьым зырыхуэукIыну езы мэзылым и сэшхуэ дьдэмкIэщ, абы щыгъуэми и къарур пэлъэщу ар хуэгъэлэрыхуэн хуейщ. Мы мотивым нарт эпосми зыужьныгъэшхуэ щигъуэтащ. Апхуэдэуц Сосрыкыуэ иныжьым зэрытекIуэри, Батрээ Пщы-Марыкыуэ зэрыпэлъэщри, Ашэмэз Лъэбыцъэжьей зэрыхыгъащIэри.

АТ 302 сюжетыр ЕщIэнокъуэ зэшхэм я циклым кызырегъэсэбэным и гугъу пщIымэ, къэIуэтэкIэм щхьэхуэныгъэ гуэрхэр бгъэдэлъ пэтми, зи гугъу тщIа псысэ пкыгъуэ псори абы щыхумащ. Мыбдежым гу зылытапхъэраши, таурых лыхужьхэр нысащIэ къэлъыхуэныр я мурад нэхыщхьэу ежъркъым, псысэм и кIэм абы хуэкIуэж пэтми – псоми щхьэусыгъуэ зырызыххэ яIэщ. Псалъэм папщIэ, «Къарэлъакъуищ» псысэм и лIэужьыгъуэ зыбжанэм АТ 552А сюжетыр щIэдзапIэ щыхуэхуэ щыIэщ: адэм и къуэм уэсюту кыхуегъанэ, жэщищ зэкIэлъыкIуэм лы мыщыхуищ къэдженум и пхуищыр щхьэгъусу иритын хуейуэ; зэман докри, и шыхуищым я Iуэху зыIутыр зригъэцIэну йожъери, абыхэм я деж кыщещIэ, жылэ псом нэхъ дахэу дэс хыджэбзыр иныжьым гъэру зериIыгыр. АдэкIэ, зэрыжыхуэтIам хуэдэу, АТ 302 сюжетым кыпещэр. «ЕщIэнокъуэ Атэбий» хыбарым лыхужьыр гъуэгу щыIтехэр и шы нэхыщIэм илIэ ищIэжын мурадкIэщ. А лыщIэжыр езыр кызыхэкIар кыщиIуэтэжкIи хыбарым зызыхуигъазэр псысэ сюжетхэрщ. Япэр АТ 650В-р арщ: лыхужьым езым нэхэрэ нэхъ лъэщ щымыIэу зыкълельтэж; йожъери апхуэдэм хуозэр, абыи нэхъ лъэщыж зэрыхуэзам и хыбар кыхуеIуэтэж [Адыгэ таурыххэр 2018: 350–352, 352–354, 354–359, 359–360]. Нарт эпосым, псалъэм папщIэ, Сосрыкыуэрэ Тотрэшрэ зэрызэзуамаи абы дыщыхуозэ: тIэунейрэ лыгъэщIапIэ ихуэу (дзитI зэзауэмрэ нарт джэгумрэ зэрыхэтамрэ) текIуэныгъэ зыIэригъэхьам игъэгушхуауэ, езым кыпэлъэщын щымыIэу зыкыщыхужауэ Сосрыкыуэ гъуэгум Тотрэш шрохьэлIэ; мы иужьрейр нэхъ лъэщу кыщыщIэкIэ, зэрыпэлъэщыр бзаджагъэкIэщ (и анэ Сэтэней и чэнджэщкIэщ) [Нарты I 2012: 236–240]. ИщхьэкIэ кыжытIащ КъуийцIыкIуокъуэ Дэгужьейр еIуящIэу, ябгэу, гущIэгъуншэу, къаруушхуэ хэлъу кызырэыхуар. «ЕщIэнокъуэ Атэбий» хыбарым зэрыжиIэмкIэ, абы и псэм техуэркъым лыгъэкIэ, хахуагъкIэ, цIыхугъэкIэ Атэбийр цIэрыIуэ зэрыхуар. Ар хуейкъым Атэбийр бэлэрыгъауэ зригъэхьэлIэу иукIыну, атIэ нэхъ кыищтэр пэуу и эфIэкIыр игъэунэхунырщ, апхуэдэ мурад иIэуи къожьэ, ар зэуапIэм къриджэн папщIэкIи и къуэш нэхыщIэ цыкIур еукI. Тхыдэр зи лъабжьэ эпосыр гъащIэм и пэжым пэгъунэгъу пэтми, мы Iуэхугъуэр къэхъупами е къэгупсысами нобэкIэ зэхэгъэкIыгъуейщ. Ауэ, дызэригугъэмкIэ, ижь-ижьыж лъандэрэ зэтеувауэ къэгъуегурыкIуэ IуэрыIуатэ къэгъэщIыкIэр мыбдежми щыхумауэ арщ: лыхужьыр кызырэыгуэкI цыхум пэуврэ текIуэкIэ, и пщIэр Iэта хуркъым, и образыр удэзыхьэх ищIырккъым, атIэ бийр егъэлеяуэ шынагъуэу, гущIэгъуншэу щытрэ, къару зэрамыщIэж бгъэдэлърэ мис абы текIуэфмэщ лыхужь нэхыщхьэм и эфIэкIыр кыхэгъэбелджылыкIа щыхур. Абы кыхэкIкIэ КъуийцIыкIуокъуэр кызырэыгуэкI цыхуу щытми, пасэррей эпосым кыхэхэщ миф псэушхьэ шынагъуэхэм (иныжьым, мэзылым, благъуэм, н.) я нэщэнэхэр – я гущIэгъуншагъри, ябгагъри, бланагъри, н. – хыбарым мы персонажым бгъэдэльхьэр. Арагъэнуш мыпхуэдэ щIапхьэджагъэ илэжауи КъуийцIыкIуокъуэр хыбарым кыщIыхьыр. Къапштэмэ, циклым дызыщрихэлIэ КIэфыщ и къуитIым ЕщIэнокъуэ зэшхэм я анэм иращIари мыбы нэхэрэ нэхъ цыкIу-фэкIуккъым: «КIэфыщхэрэ

Ещлэнокгуэхэрэ нэхь лыггэ зилэлуэрэ нэхь зэфлэкл зилэлуэрэ хэкум имысу апхуэдэти а «лэпкытлыр, щызыэхуэхуари ямышлэжу, лэпкэ бий зэхуэхуауэ зэбийт. Апхуэдэурэ зэбийуэ еклэуэлырэ, зэгуэрым Ещлэнокгуэхэ я физыжыыр хамэ кьуажэ хьэдаггэ шылауэ выгу ису кьэклэужэ пэтрэ, Клэфыщхэ ящыщхэм гьуэгум цаубыдри и нэклушхьэр кьраггэжащ, шылуклыжхэм шабзэклэ кьеуэри и гунхьэтлэклумрэ гульэмыжымрэ зэтраггэлулаш» («Ещлэнокгуэхэрэ Клэфыщхэрэ я таурыхьым») [Адыгэ Гуэрылуатэхэр 1969: 101–102].

Зэрыгурылуэггэуэщи, курыт лэщыггэуэм кьэунэхуа Гуэрылуатэм «игьафлэхэм» ящыщ лыггэр, хахуаггэр, лыхужыггэр, цыхуггэр, хабзэр, нэмысыр, н., сыт щхьэклэ жыплэмэ ар кьэзыггэщлэ лэпккым езым илэтри араши. Апхуэдэу щыщыткли, ахэр кьызырыхиггэщхьэхуклыным, гулгытэ лей зэрыхуиггэщыным хушлэку, абы папшлэкли и лыхужьхэм я Гуэхушлэфэхэр мыпхуэдэ щыклэклэ зэклэльхэ: ныкьуэкьуэггэуэм еггэлеуэ гушлэггуншаггэ елэжэ, ар лыхужь нэхьыщхэм иггэггурккым, хьыбарым щлэдэлуи а Гуэхуггэур зэриухунур псыншлэлуэу кьыщлэным хуопабггэ. Араши, мыр Гуэрылуатэм гу зыулыггэтэнур зэрилэт, кьызырыхиггэщхьэхукл, Гуэрылуатэхэклыр удэзыхьэх зыщлэ Гэмылу кьэплгытэ хьунуш. Апхуэдизклэ лэпккым бзылхуггэм хуишлэ нэмысыр еггэляплэри, Клэфыщ и кьуитлым ялэжам хуэдэ, абы шыггэуэми лыхусэжэ цлэр зепхьэу, бзылхуггэм еппэсыныр дэнэ кьэна, ауи уигу кьэбггэклэ мыхьунухэм ар ящыщ, Кьуишлэуокьуэм сабийр зэриулам и гуггэу умышлэххи. Мы мотивхэм я кьэжэклэпэггунэггэуш нартхэм жьы хьуар бгым едзыхыжыныр зэрызэханар кьэзылуатэм: зэгуэр апхуэдэ хабзэ шылэпауэ шытми, Гуэрылуатэм деж абы и кьалэныр а хабзэм шыггэуазэ дищлынырккым, атлэ, Гьут I.M. гу зэрылгыташи, ар апхуэдизу кавказ лэпккхэм яггэляплэу яхэлэ нэхьыжкым пшлэ хуэщыным кьэжэплэ хуэхуар кьыхэггэбелджылыккынырщ [Гутов 2009: 47].

Ныкьуэкьуэггэур (бийр) зэуаплэм кьеджэныр кьызыхэщ мотивым и кьуэлэпхэр нэхь пасэу Гуэрылуатэм щызэтеува жанрхэм кьыщожэ, зэмылэужыггэуэ куэдэуи зэтопшлэуэж. Лыхужь псысэхэм, нарт эпосым зыщызужбахэм ящыщ, псалэм папшлэ, мы лэужыггэур: бийм и шы гуартэр лыхужьым кьрехужэ, хаклуэм улэггэ иредзри еутлышщыж; хаклуэм еггэзэжри бийр кьэхь. Сюжетыр нэггэуэщлэ лэпккхэми зэрахэллым шыхьэт тохьуэ Эберхарт-Боратав (Ев-Во) [Eberhard, Boratav 1953] псысэ сюжет ггэляггэуэм ар 204 бжыггэмклэ кьызырыщыггэльэггэуар. Адыгэ Гуэрылуатэм Ашэмэз лыккэ и бий Лэбыцэжьей имышлэу теуэрккым, атлэ и шыр кьрехужэ, нэпккыжэ трешлэри еутлышщыж, езыр маклуэри луащхэм тотлысхьэж, и бийм пэплэуэ:

...Лэбыцэ и шыбзым нызэрылуошлэ, кьры[а]ггэажэщ...

Шы кьуэлэныжьым нафлэггэзэж,

Си нартыжьыбэр зэкл'эльеггэплэ.

Ашэмэз шлалэм шлэх'гуэ гу лэетэ,

И ужьым йохьэ,

Шы кьуэлэныжьым нышлэзэрыхь, кьытреггэзэ.

«Сыт кьыпхэсхын,

Зи шымыштукл'э гуоуж ухьункэ!» – жи.

И саурышхьэр кьыхуреупшлэ,

И блэгушхьытлыр кьыресыпэх,

Лыпсыр кьэжэхуэ не<у>тышщыж.

Ашэмэз шлалэм кл'элыреггэзых,

Лэбыцэ и луащхэм нытэпсыхэщ [Нарты II 2017: 300].

Зэрынэрылгыггэуэщи, мыпхуэдэ бий кьеджэклэм псысэ теплэ илэщ, ауэ тхьдэр зи лэабжэ эпосым ар пэжым нэхь пэблаггэ шохьур. Борэжэ и циклым кьыггэльэггэуэж лэхьэнэм кьэзэггэраши, лыхусэжэ зэрихабзэу, луащхэ плалэ зэрэт [Адыгэ Гуэрылуатэхэр 1969: 63–76]. «Ещлэнокгуэ Атэбий» хьыбарым лыхужьыр бийм и шыналэуэм йохьэр, и шы нэхьышлэуэм илэ ишлэжыну. Адэклэ

хыбарым АТ 302 псысэ сюжетым тету зеужь. Ауэ псысэм кыщхьэщыкыгу, мыбдежым бийм игу ирихьа хьыджэбзыр кэдыгъуным езы лыхъужь нэхьыщхьэри холыфыхь. Андрей пкыгыгуэхэр псори зэтохуэр: Къуийцлыкыуокъуэр Атэбийм иукыгын мурад зэриэр кыщищэккэ, хьыджэбзым лыхъужьым кыгурегъагуэ, псысэм хуэдэу, бийр жей Iувым химыльэфауэ (и пэм гъуэз кърыху мыхъуауэ), езы Къуийцлыкыуокъуэ и джатэмккэ флэкла, ари кыхуэIэтмэ, ар зэрыхуэмыукыгынур. Апхуэдэуи Атэбийм ещIыр. Абы кыIэщIигъэкIыжа хьыджэбзыр езым щхьэгъусэу къешэри, Уэзырмэсрэ Темыркъанрэ кыыздалъху. Мы хыбарым лъабжэ хуэхъуар псысэ сюжетми, зыхиубыдэ жанрым и нэщэнэщи, гъащIэм и пэжым нэхь пэгъунэгъу зэрыхуэхъунум хущIокъу. Псалъэм папщIэ, лыхъужь псысэми, нарт эпосми нысащIэр щIыплэ жыжьэм – нэгъуэщI дунейм – къраш, абы шыгъуэми а Iуэхугъуэр лыхъужьыгъэкIэ гъэнщIауэ шытщ. Зи гугъу тщIа «Мыхьэмэтищ» псысэм «къанжэм и фыцIэр зи щхьэц, и хужьбыр зи щIыфэ, и лъым хуэдэр зи нэклэ» хьыджэбзыр дыгъэ кыщIэкIыплэм щопсэу. Лыхъужьбыр абы кIуэн, а хьыджэбз дахэр кыIэрыхьэн папщIэ, зыри зыпэмыльэщ алып емылыджыр кыигъэIэсэфын хуейщ, аращ ар дыгъэ кыщIэкIыплэм зыхьыфынури. Хьыджэбзыр гъэру иныжьым иыгыщи, абыи езауэу хигъэщIэн хуейщ, апхуэдэ дыдэу щхьухьпсыхьыщIэ удхэм, Iей зигу иль нэгъуэщI персонажхэм пэльэщын, гъуэгуи зыщрихьэлIэ гугъуехьхэм, лъэпо-щхьэпохэм пхыкыфын хуейщ. Къапщтэмэ, нарт лыхъужьхэм аращ – Батрээ и анэр испы щIыналъэм, Уэзырмэс и анэр хы щIагъ дунейм, Щауей ейр иныжь хэкум къраш. Мыхэр псори – псым адрьщIккэ щыIэ щIыналъэр, къурш щIыб кыдэлъыр, дыгъэ кухьэплэм (къуэкIыплэм) щыIэр, бгъуэнщIагыр, н. – IуэрыIуатэм кызэрилъытэр нэгъуэщI дунейуэщ, абы нысащIэр къишынри тынш цыкыкыым. Абы и къуэпсхэр тхыдэр зи лъабжэ лыхъужь эпосым кызэрыхьыхьэм и шапхьэщ, псалъэм папщIэ, Андемыркъан кызэралъхуам тепсэлъыхь хыбархэр, псом хуэмыдэу нэхь пасэIуэу къэунэхуа лIэужьыгъуэхэр – абы и адэ-анэр Тенджыз тIуащIэм шыпсэу батыр лъэпкъым кыхьэкIащ, езыр бгъэ абрагъуэм Къэбэрдейм кърыхъуэ арщ. Дызытепсэлъыхь хыбарми нысащIэ къэшэным лыгъэрэ хахуагъэрэ пыщIащ (хъаныдзэм йозауэ), ауэ кызытрахыжыр хъанырщ. Абы кыдэкIуэу, бийр, Къуийцлыкыуокъуэ, абы сыт хуэдэ псысэ хьэл-щэн бгъэдэмылъами, кызэрыгуэкл цыхуш, ар нэIурыт ищIын папщIи мы къэкIуэну шытыкIэхэр хыбарым къегъэсэбэп: «<Къуийцлыкыуокъуэ> физитли илаш, зи шыпхъу закъуэ илаш, яшауэ» [Адыгэ IуэрыIуатэхэр 1969: 116].

Дызытепсэлъыхь хыбарым Атэбийр лыхъужь нэхьыщхьэу кыхьэщмэ, абы и лIэужьыгъуэхэм ЕщIэнокъуэ зэшхэм я зыхьэз Уэзырмэсым ущрихьэлIэ щыIэщ [Адыгэ IуэрыIуатэхэр 1969: 80–82]. Абыхэм зи гугъу тщIа псысэ пкыгыгуэхэр шыхъумащ. Абы кыдэкIуэу кыжыIапхьэщ, къэтхъа шапхьэхэм нэмыщIи, циклым апхуэдэ пкыгыгуэ куэдым уазэрыщыхуэзэр. Апхуэдэу зэрыщыгтри шыхьэт тохъуэ тхыдэр зи лъабжэ лыхъужь эпосым, нарт хыбархэмрэ пшыналъэхэмрэ къадэкIуэу, лыхъужь псысэм и нэщэнэ куэд зэрызыщIишам. Мыбдежым дигу къэдгъэкIыжынщи, «Бэхьшысэрей зекIуэм» («Къэбэрдейм цеипхьэжь джанэр зэрыщахыгъам») [Адыгэ IуэрыIуатэхэр 1969: 108–110] и хыбарым кызэрыхьэщымккэ, а зекIуэм хэтыну зауэлхэр кыщыхахым, япэ дыдэу зи цIэ къраIуахэм ящыт ЕщIэнокъуэ зэщитIыр, зэрыщыгугъахэри ягъэпэжат: лыгъэрэ хахуагъккэ къапэльэщ шымыIуэ я къалэн ягъэзащIэри къагъэзэжат. Апхуэдэ лыхъужьхэр лъэпкъым дежккэ шапхьэти, я цIэр, я IуэхушIафэр Iэтын хуейт, абы папщIэккэи циклым «зызыхуигъазэр» нэхъапэу IуэрыIуатэм шызэфIэува жанрхэрщ – нарт эпосым, лыхъужь псысэм. Мис апхуэдэ мыхьэнэ яIэщ ищхьэккэ дызытепсэлъыхьа псысэ пкыгыгуэхэм. Мы зыри щIыдгъужынщи, Тэльостэныпщым кызэригъэпэщауэ шыта Бахьшысэрей зекIуэр езыр, иужьрей зэманхэм кызэрахутамккэ, 1535 (1536) гъэм и гъатхэм (гъэмахуэм) екIуэкIауэ шытащ [Кожев 2018: 52]. Мис абыккэ мы лыхъужьхэм я цIэр гъащIэм и пэжым, тхыдэм епхаш.

ТегъщӀапӀэхэр Список источников

Адыгские историко-героические... 2019 – Адыгские историко-героические песни и предания. Т. 1. Андемиркан / гл. ред. А.М. Гутов. Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. 430 с.

Адыгэ таурыхъэр 2018 – Адыгэ таурыхъэр. 2 т. Телъыджей таурыхъэр / зэхэз. Тхъэмокъуэ (Брай) Женэщ. Налшык: ИГИ КБНЦ РАН-м и тхылъхэр тедзэным шыухагъэхъэзыр къудамэ, 2018. Н. 592.

Адыгэ Гуэрыуатэхэр 1969 – Адыгэ Гуэрыуатэхэр. 2 т. / зэхэз. КъардэнгъуцӀ З.П. Налшык: Эльбрус, 1969. Н. 285.

АИГИКБНЦРАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

Гутов 2009 – *Гутов А.М.* Народный эпос: Традиция и современность. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. 228 с.

Кожев 2018 – *Кожев З.А.* Бахчисарайский поход (Бахшысэрей зекӀуэ): проблема датировки // Вестник КБИГИ. 2018. № 4 (39). С. 45–54.

Мелетинский 1958 – *Мелетинский Е.М.* Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.: Изд-во вост. лит., 1958. 264 с.

Нарты I 2012 – Нарты. Адыгский эпос. Т. 1. Ранние циклы эпоса. Сосруко / под общ. ред. А.М. Гутова. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. 424 с.

Нарты II 2017 – Нарты. Адыгский эпос. Т. 2. Озырмес. Батраз. Ашамез / гл. ред. А.М. Гутов. Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 468 с. URL: http://www.kbigi.ru/fmedia/2_VS-2.pdf (дата обращения: 05.11.2021).

Нарты III 2020 – Нарты. Адыгский эпос. Т. 3. Бадиноко. Шауей / гл. ред. А.М. Гутов. Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2020. 582 с. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/BF-16-01-2021.pdf> (дата обращения: 05.11.2021).

Скафтымов 1958 – *Скафтымов А.П.* Статьи о русской литературе. Саратов: Саратов. кн. изд-во, 1958. 392 с.

Сравнительный указатель... 2018 – Сравнительный указатель сюжетов адыгских (кабардинских, черкесских, адыгейских) волшебных сказок по системе Аарне-Томпсона // Адыгэ таурыхъэр. 2 т. Телъыджей таурыхъэр / зэхэз. Тхъэмокъуэ (Брай) Женэщ. Налшык: ИГИ КБНЦ РАН-м и тхылъхэр тедзэным шыухагъэхъэзыр къудамэ, 2018. Н. 553–588.

Сравнительный указатель... 1979 – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / отв. ред. К.В. Чистов. Л.: Наука, 1979. 438 с.

ФАИГИКБНЦРАН – Фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

Eberhard, Boratav 1953 – *Eberhard W., Boratav P.N.* Typen Turkischer Volksmärchen. Wiesbaden: Frantz Steiner Verlag GMBH, 1953. 506 p.

Thompson 1961 – *Thompson S.* The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged. Second revision (FFC 184). Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1961. 588 p.

References

Adygskiyе istoriko-geroicheskiye pesni i predaniya. T. 1. Andemirkan [Adyghe historical and heroic songs and legends. T. 1. Andemirkan] / editor-in-chief A.M. Gutov. Nalchik: Editorial and publishing department of IHR KBSC RAS, 2019. 430 p. (In Russian)

Adyge tauryh "her. 2 t. Tel" ydzhej tauryh "her [Adyghe fairy-tales. T. 2. Magic fairy-tales] / comp. by J.G. Thamokova (Braeva). Nalchik: Editorial and publishing department of IHR KBSC RAS, 2018. 592 p. (In Adyghe)

Adyge Iueryuatekher. 2 t. [Adyg folklore. T. 2] / compiled by Z.P. Kardangushev. Nalchik: Elbrus, 1969. 285 p. (In Adyghe)

Arhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of humanitarian researches of the Kabardino-Balkarian scientific center of the Russian academy of sciences]. (In Adyghe)

GUTOV A.M. *Narodnyy epос: Traditsiya i sovremennost'* [Folk epic: Tradition and modernity]. Nalchik: Publishing department of KBIHR, 2009. 228 p. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Bakhchisarayskiy pokhod (Bakh"shyserey zekue): problema datirovki* [Bakhchisarai campaign (Bakhshysarey zekue): the problem of dating]. IN: *Vestnik KBIGI* [KBIHR Bulletin]. 2018. № 4 (39). P. 45–54. (In Russian)

MELETINSKIY E.M. *Geroy volshebnoy skazki. Proiskhozhdeniye obraza* [The hero of magic fairy-tale. The origin of the image]. M.: Publishing house of eastern literature, 1958. 264 p. (In Russian)

Narty. Adygskiy epos. T. 1. Ranniye tsikly eposa. Sosruko [Narts. Adyg epic. V. 1. Early cycles of the epic. Sosruko] / edited by A.M. Gutov. Nalchik: LLC «Tetragraf», 2012. 424 p. (In Adyghe and in Russian)

Narty. Adygskiy epos. T. 2. Ozyrmes. Batraz. Ashamez [Narts. Adyg epic. T. 2. Ozyrmes. Batraz. Ashamez] / editor-in-chief A.M. Gutov. Nalchik: IHR KBSC RAS, 2017. 468 p. URL: http://www.kbigi.ru/fmedia/2_BC-2.pdf (date of access: 05.11.2021). (In Adyghe and in Russian)

Narty. Adygskiy epos. T. 3. Badinoko. Shauey [Narts. Adyg epic. T. 3. Badinoko. Shauey] / editor-in-chief A.M. Gutov. Nalchik: IHR KBSC RAS, 2020. 582 p. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/BF-16-01-2021.pdf> (date of access: 05.11.2021). (In Adyghe and in Russian)

SKAFTYMOV A.P. *Stat'i o russkoy literature* [Articles about russian literature]. Saratov: Saratov book publishing house, 1958. 392 p. (In Russian)

Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov adygskikh (kabardinskikh, cherkesskikh, adygeyskikh) volshebnykh skazok po sisteme Aarne-Tompsona [Comparative index of plots of the adyg (kabardian, chircassian, adygey) fairy-tales according to the Aarne-Thompson system]. IN: *Adygskiy epos. T. 2. Volshebnyye skazki* [Adyg fairy-tales. T. 2. Magic fairy-tales] / comp. by J.G. Thamokova (Braeva). Nalchik: Editorial and publishing department of IHR KBSC RAS, 2018. P. 553–588. (In Russian)

Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavianskaya skazka [Comparative index of plots. East slavic tale] / editor-in-chief K.V. Chistov. Leningrad: Science, 1979. 438 p. (In Russian)

Fonoarkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk [Phonoarchive of the Institute of humanitarian researches of the Kabardino-Balkarian scientific center of the Russian academy of sciences]. (In Adyghe)

EBERHARD W., BORATAV P.N. *Typen Turkischer Volksmarchen*. Wiesbaden: Frantz Steiner Verlag GMBH, 1953. 506 p.

THOMPSON S. *The types of the folk tale. A classification and bibliography*. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged. Second revision (FFC 184). Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1961. 588 p.

Авторым теухуауэ

Быхьурэ М.Ф. – филологие щІэныгъэхэмкІэ кандидат, адыгэ ІуэрыІуатэмкІэ къудамэм и щІэныгъэлІ пашэ.

Информация об авторе

М.Ф. Бухуров – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

M.F. Bukhurov – candidate of philological sciences, leading researcher of the sector of adyg folklore.

Статья поступила в редакцию 15.11.2021; одобрена после рецензирования 01.12.2021; принята к публикации 24.12.2021.

The article was submitted 15.11.2021; approved after reviewing 01.12.2021; accepted for publication 24.12.2021.

СЕМАНТИКА ИМЕНИ И ЗНАК В ПЕСЕННОМ ТЕКСТЕ

Адам Мухамедович Гутов¹, Ляна Адамовна Гугова²

^{1,2} Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия

¹ adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/000-0001-7526-3719>

² adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

© А.М. Гутов, Л.А. Гугова, 2021

Аннотация. В статье рассматривается эволюция характера возникновения собственных имен эпических героев. Устанавливается, что в мифологических сказаниях для имен многих персонажей характерно отражение в них семантического значения в соответствии с отраслевыми полномочиями языческого существа, т.е. бога-покровителя определенного объекта или рода занятий. Это свойство бывает настолько выраженным, что значение самого слова легко определяется и не требует специальных лингвистических разысканий. В сказаниях архаического нартского эпоса имя не имеет такой прямой связи с функцией, но оно не полностью утрачивает своей соотнесенности с автологическим значением слова, что стимулирует научные и народные этимологические разыскания. Семантическая парадигма имен значительно расширяется, оставаясь при этом в пределах собственного этнокультурного поля. Иноязычные обозначения в нартской антропонимике – редкость и чаще всего случайность. В то же время, они могут отражать и древнейшие межэтнические контакты носителей эпической традиции. При этом этноязыковая идентификация имени остается актуальной. В данном отношении антропонимы в историко-героических песнях и сказаниях фактически свободны от функциональной привязки, чаще всего, они произвольны и в подавляющем большинстве случаев могут быть признаны как знаки, нейтральные по содержанию. Напротив, характер, поступки, позиция самого носителя может определять отношение к имени в контексте песни или сказания.

Ключевые слова: эпос, этимология, номинация, зволюция, предметный мир, функциональность

Для цитирования: Гутов А.М., Гугова Л.А. Знак и семантика имени в песенном тексте // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-2 (51). С. 87–96. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-87-96

Original article

SEMANTICS NAME AND SIGN IN THE SONG TEXT

Adam M. Gutov¹, Lyana A. Gutova²

^{1,2} Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia

¹ adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/000-0001-7526-3719>

² adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

© А.М. Gutov, L.A. Gutova, 2021

Abstract. The article discusses the evolution of the nature of the origin of the epic heroes. It is established that in mythological legends for the names of many characters, it is characterized by reflection in them semantic significance in accordance with industry powers of a pagan being, i.e. God-patron siest of a certain object or kind of classes.

This property is so pronounced that the meaning of the word itself is easily determined and does not require special linguistic spokes. In the legends of the archaic nart epic, the name does not have such a direct connection with the function, but it does not fully lose its correlation with the autologous meaning of the word, which stimulates scientific and folk etymological locations. The semantic paradigm of names is significantly expanding, while remaining within the limits of its own ethnocultural field. Inowaging designations in nart anthroponimik – rarity and most often accident. At the same time, they can reflect the oldest inter-ethnic contacts of carriers of the epic tradition. In this case, the ethno-speaking identification of the name remains relevant. In this respect, anthroponyms in historical and heroic songs and legends are actually free from functional binding, most often, they are arbitrary and in the overwhelming majority of cases can be recognized as signs neutral in content. On the contrary, the character, actions, the position of the carrier itself can determine the attitude towards the name in the context of a song or legend.

Keywords: epos, etymology, nomination, strolling, objective world, functionality

For citation: Gutov A.M., Gutova L.A. The sign and semantics of the name in the song text. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2021; 4-2 (51): 87–96. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-87-96

Хорошо известно, что один из важнейших компонентов эпического текста – это упоминаемые в нем живые и неживые предметы. Нами однажды предпринималась попытка системно исследовать художественный предметный мир адыгского эпоса [Гутов 1991]. Однако задача оказалась настолько многогранной, что наша небольшая работа стала не более чем первым робким шагом в деле изучения большой и важной проблемы, для решения которой потребуется не одна статья, а целый комплекс научных изысканий. По причине обилия и многообразия материала, а также ввиду слабой изученности темы, мы в первой своей работе были вынуждены ограничиться установлением самых общих закономерностей и наблюдениями локального характера. Между тем без детального изучения номенклатуры имен и самого характера их конкретного отражения невозможно воссоздать целостную картину такой сложной системы представлений, которую образует эстетически организованный эпический текст. Данное обстоятельство послужило причиной нового обращения к теме. В настоящей работе мы ставим перед собой всего лишь одну из задач, связанных с названной масштабной проблемой, ограничиваясь также и в характере привлекаемого фактического материала теми примерами, которые наиболее рельефно определяют суть рассматриваемого явления. Надеемся, однако, что наши разыскания помогут хоть на какую-то долю приблизиться к более основательной разработке этой научной проблемы.

В плане теоретико-методологическом мы исходим из того, что в контексте художественного произведения даже простое название каких бы то ни было предметов, тем более – имен собственных, обусловлено общей задачей, решения которой автор / носитель текста или исполнитель достигает в результате создания или исполнения песни вместе со сказанием. Для полного освещения проблемы потребуется в исследовании установить, например, непосредственный контекст, в котором те или иные имена бывают употребительны, определить особенности представленного в текстах предметного мира, степень устойчивости упоминания тех или иных имен в вариантах одного и того же произведения, выявить частотность повторения имен в конкретном тексте, а также их представленность в разных явлениях единого жанра или различных жанров и т.д. Мы не ставим своей целью решение всех аспектов данной многогранной проблемы во всей полноте, поскольку в рамках статьи это будет фактически не выполнимо. Однако мы надеемся, что сама ее постановка с определением вектора наиболее перспективных разработок в данном плане будет небесполезна для процесса познания материала. Это обстоятельство побуждает нас использовать традиционный историко-сравнительный метод как опорный, а наряду с ним по мере надобности производить некоторые статистические операции, что мы и постарались совместить в своей небольшой работе.

Мы считаем важным исходить из того положения, что художественный словесный текст содержит не менее чем минимальный объем информации, которая важна и достаточна для достижения автором / исполнителем своей задачи. Случайных упоминаний каких бы то ни было предметов, имен персонажей или топонимов в художественном тексте не должно быть по самой природе жанра. Если же имя устойчиво присутствует, значит, оно несет определенные информативные, практические или эстетические функции. Данное обстоятельство только и определяет непосредственный интерес к предмету со стороны носителей фольклора и потенциальных реципиентов. Иными словами, предмет, упомянутый в художественном тексте, привлекает внимание именно в связи с решением конкретной задачи, чаще всего комплексной – от утилитарно-информативной и перформативно-побудительной до сугубо художественной. Обычно же то, другое и третье весьма тесно переплетаются. При этом следует иметь в виду не только упоминаемый в тексте реестр предметов и явлений с учетом частотности их употребления. Поскольку речь идет о художественном произведении, важно бывает учитывать также характер их появления в тексте – простое ли это название имени, название ли с выраженным поэтическим маркированием (что выражается в употреблении и аффиксов с эмоционально окрашенным значением, и поэтических тропов или же целых устойчивых словосочетаний, имеющих явные признаки художественной организации, т.е. формул-характеристик), степень устойчивости словесных блоков, в которых представлено то или иное слово, относящееся к категории имен (функционирование устойчивых формул).

Для анализа мы обратились к аутентичным записям народных песен в пределах одной и той же родо-видовой системы, каковой является жанр народного эпоса в широком понимании этого термина. В них мы будем рассматривать не весь предметный мир, а постараемся ограничить круг привлекаемого материала именами собственными центральных персонажей. Поскольку эпические герои находятся фактически всегда в фокусе внимания, полагаем, что более пристальное изучение характера их упоминания в художественном контексте будет способствовать установлению некоторых важных закономерностей природы поэтического творчества.

Для избранного нами ракурса исследования целесообразно будет выделить, с долей условности, три эволюционные разновидности эпоса, что на материалах адыгского фольклора ранее не практиковалось. Первую образуют мифологические нарративы и песни мифо-ритуального характера, которые нередко сохраняли свою приуроченность еще во времена наиболее интенсивного собирания сведений, касающихся традиционного пласта народной культуры, в частности, фольклора. Вторая – это архаический нартский эпос, который имеет очевидные генетические связи с мифологией и аккумулирует в себе многие сюжеты и персонажей, происхождение которых возводится преимущественно к системе мифологических воззрений этноса, стадияльно отличающихся своей секулярностью и, следовательно, не приуроченных к мифологической обрядности. Третья ступень эволюции эпического творчества – историко-героические песни и сказания, т.е. младший эпос. Он более дистанцирован от мифа, нежели эпос архаический и согласно логике эволюции эпического творчества замыкает типологический ряд, формируемый тремя названными образованиями, чем и привлекает особое внимание. Тем не менее, в отдельных циклах этого жанрового типа могут иногда быть отмечены как архетипические структуры, образующие ядро некоторых циклов, так и отдельные мифологические персонажи, а также собственные имена, однозначно указывающие на связь со старшим эпосом и даже системой мифологических представлений, объективируемых в нарративах. Однако если подобного рода явления имеют в контексте мифологического сказания или в некоторых текстах старшего эпоса прямую связь с системой верований и представляют собой способ

актуализации этих верований (в нартских сказаниях фактор сакральности функционально может иногда присутствовать на одинаковых правах с секулярным), то в младшем эпосе мифологические мотивы, если они вообще присутствуют, то не более, чем в полностью адаптированном виде или же в качестве своего рода фона в сложной тканевой системе эпического повествования.

Считаем важным оговорить, что между названными разновидностями эпоса далеко не всегда возможно обозначить строгие демаркационные линии, так как многие мифологические персонажи (бог кузнечного ремесла Тлепш, бог растительности Тхагаледж, бог-покровитель мелкого рогатого скота Амыш и др.) фигурируют в нартских сказаниях и в качестве центральных героев некоторых сказаний, и как эпизодические персонажи. Имена же некоторых ключевых героев Нартиады и даже мифологии могут встретиться в текстах младшего эпоса (упоминания имен бога-кузнеца Тлепша, нартов Сосруко, Арахшу и др.). Все же жанровые различия в общем плане очевидны, и они весьма рельефно определяются доминирующим принципом опосредованного отношения к действительности в архаических сюжетах и линейным – в сюжетах позднего происхождения. Мифологические нарративы представляют собой способ отражения системы верований социума, и поэтому в них сакральная функция изначально выдвигается во главу угла, нередко со своей приуроченностью к обряду и ритуалу. Нартские сказания в своем древнейшем пласте суть не что иное, как следствие секуляризации мифологических нарративов, также сюда входят и возникшие на этой же базе сюжеты с выраженной внесакральной, эстетической заданностью. Наконец, сказания и песни историко-героического эпоса черпают ключевые мотивы в большинстве своем из реальной действительности, поэтому апелляции к мифу или системе представлений старшего эпоса в них составляют сравнительно небольшой, но, как правило, эстетически аккумулятивный поэтический материал, подчиненный задаче отражения подлинной действительности. Причем это отражение происходит художественными средствами, наиболее характерными для определенной эволюционной стадии всего общества. При рассмотрении адыгской эпической ономастики изложенные признаки обнаруживаются как закономерность, хотя говорить о неизменном постоянстве прямой связи принципа наречения героя и жанровой принадлежности песни или сказания было бы не всегда корректно, поскольку в результате длительного устного бытования вполне вероятны всякого рода смещения.

Если обратиться к именам собственным героев мифологического пласта фольклора, бросается в глаза следующая особенность: во многих случаях имя легко и прозрачно увязывается с функцией его носителя. Таковы, например, имена Тхъэшхуэ – Тхашхо (*тхъэ* – основа слова *бог*, *-ихуэ* – *большой*: *букв. – Большой / Великий бог*, имя верховного божества в адыгской мифологии), Псатхъэ – Псатха (*псэ* – *дух, душа*, *тхъэ* – *бог*: *букв. – Бог души*, имя бога-покровителя души), Мэзытхъэ – Мазитха (*мэз* – *лес*, *тхъэ* – *бог*: *букв. – Лесной бог или Бог леса*, имя покровителя леса и диких животных), Псыхъуэ гуащэ Псыхо-гуаша (*псыхъуэ* – *пойма реки*, *гуащэ* – *княгиня, повелительница*: *букв. – Речная богиня*, имя покровительницы рек / реки), Жьэгупатхъэ – Жагупатха (*жьэгу* – *очаг*, *-на/-пэ* – *перед*, *-тхъэ* – *бог*, имя бог покровитель домашнего очага). Это, как можно обозначить, «говорящие» имена, не требующие усилий по определению их амплуа.

А.Т. Шортанов в фундаментальном труде о мифологии и культах адыгов, написанном в 60–70 гг. XX в., находит таковых 12 из общего числа приводимых им 24 имен во всем перечне персонажей адыгского языческого пантеона [Шортанов 2016]. В созданной значительно позднее обобщающей работе, «Энциклопедии адыгской мифологии» М.И. Мижаева и М.М. Паштовой-Мижаевой, где ономастика представлена с наибольшей полнотой, 16 имен из 36 можно отнести к выделяемому нами разряду «говорящих», т.е. представляющих определенную «отраслевую» презентацию героя [Мижаев, Паштова 2012].

Как видим, статистика предоставляет достаточно однозначные результаты. В то же время нельзя исключать того, что, что такие прозрачные в своей семантике имена, как *Лесной бог*, *Речная богиня*, *Бог души или Великий бог* и т.п., могут оказаться вторичными, появившимися по причине затруднительности привязки исходных имен данных персонажей к сфере их «отраслевой компетенций». Такое может произойти в результате как длительного устного бытования, так и вследствие эволюционной изменчивости живого языка: со временем слово может попасть в разряд архаизмов, выйти из активного обихода, а впоследствии стать трудным для понимания в восприятии людей другого времени. В результате слово или получает вторичное толкование, порою даже не имеющее ничего общего по семантике с исходным вариантом и чаще всего базирующееся на народной этимологии, или же попросту «замещается» понятным словом из активного словарного фонда. Иногда в результате подобных перипетий может измениться и функция слова. Так, например, имя *Жыг-гуацэ* (*жыг* – *дерево*, *гуацэ* – *богиня*) само будто бы указывает на амплу богини как покровительницы деревьев. Но по сюжету сказания, где она сама фигурирует в облики дерева с человеческими чертами, за ней закрепляется сфера отнюдь не властительницы леса или деревьев, а носительницы сакральных вселенских и практических знаний: ее корни пронизывают семь земных пластов и знают все таинства подземного мира, а достающим небесного свода ветвям доступны все премудрости заоблачного, небесного мира [Льэпщрэ... 1963]. Вернее, Богиня-дерево оказывается обладательницей высшей мудрости.

В отличие от слов архаичных и трудных для восприятия, которые были исходными именами, новые наименования чаще всего прямо указывают на функцию или родовое свойство носителей, что непременно требуется по контексту. В данном случае оказывается не особенно важным, верны ли этимологические разыскания ученых или самих информантов, а также адекватны ли в семантическом плане новые названия утраченным. Большой интерес представляет сам факт выраженной тенденции к поискам соответствия знака и обозначаемого. Особенно примечательно то обстоятельство, что в живой традиции устойчиво сохраняется установка на прямую связь имени и функции персонажа, что со всей очевидностью обнаруживается чуть ли не в половине имен, представленных в текстах, что весьма показательно.

В отличие от мифологического пласта, в нартском эпосе наречение героя по его функции явление или гораздо более редкое или же настолько неявное с точки зрения современного живого языка, что в большинстве случаев приходится прибегать к специальным научно-этимологическим операциям, чтобы найти рациональное объяснение семантике того или иного слова. Между тем эпический текст в данном случае сам же настоятельно располагает к подобным операциям. Поэтому целый ряд ученых-эпосоведов, историков, этнологов и лингвистов со всей серьезностью занимался экскурсами в области нартской ономастики. Число имен эпических героев, которые привлекли внимание ученых, насчитывает не один десяток, и немногим меньше число самих авторов более или же менее успешных этимологических штудий. Как и при рассмотрении имен мифологических персонажей, здесь тоже для нас не настолько важно, являются ли успешными результаты труда исследователей, среди которых есть и весьма авторитетные, в профессиональном плане высококвалифицированные специалисты (такие, как, например, В.И. Абаев, М.А. и З.Ю. Кумаховы, Т.А. Гуриев, А.М. Гадагатль и мн. др.), и множество любителей, уверенных в истинности результатов своих изысканий. Гораздо более примечательно то, что сами эпические тексты, вслед за материалами мифологического пласта, часто предрасполагают к поискам прямых связей имен собственных с непосредственными амплу их обладателей. Разумеется, в героическом эпосе прямая связь имени с функцией проявляется значительно слабее, нежели в мифологических сказаниях, однако, несмотря на это, все же имя далеко не всегда

оказывается присвоенным произвольно, по типу пароля (если использовать термин, предложенный Ф. де Соссюром). Мы не готовы дать названному факту удовлетворительное объяснение, поскольку это предмет специального исследования. Но полагаем, что одной из причин его проявления может являться высокая степень этнической идентичности центральных героев эпоса. Поэтому не без основания ученые стремятся установить этимологию имен как центральных, так и периферийных героев нартских сказаний – Сатаней-гуаши /Сатаны, Сосуко /Сослана, Озырмеса / Урызмага, Батраза, Ашамеза / Ацамаза, Тотреша / Тотрадза и пр. Мало того, этимологические экскурсы особо привлекательны для тех исследователей, которые стремятся в результате своих поисков не столько приблизиться к истине, сколько отстоять приоритетность той или иной этноязыковой версии столь монументального разноязычного эпического памятника.

Заметим, однако, что здесь этимология имен персонажей не так тесно связана только с их функциями. Имя может быть указанием не только на амплу героя, но также на его родословную, на черты его характера, на какие-либо внешние особенности, в том числе и этическую среду зарождения и бытования эпоса, если верить толкованиям некоторых авторов. Например, В.И. Абаев не сомневается в том, что имя Сатаней / Сатаны невозможно отделить от имени аланской принцессы Сатиник, ставшей женой царя Арташеса; ее мудрость и красоту, по рассказу Моисея Хоренского (2 век н.э.), воспевали армянские рапсоды [Абаев 1990: 164–166; 247]. Он же считает, что имя нартского богатыря Батраза имеет монгольское происхождение, но в то же время свидетельствует об осетинском происхождении чуть ли не всего эпоса [Абаев 1990: 211; 217; 248–249]. Адыгейский ученый А.М. Гадагатль, ориентирующийся в своих этимологических разысканиях на ресурсы адыгского языка, находит в имени той же героини указание на функцию дарительницы оружия, а точнее, мудрой наставницы, покровительствующей нартским наездникам и благословляющей их [Гадагатль 1997: 308–311]. В имени же нарта Батраза он находит описательную характеристику внешности богатыря [Гадагатль 1997: 314–315]. Другие авторы предлагают свои толкования, отличные от того и другого).

Весьма частое явление – когда в сказаниях архаического нартского эпоса является характеристическое обозначение имени героя не по функции, а по его родословной: *Хьымыщыкьуэ Батэрэз – Хьымышев сын Батраз, Ашэмькьуэ Ашэмэз – Аши сын Ашамез, Албэчыкьуэ Тотрэш – Альбечев сын Тотреш* и т.п. Иногда обазуется целая сложная формула, включающая и имя героя: *Къанж и къуэ Щэуей, Нэрыбгей и къуэ закьуэ – Канжев сын Шауей, Нарыбгеи единственный сын*. Это явление новое по сравнению с принципами выделения героев древнейшего пласта сказаний и, как можно полагать, оно связано с возрастанием удельного веса патрилокальных принципов отношений внутри общества. При известном приложении интеллектуальных усилий имена некоторых персонажей нартских сказаний поддаются этимологическим операциям, задача которых – определить отражение в имени каких-либо важных особенностей образа (не обязательно функциональных). В оригинале такие сочетания часто отливаются в устойчивые формулы, внутренне ритмически и фонетически организованные по законам благозвучия. Характерное для мифологических нарративов выделение функции или отступает на второй план как принцип номинации, или уходит совсем. Исполнитель фактически не ориентируется на закодированное и далеко не всегда легко раскрываемое значение имени героев, а нередко никакого таинственного кода и не обнаруживается. Поэтому сами имена все чаще обретают функцию произвольно данного знака, хотя не исключено, чтобы они могли быть подвергнуты исследователями этимологической операции с той или иной долей убедительности получаемого результата. Более того, что весьма важно, сам материал предрасполагает к проведению такой операции.

Сказанное не исключает вероятности появления в нартских сказаниях открыто «говорящих» имен наподобие *Іэдишху* – Адиюх (букв. – светлорукая), *Усэрэжь* / *Уэрсэрыжь* – Усарез / *Орсарыж* (букв. – ведунья, ведун). Здесь же следует отметить и имя *Алыдж* – *Алидж*, весьма употребительное не только в нартских сказаниях, но и в историко-героическом эпосе (в форме *Алыджыкьуэ* – *Алиджуко* – букв. *Сын алиджа*). Этим словом адыги именовали греков-колонистов, населявших побережье Черного моря с древнейших времен. Однако если вести речь о частотности появления имен с вышеназванной конструкцией, сказания о нартах нельзя даже сравнивать с мифологическими нарративами.

Можно предположить, что данное обстоятельство явилось одним из обстоятельств, которыми обусловлена тенденция к благозвучию имен в художественном контексте нартских сказаний, как, например, приведенные выше имена в составе устойчивых формул: *Хьымыщ и кьуэ Батэрэз*, *Ашэм и кьуэ Ашэмэз и т. п.* (обе приведенные формулы характеризуются четкой ритмической организацией и тонким сочетанием созвучий). Таковы же имена в формулах *СосрыкьуаццІэу лы фІыцІэ гьуццІынэ* – *Сосруко смуглый, муж черный железноокий, нарт Пцыбадинокуэу нарт лы икьугьэ* – *нартский предводитель Бадиноко, нартский муж достойный, Къанж и кьуэ Щэуей, Нэрыбгей и кьуэ закьуэ* – *Канжев сын Шауей, Нарыбгеи единственный сын и пр.* Все они характеризуются с очевидностью выраженной стройной звуковой организацией. Четкий ритм организует в форме моностиха имена Батраза, Ашамеза, Тотреша и некоторых других героев. В именах нартов Сосруко, Бадиноко, Шауея к ритмизации прибавляются аллитерация, анафора, ассонанс, анадиплосис (т.н. подхват). Разумеется, это в немалой степени способствует расширению роли эстетического фактора как в конкретном тексте, так и в эпосе в целом. Один из приемов создания благозвучия – аллитерации или повторы сочетаний звуков в имени героя и именах его родителей, чаще – созвучиями в именах героя и его отца.

Несколько иная картина открывается в историко-героическом эпосе. Если в нартских сказаниях имя героя может зачастую быть ориентиром, указывающим на среду возникновения произведения (одна из причин, побуждающих разных исследователей этимологизировать имена с позиций тех или иных языков), то имя в младшем эпосе чаще всего никак не связано с этноязыковой идентификацией среды возникновения и бытования. Так, например, имя одного из самых популярных героев адыгского фольклора, Андемиркана, могло бы указывать на тюркские истоки цикла, если бы мы собрались судить только по фонетико-морфологической характеристике: *ан-/ ай-* – луна, *-демир-* / *-темир-* – железо-, *-кан* – кровь. Все семантически значимые компоненты имени героя адыгского эпоса этимологизируются на основе тюркского языка. Первые две части означают *лунное железо* или *лунный металл*. Резонно было бы заключить, что имя героя указывает на связь с космосом или космическим предметом. Но дело в том, что *Андемир* / *Айдемир* – это имя человека, который воспитал героя, а само полное имя так и расшифровывается: *воспитанник Андемира*. Однако сам Андемир представлен как один из потомственных урков-дворян и имя его никак не связывает его происхождение с космосом. Оно есть не что иное, как тот же соссюрковский пароль. И фактически никакой связи с тюркской фольклорной традицией цикл об Андемиркане / Айдемиркане не имеет, свидетельством чему является тот факт, что ни у одного из тюркских народов нет даже отголосков существования песен и сказаний о данном герое. Значит, имя было дано не по каким-либо особенностям, а по принципу *произвольно выбранный знак + означаемое*.

То же самое можно сказать о целом ряде имен персонажей, которые фигурируют в других эпических циклах. Вернее, имена могут оказаться по своему происхождению иноязычными (тюркскими, арабскими, греческими, грузинскими, славянскими) или же исконно адыгскими, что решающей роли в тексте не играет,

их автологическое значение может легко расшифровываться или вовсе не поддаваться этимологическому анализу. Это не оказывает, по сути, никакого влияния ни на формирование образа, ни на развитие действия. Иными словами, имя не находится в прямой связи с природой и характером его носителя. В текстах младшего эпоса оно приближено к произвольно принятому знаку. Такие имена, как Бора (от общетюркского названия волка), Анзор (от грузинского *азнаури* – воин), Темрюко (ассимилированная тюркская основа плюс корень адыгского слова), Шолох (адыгское), Гудаберд (предположительно адыгское или давно ассимилированное), Мухамет (арабское), Кучук (тюркское), Хасанш (арабское) и мн. др. фактически являются нейтральными относительно характеристики их носителей, чем они отличаются от имен большинства нартских или мифологических персонажей. Но когда к имени собственному прибавляется оценочный компонент в виде определения, метафоры, сложной устойчивой формулы или всего лишь аффикса, присоединяемого к производящей основе, это становится важным шагом к сближению знака и означаемого. Так, например, присоединением суффикса *-жь* (основа слова со значениями *старый*, *бывалый*, *большой*, в данном случае – *могучий*) имена Бора (Борэжь – Бора *Могучий*) и Анзор (Анзорэжь – Анзор *Могучий*) обретают черты индивидуальностей. Такой же эффект достигается прибавлением к имени собственному постоянного эпитета: *Темрыкъуэ лыхъу* – Темрюко *Мужественный*, *Щэджащэу ди Щолэхуэуц* – *Великий наш князь Шолох*, *Мартинэ лыхъу* – *Мартин Мужественный*. (Примеры взяты из издания «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» [НПИНА III-1 1986; НПИНА III-2 1990], но они типичны для подавляющего числа записанных и опубликованных материалов). Следует отметить, что ни одно из подобного рода имен не может служить подспорьем для этноязыковой идентификации героя.

Самым распространенным способом идентификации остается все же название отца или же фамильной принадлежности героя. Это не только наиболее часто употребительный прием выделения главного персонажа, но он типичный знак, указывающий на определенную эволюционную стадию среды возникновения и бытования. Он унаследован, как можно с большой долей вероятности полагать, от поздних циклов нартского эпоса, поскольку, как очевидно по косвенным признакам, еще в период наибольшей продуктивности данного жанра в обществе носителей эпической традиции постепенно стали распадаться принципы матриархальных отношений и нарастать родовые признаки патриархата. Заметим, что в мифологическом ономастике почти нет указаний на родословие, в особенности – по мужской линии. Также не определены или почти не устанавливаются родословные линии таких нартских персонажей как Сатаней-гуаша, Сосуко, Озырмес, Тлепш, Хымыш и некоторые другие. Но там же четко отмечена патрилокальная линия Ашамеза, Шауея, Батраза и ряда других героев предположительно позднего периода стадии продуктивного формирования жанра. Видимо, появление таких ориентиров в родословии порождено нарастанием принципов патриархального уклада в обществе. С его дальнейшим развитием, возникновением и становлением феодально-рыцарских отношений указание отцовской линии и фамильной принадлежности по патрилокальному признаку обретают и в обществе, и в народной поэтической традиции однозначно позитивное оценочное содержание. Но, что характерно, при этом оно не имело выраженных этнических водоразделов: знатность происхождения фактически никогда не соотносилась с этноязыковой идентификацией. Персонаж цикла мог быть выходцем из среды потомственных адыгов или из любого другого этнического сообщества, мог носить сугубо адыгское, иноязычное или же вполне «нейтральное» собственное имя, и это никак не увязывалось с его личностной оценкой. Герои адыгских историко-героических песен аварец Шамиль, чеченец Зелимхан, ингуш Агурби из рода Гетегеж, сын турка, осевшего в адыгской среде Магомет Коджебердук, балкарцы по отцу и

сыновья кабардинской матери брата Жамбот и Якуб Кушха, карачаевцы братья Канамат и Казбулат – все они и подобные им становились равноправно объектами величания в песнях. Их имена, как и имена других героев, имеющие автохтонное или инородное происхождение, не играли решающей роли как в оценке личности, так в интерпретации образа, симпатиях или антипатиях к нему. Фактически, за исключением редких случаев, имя окончательно отделилось от этноидетифицирующих критериев и стало поистине произвольным знаком.

В то же время, надо заметить, что на этапе восприятия песни и сказания имя собственное получает нарицательное наполнение. Имя князя Беслана, коварно погубившего героя, становится одиозным и ассоциируется с вероломством и жестокостью. Имена двух других князей, Биту и Канибулата, независимо от происхождения их имен, становятся символами предательства и ненадежности. Можно заключить, что имя полностью освобождается от первоначальной «запрограммированности» и уже не оно «маркирует» характер героя, а, напротив, поступки, характер того или иного персонажа определяют подлинное содержание имени как знака, эмоциональная окраска которого зависят от самого персонажа, но отнюдь не наоборот.

Эпос, как многие явления фольклора, имеет свои эволюционные стадии – возникновения, наиболее интенсивного становления как жанра, продуктивного функционирования, затухания или трансформации. Но независимо от стадийного положения он функционирует, непременно изменяясь в соответствии с конкретными объективными и субъективными обстоятельствами в соответствии с общефольклорными закономерностями. Поэтому какие-то элементы более позднего происхождения могут проникать в текст самого архаического пласта (как, например, тюркское по форме *Альбек* в полном имени Тотреша, противника нарта Со-сруко в бесспорно архаичном сказании из нартского эпоса), а некоторые атрибуты имен, самых ранних по стадии формирования сохраняются и в младшем эпосе. Данным обстоятельством объяснимо, что отмеченные нами закономерности проявляются не как единственное свойство, а как основная тенденция, определяющая эпический характер явления в целом. Она оказывается той константой, которая при наличии разного рода иных формальных атрибутов образует самый стержень, настолько выраженный, что именно он определяет жанровую принадлежность явления. Без подобной основы тот или иной конкретный феномен фольклора будет невозможно причислить к тому или иному жанру. На этом фоне эволюционные процессы, происходящие в области теонимики и антропонимики оказываются в ряду атрибутирующих факторов.

Список источников

Абаев 1990 – *Абаев В.И.* Избранные труды. Религия, фольклор, литература. Владикавказ: ИР, 1990. 640 с.

Гадагатль 1997 – *Гадагатль А.М.* Память нации. Генезис эпоса «Нарты». Майкоп: Меты, 1997. 400 с.

Гутов 1991 – *Гутов А.М.* Художественный предметный мир адыгского эпоса (к постановке проблемы) // Фольклор народов Карачаево-Черкесии (Традиционные жанры и сказительское мастерство). Черкесск, 1991. С. 28–48.

Лъэщрэ... 1963 – Лъэщрэ Жыг Гуащэмрэ (Тлепш и Жиг-гуаша) // Адыгэ Гуэрыгуатэхэр (Адыгский фольклор). Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1963. С. 72–74.

Мижаяев, Паштова 2012 – *Мижаяев М.И., Паштова М.М.* Энциклопедия адыгской мифологии. Черкесск–Нальчик–Майкоп: КБИГИ–АГУ–АРИГИ, 2012. 460 с.

НПИНА III-1 1986 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 1. М.: Сов. композитор, 1986. 264 с.

НПИНА III-2 1990 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 2. М.: Сов. композитор, 1990. 485 с.

Шортанов 2016 – Шортанов А.Т. Адыгская мифология и культуры. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2016. 496 с.

References

- АБАЕВ В.И. *Izbrannye trudy. Religiya, fol'klor, literatura* [Selected works. Religion, folklore, literature]. Vladikavkaz: IR, 1990. 640 p. (In Russian)
- GADAGATL' A.M. *Pamyat' nacji. Genesis eposa «Narty»* [Memory of the nation. Genesis of the epic «Narts»]. Maykop: Meots, 1997. 400 p. (In Russian)
- GUTOV A.M. *Hudozhestvennyj predmetnyj mir adygskogo eposa (k postanovke problemy)* [The artistic objective world of the adyghe epic (to the formulation of the problem)]. IN: *Fol'klor narodov Karachaevo-Cherkessii (Tradicionnye zhanry i skazitel'skoe masterstvo)* [Folklore of the peoples of Karachay-Cherkessia (Traditional genres and storytelling skills)]. Cherkessk, 1991. P. 28–48. (In Russian)
- L'epshchre Zhyg Guashchemre* [Tlepsh and Zhig-guasha]. IN: *Adyge Iueryluatekher* [Adyghe folklore]. Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house, 1963. P. 72–74. (In Kabardino-Chircassian)
- MIZHAEV M.I., PASHTOVA M.M. *Enciklopediya adygskoj mifologii* [Encyclopedia of adyghe mythology]. Cherkessk–Nalchik–Maykop: КВИHR–ASU–ARIHR, 2012. 460 p. (In Russian)
- Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov* [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians]. Vol. III. Ch. 1. Moscow: Soviet composer, 1986. 264 p. (In Russian)
- Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov* [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians]. Vol. III. Ch. 2. Moscow: Soviet composer, 1990. 485 p. (In Russian)
- SHORTANOV A.T. *Adygskaya mifologiya i kul'ty* [Adyghe mythology and cults]. Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarovs, 2016. 496 p. (In Russian)

Информация об авторах

А.М. Гутов – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора;

Л.А. Гутова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

A.M. Gutov – doctor of philology, professor, chief researcher, adyghe folklore sector;

L.A. Gutova – candidate of philological sciences, senior researcher in the adyghe folklore sector.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.11.2021; одобрена после рецензирования 01.12.2021; принята к публикации 24.12.2021.

The article was submitted 20.11.2021; approved after reviewing 01.12.2021; accepted for publication 24.12.2021.

ОРНИТОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Лейла Созакбайовна Гергокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, leylagergokova79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

© Л.С. Гергокова, 2021

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию семантики орнитологических персонажей, широко представленных в карачаево-балкарском фольклоре наравне с другими анималистическими образами. Актуальность наблюдения подобных героев в анализируемых текстах связана с жизнью исследуемого этноса, в связи с чем эти персонажи занимают важное место в фольклорных рассказах.

Целью данной работы является попытка исследования семантики образов орла, ворона (вороны), перепелки и ласточки в произведениях разных жанров устного народного творчества карачаевцев и балкарцев. Материалом для анализа послужили тексты из различных фольклорных сборников изучаемого этноса.

В исследовании указывается на то, что анализируемые образы в текстах одних фольклорных жанров отличаются, от образов в других произведениях устного народного творчества. За этими орнитонимами закрепляется своя символика, обладающая положительным или отрицательным смысловым оттенком. Образ орла и ворона, имея изначально сакрально-культовое значение в мифологии, перейдя в жанр сказок, обретают другую характеристику.

Сюжеты о пернатых персонажах в фольклоре карачаевцев и балкарцев чаще всего имеют этиологическое содержание. В таких текстах объясняются особенности внешности, поведения и характеристики того или иного орнитологического персонажа.

Ключевые слова: орнитологические образы, птицы, фольклор, мифология, сказки о животных

Для цитирования: Гергокова Л.С. Орнитологические образы в карачаево-балкарском фольклоре // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-2 (51). С. 97–104. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-97-104

Original article

ORNITOLOGICAL IMAGES IN KARACHAY-BALKARIAN FOLKLORE

Leila S. Gergokova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, leylagergokova79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

© L.S. Gergokova, 2021

Abstract. This article is devoted to the study of the semantics of ornithological characters, widely represented in the karachay-balkarian folklore along with other animalistic images. The originality of the observation of such images in the analyzed works is associated with the life of the studied ethnos. In this connection, these characters occupy an important place in folklore works.

The purpose of this work is an attempt to study the semantics of the images of the eagle, raven (raven), quail and swallow in the works of different genres of folklore of the karachais and balkarians. The material for the analysis was texts from various folklore collections of the studied ethnos.

The study points out that the analyzed images in the texts of some folklore genres have a different meaning from other works of oral folk art. These ornithonyms have their own symbolism, which has a positive or negative connotation. The image of an eagle and a raven, having a sacred and cult significance in mythology, having passed into the genre of fairy-tales, they lose it and acquire a different characteristic.

The stories about feathered characters in the folklore of the karachais and balkarians most often have an etiological content. In such texts, the features of the appearance, behavior and characteristics of a particular ornithological character are explained.

Keywords: ornithological images, birds, folklore, mythology, fairy-tales about animals

For citation: Gergokova L.S. Ornithological images in karachay-balkarian folklore. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2021; 4-2 (51): 97–104. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-97-104

В религиозно-мифологической системе многих народов птицы наделяются разнообразными функциями: некой божественной силой, являющейся проводником между разными мирами (земным и потусторонним). Это объяснялось тем, что пернатые владеют даром летать. Древние люди верили, что, поднимаясь от земли и возвышаясь к облакам, птицы приближались неким «Наивысшим Силам» и обретали полубожественную сущность, вследствие чего, они становились символом воли и свободы. «Использование образа птицы как эмблемы отвечало сентиментальным и предромантическим установкам, способствовало раскрытию внутреннего мира человеческой личности, а также обнаружению в человеческой жизни таинственной, иррациональной стихии [Азбукина 2006: 203]. Описывая воздействие орнитонимов на жизнь людей, исследователи обращали внимание на то, с каким невероятным символическим влиянием они обладали. «Символика крыльев связана с духовным подъемом, душевным состоянием человека и божественной сущностью. Образ крыльев передает смысл свободы, духовности, мысли, воображения, вдохновения, духовного подъема, защиты и т.д. [Ван 2018: 15].

В словаре символов птица представляется, как «Воплощение как человеческого, так и космического духа – символизм, определенный их легкостью и скоростью передвижения, свободным парением и предполагаемой способностью достичь небес» [Тресиддер 1999: 293]. От мифологического образа персонажи птиц перешли в фольклорные жанры. Эти орнитологические герои часто занимают особое место в сказочных произведениях, в героических сказаниях и верованиях карачаевцев и балкарцев. Основными персонажами являются ворона, орел, перепелка, петух и др. Безусловно, орнитологические образы в карачаево-балкарском фольклоре не ограничиваются представленным перечнем персонажей. Образы птиц, встречающихся в мифологии и фольклоре данного этноса, можно разделить на три группы: мифические птицы (из мифологии), сказочные птицы (герои волшебных сказок, сказок о животных), все существующие птицы в реальном мире.

Отношения между охотниками, животными и птицами зафиксировались в памяти людей, что впоследствии стало выражаться в разнообразных, сказках, поверьях, приметах: многочисленны «легенды о животных, птицах и рыбах, их происхождении, привычках и особенностях [Кравцов 1987: 136].

Птицы в мифах и сказках карачаевцев и балкарцев обладают самыми разнообразными функциями и полностью уподобляются людям. Изучая эти произведения устного народного творчества, можно заметить, как различаются значения образов разных пернатых: орла, ворона, ласточки и др. Самую высокую ступень в лестнице по рангу животных, в мифологии тюркских народов занимают птицы. Люди считали, что эти создания находятся под покровительством Тенгри (Тейри), так как они обитатели неба. Орел у карачаевцев и балкарцев является культовой птицей.

Издревле у всех народов существовало поверье, что в птиц вселялись души людей. И когда они видели пернатых, сидящих на дереве, считали, что это души умерших, спустившиеся на землю. Например, в сказании «Эки кьуш» – «Два орла» рассказывается, как один охотник по имени Таулан пошел на охоту и встретил там белую оленуху. Он хотел в нее выстрелить, только прицелился, но она превратилась в прекрасную девушку. Оказалось, что эта оленуха – дочь божества охоты Апсаты. Молодые полюбили друг друга и решили сбежать от всех, так как им нельзя было встречаться. Тогда Апсаты приказал своим слугам догнать их и убить. Беженцев преследовали, поймали и бросили вниз со скалы. И в этот момент сердце Апсаты кольнуло: он пожалел влюбленных и превратил их в орлов. *«Андан бери ол эки кьуш адам аягы чыгьалмаз бийик кьяяны тѣппесинде уя салып жашайдыла. Эрттен сайын, кюнню биринчи тыякълары жылтырагъанлай, андан чыгъып учадыла»* [КъМЖТА II 2003: 461] – «С тех пор эти два орла вьют гнезда и живут на вершине высокой скалы, куда не может ступить нога человека. Каждое утро, как только светят первые лучи солнца, вылетают оттуда»*. Нужно подметить, что орлы, как правило, устраивают гнезда вдали от жилища людей: на высоких недоступных скалах и утесах. И считалось, что эти птицы связывают два мира, настоящий и потусторонний.

Согласно мнению исследователя М.Ч. Джуртубаева, орел в мифологии карачаевцев и балкарцев «связан и с образом верховного бога Тейри» [Джуртубаев 2011: 48]. Он приводит пример из карачаево-балкарского нартского эпоса: «популярен в карачаево-балкарском фольклоре сюжет о схождении героя в нижний мир и его вызволении орлицей в благодарность за спасение им орлят от страшного дракона. По пути в средний мир (мир людей) герой кормит орлицу мясом быков или буйволов и поит ее их кровью, а когда те заканчиваются – своей плотью и своей кровью. Орлица догадывается об этом и уже на земле выплевывает их и залечивает раны богатыря» [Джуртубаев 2011: 47]. *«Артха айландырып, артда кьапхан этни бла уртлагъан кьанны жашны бут жарасына кьусду. Жалады да, жарасын сау этди»* [Нарты 1994: 137] – «Плоть, что съел потом и кровь, которую выпил позже, он срыгнул обратно на рану богатыря. Облизав, вылечил рану».

Обращаясь к фольклору карачаевцев и балкарцев, выделим одно из поверий, где говорится, что орлица в первый раз высиживает не птенцов, а двух щенят. *«Кьуш биринчи кере гурт жатса, эки ит кючюк чыгъарады, артта уа аланы ашап кьояды. Сау кьалдыралсанг ол кючюклени, ала дуниягъа айтылгъан самырла боладыла. Ол самырладан не жаньуар, не чабакъ, не кьанатлы кьутулмайдыла»* [КъММ 2007: 23] – «Орлица, когда в первый раз высиживает птенцов, выводит двух щенков, а потом съедает их. Если сможешь оставить в живых этих щенков, они становятся всемирно-известными самырами. От этих самыров ни животные, ни рыбы, ни птицы не могут спастись». Сам термин самыр и образ крылатых собак заимствованы, вероятно, из древнеиранской мифологии, в которой Сэнмурв – крылатый пес, царь всех птиц, обитающий в ветвях мирового дерева [Джуртубаев 1991: 85]. По представлению тюрков такие щенки превращались в охотничьих псов.

Как известно, сказки о животных являются наиболее древним жанром фольклорного наследия разных народов. В анималистических устных произведениях представлены домашние и дикие животные, а вместе с ними и образы птиц, которые являются непременными персонажами данных произведений. В карачаево-балкарских сказках о животных, в отличие от волшебных сказок и мифических рассказов, орел – в первую очередь хищная птица. Он обитает на вершине скал и не любит гостей, при виде врагов, защищает свое гнездо.

Образ орла в народе рассматривается как образ культурного героя. И когда люди хотят восхвалять парней за отвагу, удаль или другие подвиги, они сравнивают его с культовой птицей. Для обозначения используют орнитоним «орел»:

* Здесь и далее, если не указано иное, перевод наш – Л.Г.

«Азаматгерий – хангушум, хей!

Азаматгерий да – хан кьушум, хей!» [АНТЖЖЭ 1997: 208].

«Азаматгерий – мой хангуш, хейий орел!

Азаматгерий – ханский орел, хей!».

Существует много пословиц и поговорок в карачаево-балкарском фольклоре, где с помощью компонентов-орнитонимов описывается характер людей: *«Кьушину баласы уясында не кёрсе, учханында аны этер»* [АНТЖЖЭ 1997: 248–249] – «Что птенец орла увидит в гнезде, сделает при полете». В представленной пословице орлу приписываются положительные черты людей, что придает его образу большую значимость.

«Болумсуз ауузу бла кьуш тутар» [АНТЖЖЭ 1997: 248] – «Бездеятельный (человек) словами орла поймает». Здесь речь идет о тех личностях, которые на словах возвышают себя до того уровня, что могут позволить поймать такую культурную птицу – орла.

Также можно встретить такие пословицы, где говорится об избирательности этой птицы. *«Кьуш кьыртчыгъаны нёгер этмез»* [АНТЖЖЭ 1997: 249] – «Орел не будет дружить с сорокой».

Следующей птицей по значимости, часто используемым персонажем в карачаево-балкарском фольклоре после орла является образ ворона. Если с орлом связывали силу чистоты и света, то с вороном совсем наоборот: его считают олицетворением темных сил. Этот образ существует в фольклоре и литературе разных народов. В карачаево-балкарском устном народном творчестве наличествуют сюжеты этимологического содержания, представляющие внешние признаки ворона. Например, в сказании *«Кьаргъа кьара нек болгъанды»* – «Почему ворон стал черным» повествуется о том, что и ворон и сова раньше были белого цвета. Однажды, играясь вместе с совой, ворон предложил подкраситься в черный цвет. Сова согласилась. Ворон вначале аккуратно и красиво покрасил сову, следом та покрасила ворона, но он показался ей красивее. Так как сова считалась менее красочной и колоритной чем ворон, она из зависти вылила оставшуюся краску на друга и улетела. С тех пор у ворона окрас стал черный, и он стал всем заметным [КьММ 2007: 24–25].

В карачаево-балкарском фольклоре бытует и другое сказание этимологического содержания об окрасе вороны:

«Сюлейман деген бир киши кьанатлыланы, жаныуарланы тилин билгенди.

Ол кьанатлыладан кьаргъаны:

– Дуनियाны башында не зат ариу эсе да, айланып, жюрюп, кёрюп, келип, манга айтырса, – деп ийгенди.

Кьаргъа уа:

– Мен айланган, мен жюрюген жерде кесими баламдан ариу кёрмедим, – дегенди.

Ол заманда Сюлейман:

– Ай, санга айып болсун! – деп, кьаргъаны от кесеу бла ургъанды.

Кесеу тийген заманда кьаргъаны тюгюню жартысы кьара болгъанды, жартысы уа алайлай кьалгъанды да, аны кьолан болгъаны аны ючюндю» [КьМФС IV 2020: 225].

«Один человек по имени Сулейман знал язык птиц, животных.

Он из птиц ворону отправил узнать:

– Что на свете красивее всего, полетав, побродив, увидев, придя, мне скажешь.

А ворона:

– В тех местах, где я побывала, где я летала, не видела красивее собственных птенцов, – ответила.

Тогда Сулейман, сказав:

– Ай, позор тебе! – ударил ворону головешкой.

Когда головешка дотронулась до нее, половина перьев вороны почернела, половина же осталась как была, поэтому она разноцветная».

Или же в тексте «*Къаргъа*» – «Ворон» рассказывается, отчего ворон перестал разговаривать и начал издавать звуки «*къакъ-къакъ*». Повествуется о том, что ворон был очень невоспитанным и все время ругал всех нехорошими словами. Когда это всем надоело, животные предупредили его, что за такое поведение последует наказание: они выдернут ему все перья. Ворон долго терпел, но от злости начал ругать себя, тогда звери выщипали его догола. «*Алай-алайсыз да энди болуру бирди, ахиы аман айтайым да, кёлюмю бир иги кенгдирейим, аманны къуюп дейди. Айтама десе – тили тартылып тура. «Гырр-гырр, къакъ-къакъ!» – деген бол-маса, не аман айталмагъанды, не къаргъыш къуялмагъанды*» [АНТЖЖЭ 1997: 258–259] – «Так и так теперь исход один, выскажу и хорошее, и плохое и подниму себе настроение, скажу все плохое, говорит. Как хотел выговорить – язык не повернулся, только получилось издать «Гырр-гырр, как-как!», больше он не смог ни проклясть, ни сказать ничего плохого».

Поэтому существует суеверие, что когда ворон издаёт крики, будто он проклинает. Слово «*къаргъа*» – «ворон» вероятно этимологизируется как доказательство издаваемых им звуков «*къар-къар*» или же от созвучного слова «*къаргъа*» – «проклинай», «однокоренные со словами *къаргъыш* (проклятие) и *къаргъаныу* (клятва)» [Джуртубаев 2011: 50] либо на его окраску «*къара*» – «черный». Поэтому одни считали ворона символом смерти, другие мудрости, третьи посредником между мирами. До сих пор людей настораживает предсказание черной птицы. В пожеланиях они произносят: «*Башынгдан огъурлу къаргъа къычырсын*» [АНТЖЖЭ 1997: 14] – «Пусть над тобой крикнет ворон, приносящий удачу».

Ворон в карачаево-балкарском фольклоре, так же как и других народов считается птицей вешей. Люди верят, что ее появление приближает несчастья: может даже смерть.

«*Аллыгъызда къузгъун-къаргъа къычырмасын*» [АНТЖЖЭ 1997: 101] – «Пусть перед вами не крикнет исчерна-черный ворон»;

«*Шхайтыдан бир къара къаргъа къычырды,*

Къарачайгъа бир къюзлюк ёртен ычхынды.

Ол а ёртен туююлдо, къанлы ёлетди.

«Из Шхантай крикнул чёрный ворон,

На Карачай выпустил пламя,

А это не пламя, это кровь смерти».

Услышав эти недобрые новости и связав их встречей с вороном – люди боялись предсказаний этой птицы.

Вороны считались предугадывающими существами. В них сочетались мудрость и силы разрушения. В карачаево-балкарских сказках о животных ворон предстает перед читателями в образе мудрой птицы. Например, в сказке «*Къаргъа бла балалары*» – «Ворона и ее птенцы» хищница, спасая своих птенцов от пожара, переносила их на спине с одного берега на другой через море. Перенося первенца, мать спросила, готов ли тот ухаживать за ней в старости. Тот дал утвердительный ответ. Но мать, поняв, что птенец врет, бросила его в море. Следующим переносила ворона второго птенца. На тот же вопрос, второй ответил, как и первый брат. Мать рассердилась и бросила и его в море.

«*Эм кичи баласын сыртына кётюрюп, уча-уча барып, тенгизни ююне жетгенде:*

– *Аха, кичи балам! Барыадан да сени бек сюсме. Мен сени бу къадар кёп къыйналып ёсдюреме, мен гым-гым къарт болсам, анамса деп, сен манга къарармыса? – деп соргъанды.*

– *Да, анам, сагъыш эт! Сен ананга къарагъанча, мен да санга къарарма. Андан артыкъ мен да санга къарамам. Сен да ананга этгенни мен да санга этерме, – деди.*

– *Ыхы, сен манга ам;ан туююлсе, былайда кертисин айтдынг,– деп, тенгизден ётдюрюп, агъачха бошлап кетгенди*» [АНТЖЖЭ 1997: 42].

«Самого младшего, посадив на спину, летела-летела, когда долетела до середины моря:

– Аха, младший птенец! Больше всех тебя любила. Я тебя ращу с таким огромным трудом, когда я очень состарюсь, будешь ли ты за мной ухаживать, называя матерью, – спросила.

– Точно так же, как ты ухаживала за отцом и матерью, я за тобой буду ухаживать. Лучше не смогу ухаживать. И тебя мать вырастила. Так как ты меня родила, обязана вырастить. Что ты сделала для матери, я сделаю и тебе, – сказала.

– Ыхы, ты для меня не лучший, но, по крайней мере, правду рассказал, – сказав, перенесла через море и, отпустив в лес, улетела» [КЪМФС IV 2020: 722].

В этой сказке также акцентируется внимание на то, что ворона способна на длительный полет и хорошую ориентацию в пространстве. Так как она, перенося своих птенцов через море, подчиняет себе водные стихии и пространство.

Птицы в животных сказках нередко превосходят зверей хитростью, мудростью, умом и смекалкой. Они усыпляют бдительность противника, и спасают свою жизнь. Например, в сказке «Тюкю бла бѣдене» – «Лиса и перепелка» [КЪМФС IV 2020: 660] лиса попросила перепелку развлечь ее: рассмешить. Перепелка повела подругу в сарай к одной женщине, которая доила корову. Птица села ей на голову. У этой женщины был неполноценный сын, который хотел убить перепелку, но убил мать. Это рассмешило лису. Потом хищница попросила покормить ее. Перепелка так и сделала. А когда лиса захотела, чтобы подруга напугала ее, птица повела ее в курятник, полный собак. Лиса еле унесла ноги. Тут она схватила перепелку и хотела съесть.

Но та с помощью хитрости освободилась из ее пасти. Перед тем как быть съеденной, перепелка обращается к лисе со следующим вопросом:

«– Алан, сени атынг не эди? – деп сорду.

Ол а:

– Тюкю, – дегенлей, бѣдене «тыр» деди да, учду да кетди.

Тюкю уа: «Ай анасына уа, «тылкы» деп, тишлерими къаты къысын айтсам эди уа», – деп сокъуранды.

Тюкюню бѣдене аман акъыл бла къалай алай этсе да, хорлады» [КЪМФС IV 2020: 661].

«– Тогда перепелка:

– Не помню, как было твое имя? – спросила.

А как только она ответила:

– Лиса, – перепелка «тыр» и улетела.

А лиса:

– Ай, чтоб ее, лучше бы я сказала «лыса» крепко сжав зубы, – пожалела.

Перепелка, так или иначе, перехитрила лису».

В культуре разных народов наличествует ряд общих орнитологических персонажей, каковой является и перепелка. Этот пернатый образ встречается в устных рассказах южных славян, восточных славян, хакасов и народов Кавказа.

В фольклорных произведениях карачаевцев и балкарцев нередки тексты, которые носят этиологический характер, раскрывающий отличительные признаки разных птиц, истолкования их поведенческие и наружные свойства. Например, по одному из мифов определяется, почему у ласточки хвост раздвоенный.

«Ючюнчюге чибинни иеди да, ол а: «Адамны этинден татлы зат жокъду», – деп айтыргъа башлагъанлай, «ад» деп башлагъанлай, къарылгъач чибинни тилинден къабады да, ол кюнден башлап, чибин аны ючюн жызылдап къалгъанды. Сора жилин а:

– Нек къоймадынг аны айтыргъа?! – деп, къарылгъачны къуйругъундан къабады да, къарылгъачны къуйругъу аны ючюн айры болгъанды дейдиле» [КЪМФС IV 2020: 142].

«Третьей отправляет муху, когда же она собралась сказать: «Нет ничего слаще мяса человека», – едва произнесла «ад», ласточка кусает муху за язык и, начиная с этого дня, муха из-за этого стала жужжать. А змея тогда:

– Почему не дала ей сказать?! – воскликнув, кусает ласточку за хвост, и, говорят, из-за этого хвост ласточки стал раздвоенным» [КЪМФС IV 2020: 143].

Исходя из изученного материала, можно сделать вывод о том, что одними из самых известных фольклорных орнитологических образов являются орел, ворона, ласточка и перепелка. Эти персонажи характеризуются двойко: в одних произведениях как отрицательные, в других, наоборот, положительные. Особенно ярко изображается образ ворона: символа смерти и тьмы или же мудрости и разума. Также обширно изображены сюжеты о хитро-мудрых пернатых, превосходящих своим умом и смекалкой более сильных зверей.

Список источников

Азбукина 2006 – *Азбукина А.В.* От знака к символу (особенности символизации образа птицы в поэзии конца XVIII – начала XIX века) // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. Т. 148. № 3. С. 198–204.

АНГЖЖЭ 1997 – Алгышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле... (Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки...): хрестоматия по карачаево-балкарскому фольклору / сост. Т.Ш. Биттирова, А.Б. Габаева. Нальчик: Эльбрус, 1997. 344 с.

Ван 2018 – *Ван Е.* Орнитологические образы как средство выражения эмоций в лирике Валерия Перелешина // Грани познания. 2018. № 1 (54). С. 15–19.

Джуртубаев 1991 – *Джуртубаев М.Ч.* Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1991. 256 с.

Джуртубаев 2011 – *Джуртубаев М.Ч.* Мифология и эпос карачаево-балкарского народа. Нальчик: Эльбрус, 2011. 487 с.

Кравцов 1987 – *Кравцов Н.И.* Славянский фольклор. М.: Изд-во МГУ, 1987. 257 с.

КЪМЖТА II 2003 – Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула (Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания): В 2-х томах. Т. 2 / сост., предисл. Т.М. Хаджиевой. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 472 с.

КЪММ 2007 – Къарачай-малкъар мифле (Карачаево-балкарские мифы) / сост., предисл. М.Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2007. 496 с.

КЪМФС IV 2020 – Къарачай-малкъар фольклорну своду. IV том. Къарачайлыланы бла малкъарлыланы жомакъ болмагъан, къара сѣз бла айтылгъан чыгъармачылыкълары (Свод карачаево-балкарского фольклора. Т. IV. Несказочная проза карачаевцев и балкарцев). Нальчик: Принт Центр, 2020. 586 с.

Нарты 1994 – Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука. Вост. лит., 1994. 656 с.

Тресиддер 1999 – *Тресиддер Дж.* Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.

References

AZBUKINA A.V. *От знака к символу (особенности символизации образа птицы в поэзии конца XVIII – начала XIX века)* [From sign to symbol (features of symbolizing the image of a bird in poetry of the late 18th – early XIXth centuries)]. IN: *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific scraps of Kazan state university. Series: Humanities]. 2006. Vol. 148. № 3. P. 198–204. (In Russian)

Alg'yshla, nart taurukhla, zhomak'la, zhyrta, elberle... [Wishes, legends about narts, fairytales, songs, riddles...]: readings on karachai-balkarian folklore / collected by T.Sh. Bittirova, A.B. Gabaeva. Nalchik: Elbrus, 1997. 344 p. (In Balkarian)

VAN E. *Ornitologicheskie obrazy kak sredstvo vyrazheniya emocij v lirike Valeriya Pereleshina* [Ornithological images as a means of expressing emotions in the lyrics of Valery Pereleshin]. IN: *Grani poznaniya* [Facets of knowledge]. 2018. № 1 (54). P. 15–19. (In Russian)

DZHURTUBAEV M.CH. *Drevnie verovaniya balkarcev i karachaevcev* [Ancient beliefs of balkarians and karachais]. Nalchik: Elbrus, 1991. 256 p. (In Russian)

DZHURTUBAEV M.CH. *Mifologiya i epos karachaevo-balkarskogo naroda* [Mythology and epos of karachay-balkarian people]. Nalchik: Elbrus, 2011. 487 p. (In Russian)

KRAVCOV N.I. *Slavyanskij fol'klor* [Slavic folklore]. Moscow: Publishing house of Moscow state university, 1987. 257 p. (In Russian)

K"arachaj-malk"ar zhomak"la, taurukhla, aytyula [Karachay-balkarian fairy-tales, legends, tales]: In 2 volumes. Vol. II / compiler and author of introductory article T.M. Hadzhieva. Nalchik: El-Fa, 2003. 472 p. (In Balkarian)

K"arachaj-malk"ar mifle [Karachay-balkarian myths] / compiler and author of introductory article M.Ch. Dzhurtubaev. Nalchik: Elbrus, 2007. 496 p. (In Balkarian)

K"arachaj-malk"ar fol'klornu svodu. 4 tom. K"arachajlylany bla malk"arlylany zhomak" bolmag"an, k"ara syoz bla ajtylg"an chyg"armachylyk"lary [The set of karachay-balkarian folklore. Vol. 4. Unfairytale prose of karachays and balkarians]. Nalchik: Print Center, 2020. 586 p. (In Balkarian and in Russian)

Narty. Geroicheskiy epos balkarcev i karachaevcev [Narts. The heroic epos of balkarians and karachais]. Moscow: Science. Eastern literature, 1994. 656 p. (In Balkarian and in Russian)

TRESIDDER DZH. *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols] / translation from english S. Palko. Moscow: FAIR-PRESS, 1999. 448 p. (In Russian)

Информация об авторе

Л.С. Гергокова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора.

Information about the author

L.S. Gergokova – candidate of science (philology), senior researcher of the sector of karachay-balkarian folklore sector.

Статья поступила в редакцию 06.12.2021; одобрена после рецензирования 13.12.2021; принята к публикации 24.12.2021.

The article was submitted 06.12.2021; approved after reviewing 13.12.2021; accepted for publication 24.12.2021.

**К ВОПРОСУ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РАЗРАБОТКИ
И ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ КЛАССИФИКАЦИИ
МАЛЫХ ЖАНРОВ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ФОЛЬКЛОРА**

Фаризат Хасановна Гулиева (Занукоева)

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, gfariza37@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8883-4613>

© Ф.Х. Гулиева (Занукоева), 2021

Аннотация. Статья является продолжением цикла работ, направленных на разработку жанровой и внутрижанровой классификации устного народного творчества карачаевцев и балкарцев. Объектом изучения в данном случае стали так называемые малые или афористические жанры. Отмечается, что указанный обобщающий термин вошел в национальную фольклористику относительно недавно и все еще не стал общепотребительным. Вследствие этого жанровый состав исследуемой группы до настоящего времени до конца не установлен. Одни исследователи трактуют его слишком широко (Т.М. Хаджиева), другие – слишком узко (Т.Ш. Биттирова). Неясными остаются и принципы внутрижанровой классификации. Все перечисленные обстоятельства затрудняют подготовку к изданию текстов, входящих в число малых жанров карачаево-балкарского фольклора, и актуализируют их более углубленное изучение. Путем анализа имеющихся в настоящее время сборников, куда входят произведения обозначенной группы, выявлены достоинства и недостатки примененного составителями того или иного вида классификации из числа известных в отечественной фольклористике. Проведенное исследование привело к выводу о том, что ввиду разноплановости, неоднородности жанров, включаемых в рассматриваемый сегмент устной словесности, применение только какого-то одного вида классификации представляется невозможным. Необходим комплексный подход к решению проблемы.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, малые жанры, классификация, пословицы, поговорки, загадки, благопожелания, проклятия

Для цитирования: Гулиева (Занукоева) Ф.Х. К вопросу теоретической разработки и практического применения классификации малых жанров карачаево-балкарского фольклора // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-2 (51). С. 105–112. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-105-112

Original article

**TO THE QUESTION OF THEORETICAL DEVELOPMENT
AND PRACTICAL APPLICATION OF CLASSIFICATION OF SMALL GENRES
OF KARACHAY-BALKARIAN FOLKLORE**

Farizat H. Gulieva (Zanukoeva)

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, gfariza37@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8883-4613>

© F.H. Gulieva (Zanukoeva), 2021

Abstract. The article is a continuation of the cycle of works, aimed at developing the genre and intra-genre classification of the oral folk art of the karachais and balkarians. The object of study in this case was the so-called small or aphoristic genres. It is noted, that this generalizing term entered the national folklore studies relatively recently and has not yet become commonly used. As a result, the genre composition of the group under study to date has not been fully established. Some researchers interpret it too broadly (Т.М. Хаджиева), others too narrowly (Т.Ш. Биттирова). The principles of intra-genre classification also remain unclear. All these circumstances make it difficult to prepare for publication of texts, that are among the small genres of karachay-balkarian folklore, and actualize their more in-depth study. By analyzing the collections available today, which include the works of the designated group, the advantages and disadvantages of one or another type of classification, used by compilers from among those known in russian folklore study have been revealed. The study led to the conclusion, that due to the diversity, heterogeneity of genres, included in the considered segment of oral literature, the use of only one type of classification seems impossible. An integrated approach to solving the problem is required.

Keywords: karachay-balkarian folklore, small genres, classification, proverbs, sayings, riddles, good wishes, curses

For citation: Gulieva (Zanukoeva) F.H. To the question of theoretical development and practical application of classification of small genres of karachay-balkarian folklore. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2021; 4-2 (51): 105–112. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-105-112

Карачаево-балкарский фольклор представляет собой совокупность жанров, различающихся по родовой принадлежности, форме изложения, способу отражения действительности, функциональной направленности, объему и т.д. Как и для всех младописьменных народов, он являлся своеобразной исторической летописью этноса, служил средоточием и средством передачи накопленного духовного, морально-этического и эстетического опыта. Значительная роль отводилась в этом деле так называемым малым (афористическим) жанрам устной словесности. Здесь следует отметить, что данный термин вошел в национальную фольклористику лишь в конце XX в. и не получил еще широкого распространения в научной литературе. В большинстве исследований даются как отдельные жанры и кратко характеризуются пословицы и поговорки, загадки, благопожелания, клятвы [Караева 1961: 22–27; Караева 1966: 21–25; Холаев 1981: 29–31; Малкондуев 2010: 17]. Первое упоминание о нем мы находим в предисловии Т.М. Хаджиевой к составленной ею хрестоматии *«Къарачай-малкъар фольклор»* – «Карачаево-балкарский фольклор»: **«Фольклорну гитче жанрлары** (малые жанры фольклора): Алгышшла бла къаргышшла (благопожелания и проклятия – Ф.Г.); антла (клятвы); ырысла (табу, запреты); белгиле, илишанла, жоралаула (приметы, поверья, предзнаменования, толкование снов); нарт сёзле бла нарт айтыула (пословицы и поговорки); къанатлы сёзле (крылатые слова); элберле (загадки – Ф.Г.)» [Хаджиева 1996: 6]. Однако в посвященном фольклору разделе фундаментального труда «Карачаевцы. Балкарцы» (М., 2014) указанный автор представляет несколько измененный перечень жанров: *«Малые жанры*. Одними из архаических жанров карачаево-балкарского фольклора являются тюкюрмешле / тюкюрюуле или алгышшла (заговоры), алгышшла (благопожелания) и къаргышшла (проклятия), пословицы и поговорки (нарт сёзле), загадки (элберле), клятвы (антла), поверья (ийнаныула / ийнамла) и др.» [Хаджиева 2014: 569].

В подготовленном Т.Ш. Биттировой предисловии к сборнику *«Алгышшла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле...»* – «Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки...» обозначенные Т.М. Хаджиевой жанры распределяются по двум группам: *табыныу бла байламлы фольклор* «фольклор, связанный с поклонением, верованиями» (*тилекле* «заговоры», *къаргышшла* «проклятия» и *алгышшла* «благопожелания») и *ууакъ жанрла* «малые жанры» (пословицы, поговорки, загадки) [Биттирова 1997: 5, 20–21].

Как мы можем видеть, в первом случае термин «малые жанры» понимается излишне широко и включает произведения, традиционно рассматриваемые в других

разделах карачаево-балкарского устного народного творчества (например, заговоры относятся к обрядово-мифологической, в частности магической, поэзии). Кроме того, различные табу, запреты, поверья, приметы, толкования снов, предзнаменования и т.п. имеют информативный характер и в большей мере составляют предмет интереса этнографов и культурологов. Во втором случае, понимание данного термина представляется неоправданно суженным: несмотря на то, что часть произведений, относящихся к жанрам *алгышыла* (благопожелания) и *антла* (клятвы), имеет привязку к обряду и рассматривается в соответствующих разделах национальной фольклористики, другая часть не связана с обрядностью. Данные тексты широко используются в быту, повседневной жизни в качестве формул приветствия или подтверждения истинности своих слов и намного лаконичнее обрядовых.

Исходя из изложенного, в нашей работе в группу малых жанров включаются пословицы, поговорки, загадки, благопожелания, проклятия и клятвы.

Как известно, при подготовке к изданию любых произведений фольклора одним из первостепенных вопросов является способ классификации и подачи материала. Поскольку входящие в исследуемую группу жанры крайне неоднородны и разноплановы по своим формальным и содержательным характеристикам, функциональной нагрузке, их отграничение друг от друга не составляет особого труда. Определенные сложности возникают лишь в отношении пословиц и поговорок, которые традиционно рассматривались в карачаево-балкарской фольклористике единым блоком. Однако, «несмотря на общность генетических истоков, условий бытования и близость по художественной природе, пословицы и поговорки могут быть отделены друг от друга по ряду характерных признаков (формально-семантических, структурных, функциональных и т.п.)» [Гулиева (Занукова) 2020: 265].

Несколько сложнее обстоит ситуация с проведением внутржанровой классификации рассматриваемого сегмента карачаево-балкарского фольклора и ее практическим применением.

Обратившись к изучению данной проблемы на материале пословиц и поговорок русского народа, Г.Л. Пермяков писал: «Каждый, кто имел дело со сборником пословиц и поговорок, знает, как трудно бывает найти в них нужное изречение или хотя бы установить, что такового там нет. При существующей практике издания одна и та же пословица в разных сборниках попадает в совершенно различные разделы. Больше того, в одном и том же сборнике сходные и просто одинаковые изречения оказываются в разных разделах. ... В свою очередь, составители и редакторы сборников испытывают наибольшие трудности именно в размещении пословичного материала и его рубрикации. Все дело – в отсутствии единой и сколько-нибудь удовлетворительной классификации изречений» [Пермяков 1979: 8]. Далее ученый выделяет пять основных типов классификации пословичных изречений и выявляет достоинства и недостатки каждого из них:

1) **алфавитная** – выстраивание материала осуществляется в алфавитном порядке по начальным буквам первого слова;

– *достоинства*: простота;

– *недостатки*: варианты одной пословицы, которые начинаются с разных букв, оказываются в разных местах, что особенно неудобно при классификации переводных пословиц;

2) **лексическая** или **энциклопедическая** – распределение текстов по опорным словам, концептам;

– *достоинства* – удобен при поиске уже известных выражений;

– *недостатки* – одинаковые по смыслу, но отличающиеся по лексическому составу единицы попадают в разные группы, и наоборот – близкие по лексическому составу, но различающиеся по смыслу паремии оказываются в одной группе;

3) **монографическая** – концентрирование текстов по месту и / или по времени собирания / собирателю;

– *достоинства* – удобен для историографии вопроса;
– *недостатки* – внутренняя неупорядоченность и возможность многочисленных повторов;

4) *генетическая* – разделение материала по происхождению (языкам, народам, у которых заимствовано то или иное высказывание);

– *достоинства* – удобен при изучении истории вопроса;

– *недостатки* – отсутствие внутреннего порядка, возможность повторов;

5) *тематическая* – распределение по темам (содержанию);

– *достоинства* – позволяет отвлечься от многих внешних элементов изречения и сосредоточиться на самом существенном;

– *недостатки* – ввиду многозначности большинства паремий одно и то же изречение должно входить сразу в несколько тематических групп; неоднозначность и перекрещивание самих предметно-тематических классов; подобная разбивка имеет свободный, произвольный характер, что позволяет каждому исследователю и составителю по-своему трактовать перечень выделяемых тем [Пермяков 1979: 8–10].

На наш взгляд, обозначенные Г.Л. Пермяковым типы классификаций могут быть в какой-то мере применены ко всем группам произведений, причисляемых к малым фольклорным жанрам. Обратимся к рассмотрению особенностей их функционирования на примере ряда сборников карачаево-балкарских фольклорных произведений. Здесь необходимо сразу оговорить, что в национальной фольклористике до настоящего времени генетическая классификация не применялась по объективным причинам (в частности, вследствие отсутствия необходимой эмпирической базы и недостаточной изученности вопроса).

В 1959 г. была издана книга *«Малкъар жомакъла, нарт сёзле, элберле»* – «Балкарские сказки, пословицы, загадки», куда вошло значительное число паремий и загадок [МЖНСЭ 1959: 239–266]. Тексты пословиц, по всей видимости, должны были быть даны в алфавитном порядке, однако данный принцип не выдержан составителем (А.Х. Соттаевым) до конца. Загадки излагаются в произвольном порядке. В связи с этим говорить о применении какого-то конкретного типа классификации не представляется возможным.

В вышедшем в свет в 1962 г. сборнике *«Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору»*, в котором представлены 108 загадок и 32 пословицы и поговорки на языке оригинала и в переводе на русский язык [Материалы 1962: 43–44, 55–59, 71–76, 77–79, 119–123], тексты выстроены в соответствии с монографическим типом классификации (по месту записи). Подобный способ подачи материала, как и было отмечено Г.Л. Пермяковым, оправдывает себя только в случае решения вопроса историографического изучения фольклора. Однако, если необходимо найти какой-либо конкретный текст или группу текстов на определенную тематику, этот тип классификации оказывается крайне неудобным и непрактичным. Возможно, именно поэтому монографический вариант классификации не приобрел популярности среди карачаево-балкарских исследователей.

В 1963 г. была издана подготовленная фольклористом С.Ч. Алиевым с применением тематического принципа классификации книга *«Къарачай нарт сёзле»* – «Карачаевские пословицы и поговорки». Материал разделен на 23 тематические группы, которые внутри делятся на еще несколько категорий [КъНС 1963]. Например, блок *«Джашау»* («Жизнь») включает подразделы «О рождении, взрослении», «О душе», «О молодости», «О старости», «О здоровье», «О болезни, ране», «О чистоте» и др. В случае необходимости найти пословицы и поговорки по какой-либо конкретной теме подобные издания очень удобны. Тем не менее, в силу многозначности паремий одно и то же высказывание может оказаться включенным сразу в несколько групп. Более того, по той же причине (т.е. вследствие многозначности)

некоторые подразделы неизбежно оказываются сформированными во многом не по тематическому, а по лексическому или энциклопедическому принципу (т.е. по опорному слову). Могут возникнуть сложности и при поиске какой-то определенной единицы. Поскольку каждый исследователь формирует тематические блоки по собственному усмотрению, разные составители могут внести одну и ту же паремию в различающиеся по тематике подразделы. Подобные недочеты наблюдаются и в других изданиях, выстроенных по тематическому принципу, например, в книге «*Къарачай-малкъар нарт сёзле*» – «Карачаево-балкарские пословицы и поговорки» (2005).

Во многих сборниках составители совмещают тематический и алфавитный типы выстраивания материала. Так, в книгу «*Малкъар нарт сёзле*» – «Балкарские пословицы и поговорки» (1965) ее составители С.А. Отаров и А.М. Ульбашев включили 9 тематических разделов, в которых материал выстроен в алфавитном порядке. Комплексный подход применен и в ряде других изданий (например, в составленном д.ф.н., профессором А.Д. Койчуевым сборнике «*Нарт сёзле, айтыула, чам сёзле*» – «Пословицы, поговорки, прибаутки», опубликованном в 2010 г.).

Изложенные варианты классификации применяются главным образом к паремиям. Что касается загадок, в большинстве сборников они даются в произвольном порядке («*Малкъар жомакъла, нарт сёзле, элберле*» – «Балкарские сказки, пословицы, загадки» (1959), «*Алгышыла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле*» – «Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки» (1997) и др.). В некоторых трудах загадки выстроены по тематическим блокам (например, в хрестоматии Т.М. Хаджиевой «*Къарачай-малкъар фольклор*» – «Карачаево-балкарский фольклор» (1996), в книге «*1001 элбер*» – «Тысяча и одна загадка», составленной Р.А.-К. Салпагаровым (1999) и др.).

К настоящему времени наиболее обстоятельным изданием загадок является сборник «*Къарачай халкъны эл берген джомакълары*» – «Карачаевские народные загадки», составленный С.Ч. Алиевым и изданный в 1984 г. В нем ученый подразделяет загадки на традиционные, вопросительные, шуточные, математические (логические) и повествовательные (сказки-загадки). В свою очередь, традиционные загадки делятся на 21 тематическую группу, внутри которых материал в основном выстроен по алфавитному порядку по первой букве отгадки [Алиев 1984]. Другими словами, здесь мы имеем дело с комплексным подходом, сочетающим принципы формально-содержательной (более характерной для крупных жанровых форм), тематической и алфавитной классификаций.

Подобный подход применен и в книге «*Къарачай-малкъар ойберле бла элберле*» – «Карачаево-балкарские притчи и загадки», составленной М.М. Ольмезовым. Загадки даны в 4 разделах (традиционные загадки; загадки-вопросы; загадки-шутки; математические загадки), выстроенных в алфавитном порядке [КъМОЭ 2010: 172–282].

Таким образом, анализ фольклорных сборников свидетельствует о предпочтении национальными исследователями тематического, либо комплексного вариантов классификации загадок.

Все вышеизложенное свидетельствует о довольно высоком уровне разработки проблемы жанровой и внутрижанровой классификации на материале пословиц, поговорок и загадок карачаевцев и балкарцев. В отношении благопожеланий, проклятий и клятв приходится признать значительное отставание не только в изучении, но даже в фиксации произведений данных жанров. Если благопожелания (*алгышыла*) частично отражены в сборниках (в хрестоматию «*Къарачай-малкъар фольклор*» – «Карачаево-балкарский фольклор» включены 4 тематические группы обрядовых благопожеланий [КъМФ 1996: 380–505]; в сборнике «*Алгышыла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле*» – «Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки», помимо группы обрядовых алгышей, представлены 11 коротких

благопожеланий [Алгышла 1997: 296–325]), то тексты клятв в основном фигурируют только в научных изысканиях [Малкондуев 1996: 39–41; Хаджиева 2014: 576–578], а жанр проклятий вообще упоминается лишь в отдельных работах, но без иллюстрирующих примеров [Хаджиева 1996: 6, 26–27; Биттирова 1997: 20; Хаджиева 2014: 574–576].

Некоторые шаги в восполнении обозначенных пробелов начали предприниматься в последние годы сотрудниками ИГИ КБНЦ РАН в рамках комплекса работ, связанных с подготовкой V тома «Свода карачаево-балкарского фольклора» – «Малые жанры фольклора карачаевцев и балкарцев». Особое значение в свете изложенного выше приобретают статьи Ж.М. Локьяевой, посвященные благопожеланиям [Локьяева 2020а; Локьяева, Узденова 2021] и проклятиям [Локьяева 2020б]. В них автором не только описываются характерные черты и особенности обозначенных жанров, но также приводятся иллюстративные примеры, предпринимаются вполне успешные попытки проведения их внутрижанровой классификации.

В упомянутом выше издании с учетом опыта предшественников и опорой на фольклорный материал предполагается решить широкий спектр задач, связанных с изучением малых жанров устной словесности карачаевцев и балкарцев, в том числе сбор дополнительных полевых материалов по слабопредставленным разновидностям (необрядовым благопожеланиям и клятвам, проклятиям), проведение жанровой и внутрижанровой классификации, выявление жанроразличительных критериев.

Таким образом, можно утверждать, что среди исследователей и составителей имеющихся на сегодняшний день изданий по карачаево-балкарскому устному народному творчеству наибольшей популярностью пользуются алфавитный и тематический типы классификаций. Тем не менее, более детальное рассмотрение составленных по данным принципам сборников позволяет констатировать наличие у них значительного числа недочетов, что свидетельствует о необходимости комплексного подхода к решению проблемы теоретической разработки и практического применения классификации малых жанров.

Список источников

Алгышла 1997 – Алгышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле... (Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки...): хрестоматия по карачаево-балкарскому фольклору / сост. Т.Ш. Биттирова, А.Б. Габаева. Нальчик: Эльбрус, 1997. 344 с.

Алиев 1984 – *Алиев С.Ч.* Къарачай халкъны эл берген джомакълары (Карачаевские народные загадки). Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карач.-Черкес. отд-ние, 1984. 216 с.

Биттирова 1997 – *Биттирова Т.Ш.* Ал сѣз (Введение) // Алгышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле... (Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки...): хрестоматия по карачаево-балкарскому фольклору / сост. Т.Ш. Биттирова, А.Б. Габаева. Нальчик: Эльбрус, 1997. С. 3–22.

Гулиева (Занукоева) 2020 – *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* Карачаево-балкарские пословицы и поговорки: к проблеме жанрового разграничения // Кавказология. 2020. № 4. С. 259–270. DOI: 10.31143/2542-212X-2020-4-259-270.

Караева 1961 – *Караева А.И.* О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа. Черкесск: Карач.-Черкес. кн. изд-во, 1961. 62 с.

Караева 1966 – *Караева А.И.* Очерк истории карачаевской литературы. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1966. 320 с.

КЪМОЭ 2010 – Къарачай-малкъар ойберле бла элберле (Карачаево-балкарские притчи и загадки) / сост. М.М. Ольмезов. Нальчик: Эльбрус, 2010. 456 с.

КЪМФ 1996 – Къарачай-малкъар фольклор (Карачаево-балкарский фольклор): хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 592 с.

КЪНС 1963 – Къарачай нарт сѣзле (Карачаевские пословицы и поговорки) / сост. С.Ч. Алиев. Черкесск: Карач.-Черкес. кн. изд-во, 1963. 484 с.

Локьяева 2020а – Локьяева Ж.М. Особенности и функциональная роль благопожеланий (*алгыши*) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2020. № 6 (98). С. 302–311. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-6-98-302-311.

Локьяева 2020б – Локьяева Ж.М. Проклятия как жанр карачаево-балкарского фольклора // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2020. № 3 (95). С. 114–121. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-3-95-114-121.

Локьяева, Узденова 2021 – Локьяева Ж.М., Узденова Ф.Т. *Алгыши* (благопожелание) в фольклоре и литературе карачаевцев и балкарцев: специфика жанра, таксономия, поэтика // Кавказология. 2021. № 3. С. 247–259. DOI: 10.31143/2542-212X-2021-3-247-259.

Малкондуев 1996 – Малкондуев Х.Х. Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев (Жанровые и художественно-поэтические традиции). Нальчик: Эль-Фа, 1996. 272 с.

Малкондуев 2010 – Малкондуев Х.Х. Фольклор и фольклористика // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. С. 8–35.

Материалы 1962 – Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору. Тексты. Переводы. Комментарии. Словарь / под ред. А.Ю. Бозиева. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1962. 200 с.

МЖНСЭ 1959 – Малкър жомакъла, нарт сёзле, элберле (Балкарские сказки, пословицы, загадки / сост. А.Х. Сотгаев. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1959. 268 с.

Пермяков 1979 – Пермяков Г.Л. Грамматика пословичной мудрости // Пословицы и поговорки народов Востока. М.: Наука, 1979. С. 7–61.

Хаджиева 1996 – Хаджиева Т.М. Малкърлыланы бла кърарайлыланы халкъ поэзия чыгъармачылыклары (Народное поэтическое творчество балкарцев и карачаевцев) // Кърарай-малкър фольклор (Карачаево-балкарский фольклор): хрестоматия. Нальчик: Эль-Фа, 1996. С. 6–37.

Хаджиева 2014 – Хаджиева Т.М. Фольклор // Карачаевцы. Балкарцы. М.: Наука, 2014. С. 522–584.

Холаев 1981 – Холаев А.З. Народное устно-поэтическое творчество // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 13–31.

References

Alg'yshla, nart taurukhla, zhomak'la, zhyrly, elberle... [Wishes, legends about narts, fairytales, songs, riddles...]: readings on karachay-balkarian folklore / collected by T.Sh. Bittirova, A.B. Gabaeva. Nalchik: Elbrus, 1997. 344 p. (In Balkarian)

ALIEV S.CH. *K'arachaj halk'ny el bergen dzhomak'lary* [Karachay folk riddles]. Cherkessk: Stavropol book publishing house. Karachay-Cherkessian branch, 1984. 216 p. (In Karachay)

BITTIROVA T.SH. *Al sez* [Introduction]. IN: *Alg'yshla, nart taurukhla, zhomak'la, zhyrly, elberle...* [Wishes, legends about narts, fairytales, songs, riddles...]: readings on karachay-balkarian folklore / collected by T.Sh. Bittirova, A.B. Gabaeva. Nalchik: Elbrus, 1997. P. 3–22. (In Balkarian)

GULIEVA (ZANUKOEVA) F.H. *Karachaevo-balkarskie poslovitsy i pogovorki: k probleme zhanrovogo razgranicheniya* [Karachay-balkarian proverbs and sayings: to the problem of genre differentiation]. IN: *Kavkazologiya*. 2020. № 4. P. 259–270. DOI: 10.31143/2542-212X-2020-4-259-270. (In Russian)

KARAEVA A.I. *O fol'klornom nasledii karachaevo-balkarskogo naroda* [About the folklore heritage of the karachay-balkarian people]. Cherkessk: Karachay-Cherkessian book publishing house, 1961. 62 p. (In Russian)

KARAEVA A.I. *Ocherk istorii karachaevskoj literatury* [Essay on the history of karachay literature]. Moscow: Science. Main edition of oriental literature, 1966. 320 p. (In Russian)

K'arachaj-malk'ar oyberle bla elberle [Karachay-balkarian parables and riddles] / collected by M.M. Olmezov. Nalchik: Elbrus, 2010. 456 p. (In Balkarian and in Russian)

K'arachaj-malk'ar fol'lor [Karachay-balkarian folklore]: readings / collected by T.M. Hadzhieva. Nalchik: El-FA, 1996. 592 p. (In Balkarian)

K'arachaj nart syozle [Karachay proverbs and sayings] / collected by S.Ch. Aliev. Cherkessk: Karachay-Cherkessian book publishing house, 1963. 484 p. (In Karachay)

LOKYAEVA ZH.M. *Osobennosti i funkcional'naya rol' blagopozhelanij (alg'ysh)* [Features and functional role of good wishes (algysh) (based on the material of karachay-balkar folklore)]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN* [News of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2020. № 6 (98). P. 302–311. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-6-98-302-311. (In Russian)

LOKYAEVA ZH.M. *Proklyatiya kak zhanr karachaevsko-balkarskogo fol'klora* [Curses as a genre of karachay-balkarian folklore]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN* [News of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2020. № 3 (95). P. 114–121. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-3-95-114-121. (In Russian)

LOKYAEVA ZH.M., UZDENOVA F.T. *Alg'ysh (blagopozhelanie) v fol'klоре i literature karachaevcev i balkarcev: specifika zhanra, taksonomiya, poetika* [Algysh (goodwill) in folklore and literature of karachais and balkarians: specificity of the genre, taxonomy, poetics]. IN: *Kavkazologiya*. 2021. № 3. P. 247–259. DOI: 10.31143/2542-212X-2021-3-247-259. (In Russian)

MALKONDUEV H.H. *Obryadovo-mifologicheskaya poeziya balkartsev i karachaevtsev* [Ritual and mythological poetry of balkarians and karachais]. Nalchik: El-Fa, 1996. 272 p. (In Russian)

MALKONDUEV H.H. *Fol'klор i fol'kloristika* [Folklore and folklore study]. IN: *Ocherki istorii balkarskoy literatury* [Essays on the history of balkarian literature]. Nalchik: State Enterprise KBR «Republican Polygraphic Plant named after Revolution of 1905», 2010. P. 8–35. (In Russian)

Materialy i issledovaniya po balkarskoy dialektologii, leksike i fol'klору. Teksty. Perevody. Kommentarii. Slovar' [Materials and studies on balkarian dialectology, lexicon and folklore. Texts. Translations. Comments Vocabulary] / edited by A.Yu. Boziev. Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house, 1962. 200 p. (In Balkarian and in Russian)

Malk'ar zhomak'la, nart syozle, elberle [Balkarian fairy-tales, proverbs, riddles] / collected by A.H. Sottaev. Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house, 1959. 268 p. (In Balkarian)

PERMYAKOV G.L. *Grammatika poslovichnoj mudrosti* [Grammar of proverbial wisdom]. IN: *Poslovicy i pogovorki narodov Vostoka* [Proverbs and sayings of the peoples of the East]. Moscow: Science, 1979. P. 7–61. (In Russian)

HADZHIEVA T.M. *Malk'ar'lylany bla k'arachaylylany khalk' poeziya chyg'armachylyk'lary* [Folk poetic creativity of balkarians and karachays]. IN: *K'arachay-malk'ar fol'klор* [Karachay-balkarian folklore]: readings. Nalchik: El-Fa, 1996. P. 6–37. (In Balkarian)

HADZHIEVA T.M. *Fol'klор* [Folklore]. IN: *Karachaevtsy. Balkartsy* [Karachais. Balkarians]. Moscow: Science, 2014. P. 522–584. (In Russian)

HOLAEV A.Z. *Narodnoe ustno-poeticheskoe tvorchestvo* [Folk oral-poetic works]. IN: *Ocherki istorii balkarskoy literatury* [Essays on the history of balkarian literature]. Nalchik: Elbrus, 1981. P. 13–31. (In Russian)

Информация об авторе

Ф.Х. Гулиева (Занукоева) – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора.

Information about the author

F.H. Gulieva (Zanukoeva) – candidate of science (philology), senior researcher of the sector of karachay-balkarian folklore.

Статья поступила в редакцию 02.12.2021; одобрена после рецензирования 13.12.2021; принята к публикации 24.12.2021.

The article was submitted 02.12.2021; approved after reviewing 13.12.2021; accepted for publication 24.12.2021.

ЦВЕТОВАЯ СИМВОЛИКА В АДЫГСКОМ ЭПОСЕ

Лиана Славовна Хагожеева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, liana1771@mail.ru., <https://orcid.org/0000-0003-1811-5183>

© Л.С. Хагожеева, 2021

Аннотация. В статье исследуется взаимосвязь между эстетической, этической и практической функциями в художественной системе эпического повествования в адыгском фольклоре. Особо отмечается функциональная роль цветовой символики в поэтике историко-героического эпоса. Рассматриваются наиболее распространенные символы цвета, в его связи с принадлежностью к одному из миров, верхнему, среднему или нижнему. Определение этих позиций и формы его художественного отражения – задача нашего исследования. Исследование художественных средств и приемов в соотнесении с их мифопоэтической основой и системой этических норм и установок, существовавшей в традиционном адыгском обществе, является актуальным для комплексного изучения фольклора. В этом заключается новизна данного исследования.

Проведенный анализ выявляет роль цветообозначений в функциональной дифференциации образов и объективизации мировоззрения, свойственной адыгской этнической художественной традиции.

Ключевые слова: древние представления, историко-героический эпос, нравственно-этические ценности, сказания, песни, художественная система, цвет, символ

Для цитирования: Хагожеева Л.С. Цветовая символика в адыгском эпосе // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-2 (51). С. 113–124. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-113-124

Original article

COLOUR SYMBOLICS IN THE ADYGHE EPIC

Liana S. Khagozheeva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, liana1771@mail.ru., <https://orcid.org/0000-0003-1811-5183>

© L.S. Khagozheeva, 2021

Abstract. The article examines the relationship between aesthetic, ethical and practical functions in the artistic system of epic storytelling in the Adyghe folklore. The functional role of color symbolism in the poetics of the historical and heroic epic is especially noted. The most common color symbols are considered, in connection with its belonging to one of the worlds, upper, middle or lower. Determination of these positions and the form of its artistic reflection is the task of our research. The study of artistic means and techniques in relation to their mythopoetic basis and the system of ethical norms and attitudes that existed in the traditional Adyghe society is relevant for the comprehensive study of folklore. This is the novelty of this study.

The analysis reveals the role of color designations in the functional differentiation of images and objectification of the worldview, which is characteristic of the Adyghe ethnic artistic tradition.

Keywords: ancient ideas, historical and heroic epos, moral and ethical values, legends, songs, artistic system, color, symbol

For citation: Khagozheeva L.S. Colour symbolics in the adyge epic. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2021; 4-2 (51): 113–124. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-113-124

Как было установлено ранее многими исследованиями, цвет содержит в себе мифологическую сакральную основу и дает возможность реконструировать древние представления и этико-эстетические предпочтения носителей фольклорного сознания. В связи с этим, данное исследование направлено на изучение колористики как средства символического выражения системы этических ценностей историко-героического эпоса адыгов. Формы и способы их реализации в художественном тексте фольклора – задача нашего исследования.

Наиболее частые цветовые коды здесь это оппозиция черного и белого. Помимо того, отмечаются желтый, с его цветообозначениями (золото, шелк), как позиция белого, код красного, синего, голубого, зеленого и серого тоже могут оказаться в этой позиции, иногда они занимают позицию близкую к черному цвету. Здесь важно отметить семантическую амбивалентность этих цветов. Цветовая семантика не всегда однозначна.

Как у многих других народов, в мифопоэтических воззрениях адыгов желтый и его цветообозначение золото / золотистый, шелк / шелковый и красный / рыжий / огненный в определенных случаях, олицетворяется с лучами солнца и в целом с разнообразным по значению солнечным символизмом. Ученые считают, что подобная цветовая символика имеет древнюю мифологическую основу, и призвана указывать на уникальность героя и его приближенность к небесам. В художественном языке фольклора – это средства идеализации центрального персонажа. По справедливому замечанию Т.А. Агапкиной, «Образ золота ассоциируется с красотой, соотносится с представлениями о «верхнем» мире, сфере божественного и высшими ценностями» [Агапкина 2002: 190]. Именно поэтому описание эпических красавиц в адыгском фольклоре непременно связано с золотом или шелком. Так, например, в сказках часто красота девушки сравнивается с блеском небесных светил (солнце, луна, звезды) и цветных металлов (золото, серебро), шелка. В мифологических воззрениях данные обозначения, кроме того, что служат поэтическим средством, становятся еще напоминанием о светлой, неземной природе персонажа. Бывает и так, что описание материала, из которого изготовлено жилище девушки, в ряду с другими, становится обозначением ее красоты и исключительности: «золотой (медный, серебряный, стеклянный) дворец», «сверкающая (блестящая) крепость (дом и т.п.). По мнению М.Ф. Бухурова связано это с тем, что сияние крепости ассоциируется с солнцем. Именно поэтому место обитания красавицы всегда находится «там, где восходит солнце» – «дыгъэ къыкъуэжкынтэм деж» (в вариантах: «там, где заходит солнце» – «дыгъэ къухъэнтэм деж» [Бухуров 2017: 117]. Символы подобного характера получили широкую популярность и в нартских сказаниях. Это золотые атрибуты прекрасной Акуанды [Нарты III 2020: 127, 134]; золотые волосы Малечипх: они светятся красно-золотым и бело-золотым отливом [Нарты 1974: 405]; чаще всего героини историко-героических песен – в шелковых нарядах, а сами они светлолицые, с желто-шелковыми волосами [АПВКВ 2014: 101, 106], также они звездоликие [АПВКВ 2014: 128, 132], на груди серебро сияет [АПВКВ 2014: 114, 116] и т.д.

Таким образом, «золото» и «огонь» считаются взаимосвязанными эстетическими единицами. Следовательно, все что сверкает и идет от солнца, золота и огня, т.е. от возвышенных единиц в системе символов, в своем художественном определении наполнено положительной оценкой и в образах фольклорных героев они отождествляют силу, мощь, а интеллектуальном плане – мудрость:

*Пицы щауэм ерыжыбу ялыгъыр мэцлычэ,
Чэрэчэуэ и афэ псыгуэр мэлыдыр
Дзэ унейм къахэлыдыкыр зи таж... –
У молодых княжичей эрежибовские ружья трещат,
наследные тонкие кольчуги сверкают
Из всего войска выделяются они
сверкающими шлемами [АПВКВ 2014: 90, 92].*

Нередко в мужских образах героического эпоса этот прием присутствует в характеристиках коня и снаряжения главного героя, тем самым выделяя его из общей среды:

*Данагъуэр зи шхуэмылакIэ,
Я кIэхэр зи дыщэ Iунэ –
Шелк желтый – его поводок,
Хвост <его коня> золотом заплетен [Нарты III 2020: 52, 53] – поется в пшинатле о Бадиноко.*

*Дыщэчым къыхэлъэфар зи гъуазэ –
Прицел [ружья] его – вытянутая золотая нить [АПВКВ 2014: 90, 92] – так описывается ружье адыгского воина XIX в. В других песнях образ доблестного воина сияет как солнце, луна, звезды, выделяясь среди других своим светом [АПВКВ 2014: 180, 199, 202].*

В этом плане примечательны усы, описание которых часто дополняется цветовой характеристикой. В мифологических воззрениях многих народов волосы являются олицетворением жизненных сил и сакральности его обладателя. Борода в образах многих мифологических персонажей адыгов выступает как божественный атрибут, и она символизирует магическую силу и мудрость. «Волос был символом связи верхнего, среднего и нижнего миров, символ универсума. В них, как и в ногтях, заключены священная сила и мудрость», – пишет Е.Г. Кагаров [Кагаров 1913: 58–59]. В подтверждение этому В.Я. Пропп указывает, что волосы считались местонахождением души или магической силы [Пропп 1986: 136]. Этот символ старости и мудрости с использованием дополнительных художественных средств выражения, может дать дополнительную характеристику героя. Так, длинная белая борода Насрен-Жаче показывает его светлую, добрую природу [НПИНА I 1980]. Противопоставлен ему бог зла Пако с козлиной бородой [Нарты 1974: 360].

В адыгском эпосе усы являются знаком мужской доблести. Описывая особую мужественность героя, народное сознание характеризует необычный образ его усов:

*(Уэр) и пацIэри (уой дуней) хуэжэрумэмилти –
(Уар) усы (уой дуней) подобны семи колбасам. – Так передается необычайная мощь героя «Песни о нартах могучих» [НПИНА III-1 1986: 43]. Бадиноко описывается со стальными усами.*

Вместе с тем, золотые /желто-шелковые / красные или огненно-рыжие усы являются символическим обозначением доброты и уникальности образа. В историко-героическом эпосе это художественное определение позиции «свой», и ставится в противовес усам противника в позиции «чужой»:

*Дыщэ мыгъуэр зи пацIэкIитIым
щIы фIыцIэр къырагъэгъуэт,
щулэгъэкIэ дызыгъуэтыжыр
дырагунэ пацIэщ. –*

Тот, у кого золотые усы
землю черную обретает.

Те, кто женами нас обретает,
это драгуноусые [АПВКВ 2014: 102–103, 108].

С таким же смысловым значением используется образ огня (*Пицы щауэ гушэр пацIэбзишплът... – Юный княжич был огненноусым... [АПВКВ 2014: 118, 119]*) и

шелка (*Данагъуэ гуцэр уи паццIэкIумI...* – Шелк желтый твои усы... [НПИНА III-2 1990: 70]), который в свою очередь усиливается символическим наполнением желтого цвета. Образ доблестного воина, отдавшего жизнь защите своего народа, рисуется в красных («Вечерней заре <подобен был> [АПВКВ 2014: 119]) и огненных тонах, которые уподобляются солнцу, а значит, сакрализованным атрибутам мироздания.

С таким же успехом, эти же атрибуты могут стать поэтическим выражением малодушия. Так, в песне, сложенной от имени матери-аталыка, обличению подвергается ее собственный муж. Ее кан (воспитанник) ринулся один против большого войска, но соратники проявили слабость и не вступили с ним в бой. Моральная никчемность бездействия группы, в том числе и мужа, женщина выражает в несоответствии внешнего вида и внутреннего духа воина. Указывая на его золотые атрибуты, она сетует, что хоть он и был адыгским мужем, но не сумел защитить свою честь. При этом знаковым обозначением трусости выступает «сорочка / рубаха труса». В песнях периода Кавказской войны это устойчивое символическое обозначение малодушия:

Твоя борода – что желтого лука лес!
Эй ты, с воробьиным сердцем!
... Ты ходил в золотой черкеске, злосчастный,
На золотое стремя ты опирался,
Смелым казался, как сто героев.

Но крою для тебя я рубаху труса... [АПВКВ 2014: 164].

Красный цвет входит в триаду наиболее часто употребительных. Это символ плодородия, жизненной энергии. Связано это с тем, что символическим значением красного цвета определяется кровь. И, так как без нее человек не сможет жить, кровь – это жизнь, сила [Мифы... I 1980; Мифы... II 1982]. С идеей жизненной силы, мощи, храбрости связан символ огня и пламени. Это находит художественное отражение в обрядовом фольклоре адыгов и в образах мифологических персонажей. Так идея плодородия красного цвета прослеживается в образе покровителя растительности Тхаголеджа. По некоторым вариантам мифологических нарративов, Тхаголедж «красноволосый» ... [Нарты I 2012: 157]. Постоянный эпитет Тхаголеджа «цыпэплъ» – букв. «красно-шерстный» (т.е. рыжий) [Шортанов 1982: 81]. Покровителя лесов и охоты Пшимазитха называют «паццIэ бзииплъ» – красноусым [НПИНА I 1980: 68].

В то же время, пролитая кровь указывает и на смерть. В этом и заключается амбивалентный характер красного цвета. Идея смерти поддерживается знаком катастрофы и агрессивности. Крайняя агрессивность и насыщенность красного цвета в сознании многих народов соотносится с военной атрибутикой. В связи с этим его цветообозначение широко используется в поэтическом языке фольклора для объективации надвигающейся угрозы боевых действий, возбужденного военного духа и его трагических действий:

Зы гын гъозым машIор зэлъыкIан... –

Вместе с пороховым дымом пламя разгорается...» [АПВКВ 2014: 123]. Столкновение двух войск и накал сражений уподобляется пламени, которое разгорается с немыслимо мощной силой. Этот художественный прием используется в ряде песен героического эпоса. Внезапное нападение на мирный аул и начало беспощадной расправы над его жителями, народное сознание сравнивает с безысходностью вспыхнувшего огня:

«Жэц ныкъуэр цыхъум къуажэм МафIэ лыгъей гуцэр къыщоблэр... –

В полночь в середине села Огонь мощный вспыхивает...» [АПВКВ 2014: 468, 470].

Кроме того, символика красного цвета становится иносказательным отражением силы и мощи доблестного богатыря. В таких целях часто отмечается величие гнева героя посредством пылающего огня или пара, который исходит от него,

его коня или оружия. Несомненно, надо понимать это как испытанное средство идеализации героя. Этот художественный прием применяется в сказании, чтобы показать мощь и серьезный, величественный нрав Бадинокко:

МашIор пыIукIэу, орэда, О, кыдэжIыжь, орэда –

Огнем пылая, орада, О, он уезжает, орада [Нарты III 2020: 113, 116]. Иногда образ огня может быть связан с образом животного, и в таких ситуациях идеализация героя является посредством описания могущества его коня. Искры, летящие из ноздрей коня воина передают грозный, устрашающий вид и боевую готовность его обладателя [АПВКВ 2014: 225, 231]. В подобных случаях учитывается сочетание сакральной основы образа животного и его цветообозначения. Они представлены в виде атрибутов героя. Чаще всего, это животные, имеющие, согласно мифологическим представлениям, огневое происхождение. В таких приемах символы огня и красного цвета усиливают восприятие акцентной характеристики героя. «Ой, красных быков рога широки» [АПВКВ 2014: 176] – так описывается лук бесстрашного героя историко-героической песни. Символ красного цвета и символика быка одинаково излучают мощную жизненную энергию. Исходя из этого, можно понимать, что образ красного быка олицетворяет мощь оружия героя, что становится способом идеализации его обладателя. Как отмечает В.Я. Пропп, культ огня тесно связан с культом лошади [Пропп 1986: 263]. Именно поэтому, конь фольклорного героя объективируется, как правило, в золотистом, светлом цвете. Теперь если учитывать, что «золото идет не от металла, а от огня» [Пропп 1986: 248], огненный или красный, гнедой конь понимается в таком же символическом контексте. Помимо этого, огненный конь может быть представлен достаточно редким описанием. Так, учитывая то, что змей существо водное и в то же время огневое [Пропп 1986: 129], в цикле Бадинокко образ гнедого коня сравнивается со змеей [Нарты III 2020: 55, 57]. Возможно это благодаря тому, что сакральная природа этих животных представляется связанной с огнем. Здесь красота героя сравнивается с красотой красных перьев птицы. Представленное сочетание также может служить характеристикой оружия воина, указывающей на военную доблесть его обладателя:

(Уэ) бзишпльурэ нэбэжэ (уэ-уа) кIэшэркьэ,

Ар хъаныдзэмэ треуа (уэ)нащIэркьэ. –

(Уа) [весь свой колчан] соколиных красноперых стрел,
На ханское войско опорожняет [АПВКВ 2014: 218, 221].

Подобным способом идеализации может стать кровь в описании героя: кровью залитый верх шлема [АПВКВ 2014: 289, 292], кровь, которая ручьем стекает со стального клинка, меча или с его запястья [АПВКВ 2014: 130, 134; 159, 219, 222], или же кровь, спекшаяся на спине коня [АПВКВ 2014: 265, 267]. Такие признаки представляют устрашающе грозный вид самого героя.

Таким образом, символическим обозначением красного цвета, помимо огня, может стать и кровь. Согласно теории Дж. Фрейзера, в исторической действительности некогда существовало представление о том, что животные и различные предметы могли быть вместилищем души человека, древние люди также верили в обитание души в плоти самого человека. И, как было отмечено многими учеными, на этих представлениях основываются мотивы «бестелесной души», «уязвимо-го места на неуязвимом теле» и др. Как известно, в мифологии многих народов душа героя (иногда и антагониста) находится в разных частях его тела, в волосах или крови, как его субститут, и, как правило, одолеть такого персонажа возможно только нейтрализовав вместилище его души. Во многих жанрах адыгского фольклора (героическом эпосе, богатырских сказках и др.) герой не только убивает своего антагониста, но и выпивает его кровь, и по мнению А.М. Гутова, это означало, что сила и могущество врага должны были непременно перейти в новую плоть и укрепить мощь выпившего [Нарты IV 2020: 133].

В адыгском эпосе мотивы «крови» и «красных слез» часто выступают символами непреодолимых бедствий и достаточно ярко ассоциируются с горестными переживаниями самого героя. Такой пример встречается в цикле Андемиркана. Негодование по поводу своего безвыходного положения герой выражает в образе «черной крови». Другими словами, символическое содержание образа крови усиливается цветовой символикой черного цвета:

*Хьыу и зэви,
Льы фьыццэ жагьур даушэ. –
<В речки> Хеу теснину*

Черная кровь неблагая да прольется! [АИГПП I 2019: 155, 158].

А.М. Гутов и В.Х. Кажаров выделяют мотив «красного пара», который стал символом массовой гибели [АПВКВ 2014]. Красный пар, как художественное воплощение боли стал олицетворением душ невинно убитых людей, парящих в ужасе над своим аулом. «...В ряде вариантов данный образ создает весьма выразительную смысловую параллель верх-низ» [АПВКВ 2014: 20]: наверху – туман или пар, который указывает на место горячих событий: (На эту Лабу, богом проклятую, <вверх> когда поглядим, <Видим> красный пар, словно туман, клубится); внизу, как результат таких чудовищных событий – трупы детей, уносимые рекой (На эту Лабу вниз (нижнем течении) когда поглядим, <Видим> детские трупы, что по этой Лаве широкой плывут [АПВКВ 2014: 317, 320]). Этот прием стал весьма устойчивым художественным выражением в ряде песен времен Кавказской войны.

Синий и голубой цвета соотносятся с небом и водой, как отражение небесного в земном. В связи с этим, эти цвета являются олицетворением вечности, постоянства, свободы, духовности и целомудрия, а также всего непостижимого, отвлеченного. Между тем, во многих случаях, синий цвет близок к черному, то есть цвету смерти и зла. Поэтому он получает сходные с черным цветом символические значения. В древности синий цвет был предвестником чего-то недоброго, он был связан с рядом обрядов и суеверий. В связи с этим в народном сознании многих народов, божественное проявление, цвет загадочности, который ассоциировался с бесовским миром [Мифы... I 1980; Мифы... II 1982]. Кроме того, это цвет женской стихии вод. В этом плане интересен символический образ воды (река, озеро, море или океан) в мировом фольклоре. Река является границей между мирами, олицетворяет опасность и ужас. Это вход в потусторонний, хтонический мир [Топоров 1982: 374, 376] Согласно мифологическим представлениям многих народов, именно в синем море обитают хтонические персонажи. Данное представление Л.В. Соколова объясняет тем, что синему цвету, как цвету водных глубин, дно которых находится под землей, отводится место в нижнем мире [Соколова 1995: 195]. Имея в виду эти предположения, можно заметить, схожие мотивы в адыгском мифологическом сознании. Символика воды в адыгских мифопоэтических воззрениях имеет полифункциональный характер, включающий как очищающие и регенерирующие тенденции, так и разрушительные и деструктивные [Кудаева 1986]. В адыгском пантеоне символика смерти заложена в образах представителей водной стихии. Это хтонические по своей природе божеества Псытха, богиня моря – Хы-Гуаша и богиня рек – Псыхо-Гуаша [Шортанов 1982: 164–165].

Как было отмечено выше, в системе цветовой символики, синий и голубой, помимо стихии воды, соотносятся еще и с символом неба. В этом плане в мировой мифологии выделяется владыка небесного царства или громовержец. Функции и мотивы в основе этого персонажа в пантеоне многих народов схожие. В адыгском мифопоэтическом сознании, самые ранние представления связаны с тем, что *Шьыблэ* – Шибле – владыка неба, бог грозы и молнии, позже он выполнял и функции бога дождя. Он безжалостен и к дьяволам, и к земным грешникам. Нет определенно-го представления об облике этого божеества. Но, в связи с тем, что его главным

атрибутом является молния, воспринимаемая как «огненное оружие», проявляющийся у разных народов в виде топора, меча и т.д., образ громовержца представлен красным цветом. Согласно символике красного цвета, он указывал на его небесное происхождение. Кроме того, это олицетворение его мощной карающей силы. Помимо этого, у многих народов, это светлый бог, с белой бородой, обозначающий божественный атрибут. Но, имея в виду связь этого образа с дождем, а значит, с небесными водами, наряду с его огневой сутью, выделяется его водное происхождение. Такая установка объясняет присутствие синего и голубого цвета в маркировке образа владыки. Кроме того, что это цветное обозначение неба и небесных вод, это еще олицетворение его грозной природы, соотносимый с опасностью и страхом перед ним. У некоторых народов молния в виде орудия бога, представлена в синем или голубом цвете. Как один из вариантов представлений адыгов об облике Шибле А.Т. Шортанов пишет один из рассказов информанта: «Шибле ездит по небу на вороном жеребце, раскаты грома происходят от ударов его копыт, а молния высекается этими ударами» [Шортанов 1982: 62].

В приведенных мифологических представлениях стихия воды, маркированная синим и голубым цветом, обозначены негативной символикой подземного мира. Так, в знаменитой цветовой триаде В. Тэрнера (белый-красный-черный), синий цвет примыкает к черному [Тэрнер 1983]. Как утверждает Н.Ф. Пелевина, «синий цвет первоначально обозначался как серый или черный» [Пелевина 1962: 151]. Согласиться с таким утверждением мы не можем, в виду того, что в адыгском фольклоре существует и противоположное отражение синего и голубого цветов. С той же стихией воды связан положительный образ *Мыгъэзэш* – Мигазеш (*Емызэш* – Емыгазеш) дочери Псытха-гуаши и матери *Узырмэс* – Озырмес и его брата-близнеца *Имыс* – Имыс (*Хымыш* – Хымыш). В адыгских мифологических нарративах прослеживается позитивная роль Мигазеш. Она представлена как благонравная красавица, которая вместе со своими сестрами выходила на сушу в облике голубки [Нарты II 2017]. Положительное начало в образе этого персонажа, с долей сомнения можно связать с тем, что ее мать – Псытха-гуаша земного происхождения. Она была наказана богом грома и грозы – Шибле. Скрываясь от его гнева в морских глубинах она стала морской богиней.

Поиски положительных аспектов неба, в его связи с цветовой символикой синего и голубого цветов, приводят нас, в первую очередь, к образу бога неба – *Уащхъуэ* – Уашхо. Это высокопочитаемый бог в адыгском пантеоне, имя которого образует клятвенные формы в адыгском фольклоре. Клятва данная именем Уашхо ни в коем случае не должна была быть нарушена [Мижаев, Паштова 2012].

Исходным выводом здесь может быть то, что противоречивые значения символов цвета, связаны с тем, что представления о хтоническом мире, как божественном начале сменяется на представление о верхнем мире. В связи с этим, символический анализ цвета необходимо проводить в его связи с историческим периодом развития сознания народа.

Согласно языковым и этническим особенностям адыгского народа синий, голубой, серый, иногда зеленый, в зависимости от контекстного использования взаимозаменяемы. Многие специалисты в области языкознания сошлись во мнении, что «синий и голубой цвет в кабардино-черкесском языке представлены тремя цветообозначениями: *щыху*, *къащхъуэ* и *щхъуантлэ*. *Щыху* обозначает синий цвет, *къащхъуэ* – чаще о небе, и *щхъуантлэ* – голубой» [Абазова 2009: 60–63]. *Щхъуантлэ* и его основа *щхъуэ*, может обозначать еще зеленый и серый. Серый определяется также цветообозначением *гъуабжэ*.

Такие принципы цветового выражения в адыгском языке поддерживаются культурной традицией фольклора, и органически вписались в его художественную поэтику. Учитывая специфику амбивалентной классификации цветовой символики, следует указать, что одни и те же цвета могут выражать абсолютно

противоположные значения. Так в оппозиции «свой» – «чужой», один и тот же цвет становится единицей положительного или негативного аспекта. Так, обозначение доблестного воина в героической песне может быть связано с символом голубого цвета. В песне о гибели Айтека Конокова оплакивается ряд погибших героев, которые вступили рядом с ним в бой. Войско врага во много раз превосходило по численности. Но храбрые юноши погибали, но не отступили. Образ такого воина отражен в образе «голубого всадника»: «Голубой наездник был отважен...» [АПВКВ 2014: 166]. В противоположной позиции противника, тот же цвет участвует в иносказательном выражении негативных эмоций. Мифологический образ иномирного персонажа определен голубым цветом: «смуглая женщина голубоглазая» – один из вербально-визуальных маркеров ведьмы [Мижаев, Паштова 2012]. Удивительная параллель отмечается в историко-героической песне: «*Къэзакъы нашхьомэ уряхъатыякIу... – Над казаками голубоглазыми <ты> распорядитель*» [АПВКВ 2014: 375, 376]. В сознании адыгов славяноязычный народ всегда воспринимался светлокочим со светлыми глазами и светлыми волосами. Такая визуальная характеристика в песне, возможно, результат подобных убеждений. К тому же, можно полагать, что это результат выражения весьма специфического этнического вкуса. Голубой цвет, как и ряд взаимозаменяемых цветов в адыгском языке, несут субъективно оценочный характер и зависит от контекста. Так, к примеру, использование серого цвета в маркировании адыгского воина отражает положительный аспект, тот же цвет в противоположном значении объективирует сторону противников. Атрибуты доблестного воина в сером цвете выражают его высокую духовность и отнесенность к позиции «свой». Так, меч из серой стали (*жырицхъуэжэ* джатэ) [АПВКВ 2014: 218, 221], серые кони, белохвостые (художественный прием идеализации героя) (шы *гъуабжэ* кIэхухэр) [АПВКВ 2014: 471, 472], или серые кони высокой породы, на которых герои мчатся в бой (лоу *гъуабжэжъхэр* или хуарэ *цыпаицхъуэр*) [АПВКВ 2014: 255, 261, 444, 445], его серая черкеска [АПВКВ 2014: 471, 472] – являются посредством идеализации адыгского воина. Теперь та же самая серая черкеска в позиции противоположной стороны, представляет негативные эмоции. В песне «Плач о Конокове Етече», образ серой черкески пепельного цвета, указал на малодушие воинов, оставивших в бою своего соратника. Серая черкеска здесь символизирует атрибут адыгского воина, а его пепельный цвет олицетворяет угасание огня, обозначающего мощь и силу. Таким образом, выражается отсутствие силы духа [АПВКВ 2014: 255, 261].

Как и у адыгов в некоторых случаях, у древних китайцев понятие синего и зеленого были взаимозаменяемы, потому что зеленый рассматривался как продолжение синего. Светлый зеленый цвет – это цвет природной среды, мира, рая. Он обладает продуцирующей символикой и символикой жизни. В то же время в темный серо-зеленый цвет заложена символика смерти. В мифологии многих народов это сфера «чужого» пространства, где обитает нечистая сила [Мифы... I 1980; Мифы... II 1982].

Так, смысловую отнесенность к противоположному лагерю противников зеленый цвет получает отрицательную эстетическую оценку. Зеленые пушки завоевателей, или повозки, на которых возят эти пушки в фольклоре адыгов, передает символика смерти, заложенная в темный оттенок зеленого цвета. Это художественный протест против оружия убийства. В сознании адыгского народа оно, конечно же, возбуждает негативные эмоции. Эти эмоции объективированы в ряде песен историко-героического эпоса [АПВКВ 2014: 139, 242 и т.д.]:

Топ цхъуантIэжэ гуцэми лъыпсыр къытожыр (жи) –

С зеленых пушек недобрых (гуша) кровь стекает (жи) – поется в песне «Сетования хаджиретов [АПВКВ 2014: 325, 327].

Негативная сторона зеленого цвета усиливается символикой крови, указывающая на кровь народа, которую проливает это оружие. В таких песнях зеленый цвет нередко заменяется негативным содержанием черного цвета:

Топ фЫцІэжъ гуцэр кыыздагъэпс –

<Там> пушки черные грозные заряжают» [АПВКВ 2014: 422, 423]. Символика смерти также заложена в зеленой повозке самого царя. Образ царя в военное время, соотносится со злом и бедствиями, что отразилось в художественной интерпретации адыгской песни:

(Уа-ра) пацтыхьыжъмэ (ар) и гуимэ цхъуантІэхэри (сэрмахуэ)... –

(Уа-ра) царя проклятого (ар) крытую повозку зеленую (сармахо)... [АПВКВ 2014: 246, 249].

В песне «Бора Могучий» неузнанный сын героя, которого он выдает за врага, описывается как нечто «черное» [ФАИГИКБНЦРАН: Кол. 638-ф/5. Кас. 968. Т. 3]. В черном цвете, как предвестнике надвигающейся беды, отражены и атрибуты Бора Могучего, который собирается на злосчастную встречу. В других вариантах обнаруживается цветовой код синего, серого и зеленого цветов, которые в адыгском тексте выражают цветообозначения *къащхъуэ* и *цхъуантІэ*. В рассматриваемом варианте эти цвета становятся объективацией недобрых событий и смерти:

Хьэрэмэ Іуащхъэжъым сокІуалІэр.

Си щІакІуэ цхъуантІэр соубгъу... –

К Харома горе подъезжаю.

Мою бурку зеленую расстилаю... (*Перевод – наш*) [ФАИГИКБНЦРАН: Кол. 638-ф/5. Кас. 968].

Приведем другой вариант этой песни:

Си щІакІуэ къащхъуэ мыгъуэр иджы нызоубгъури,

Аей, си щІакІуэ къащхъуэ мыгъуэм иджы сытозашэри. –

Мою бурку голубую, иджы, расстилаю,

Аей, на моей синей бурке, иджы, томлюсь (*Перевод – наш*) [ФАИГИКБНЦРАН: Кол. 646-ф/6. Кас. 891].

Символика серого цвета представлена в другом варианте этой же песни:

Си шы гъуабжэжыри кыщІызош –

Моего коня серого вывожу... (*Перевод – наш*) [ФАИГИКБНЦРАН: Кол. 667-ф/8. Кас. 606].

Мотив жизни, заложенный в зеленый растительный мир отмечается в чудесной золотой свирели *Аиэмэз – Ашамаз*. Музыка, которая льется с белого конца свирели, способна оживить мир, расцветает все вокруг красивой зеленью, множится скот. Его черный конец уничтожает все вокруг, высыхает зелень и погибают животные [Нарты 1974: 259]. Цветовая символика, связанная с этим музыкальным инструментом, отражает положительный аспект значения зеленого цвета. В него вкладывается символика жизни. Идея жизни заложена в сюжетах других нартских сказаний. В «Песне старых нартов» («*Нартыжъ уэрэд*») [НПИНА I 1980] зеленый растительный мир становится ассоциацией возрождения нартской земли.

Как мы видим, в адыгском языке в зависимости от контекстного использования голубой, синий, зеленый и серый цвета могут быть взаимозаменяемы. В поэтическом творчестве народа обнаруживается амбивалентный характер этих цветообозначений. Подчиняясь этико-эстетическим принципам народа, эти цвета, как и красный, могут занимать позиции, как белого, так и черного цветов. Желтый, и соответственно, золото и шелк, как его цветовые обозначения примыкает к белому цвету – добра.

Такая установка, в принципе, отвечает делению цвета по космическим зонам. По наблюдениям Л.В. Соколовой «небесная область богов – белого цвета, земная область людей, мир жизни – красного цвета (природный мир земли символизировал зеленый цвет), нижний мир делился на водные глубины – синего цвета, и подземный мир, преисподнюю – черного цвета».

Стоит только отметить, что это весьма условная система цветовой характеристики:

1. Нельзя свести в определенную схему, исторически сложившиеся у многих народов системы цветовой символики. На разных стадиях развития культуры меняется представление о мире, меняются и эстетические вкусы народа.

2. Кроме того, каждый народ в значение цвета вносит свой смысл. Каждый цвет фольклорной традиции имеет свое символическое значение в зависимости от контекстного использования и специфики этнического сознания.

3. Также, нужно учитывать субъективный характер изложения действительности отдельного сказителя.

Таким образом, один и тот же цвет в адыгском фольклоре, в частности, в историко-героическом эпосе, может содержать противоположные смысловые явления. Наряду с негативной символикой он может выражать высшую степень какого-либо качества. Так символика крови, как цветовое обозначение красного цвета, становится олицетворением силы и мощи, и в то же время это символ смерти, несчастья и эмоциональных переживаний. Кроме того, амбивалентному характеру цветовой символики в историко-героическом эпосе способствует его смысловая отнесенность к одному из лагерей в оппозиции «свой-чужой». Можно с уверенностью говорить лишь о доминирующей функции, но никак не о однозначной в своем проявлении.

Список источников

Абазова 2009 – *Абазова К.В.* Языковая репрезентация цвета в кабардино-черкесском, английском и русском языках // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2009. № 3. С. 60–63.

Агапкина 2002 – *Агапкина Т.А.* Золото // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. – М.: Междунар. отношения, 2002. 512 с. <https://inslav.ru/publication/slavjanskaja-mifologija.3>.

АИГПП I 2019 – Адыгские историко-героические песни и предания. Т. I. Андемиркан / сост., перев., коммент. М.Ф. Бухурова, А.М. Гугова., Л.С. Хагожеевой. Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. 430 с.

АПВКВ 2014 – Адыгские песни времен кавказской войны. Изд. 2-ое, дополненное / под общ. ред. В.Х. Кажарова. Нальчик: Печатный двор, 2014. 656 с.

Бухуров 2017 – *Бухуров М.Ф.* Русско-адыгские параллели в фольклорных формулах женской красоты // Вестник КБИГИ. 2017. № 3 (34). С. 115–123.

Кагаров 1913 – *Кагаров Е.Г.* Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб.: Сенатская типография, 1913. 326 с.

Кудаева 1986 – *Кудаева З.Ж.* Паремнологические жанры адыгского фольклора: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1986. 21 с.

Мижаяев, Паштова 2012 – *Мижаяев М.И., Паштова М.М.* Энциклопедия адыгской мифологии. Черкесск–Нальчик–Майкоп: КБИГИ–АГУ–АРИГИ, 2012. 460 с.

Мифы... I 1980 – Мифы народов мира. Энциклопедия: в двух томах / гл. ред. С.А. Токарев. Т. I. М.: Сов. энцикл., 1980. 671 с.

Мифы... II 1982 – Мифы народов мира. Энциклопедия: в двух томах / гл. ред. С.А. Токарев. Т. II. М.: Сов. энцикл., 1982. 719 с.

Нарты 1974 – Нарты. Адыгский героический эпос / сост. А.И. Алиева, А.М. Гадагатль, З.П. Кардангушев. М.: Наука, 1974. 415 с.

Нарты I 2012 – Нарты. Адыгский эпос. Т. 1. Ранние циклы эпоса. Сосруко / под общ. ред. А.М. Гугова. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. 423 с.

Нарты II 2017 – Нарты. Адыгский эпос. Т. 2. Озырмес. Батраз. Ашамез / гл. ред. А.М. Гугов. Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 468 с.

Нарты III 2020 – Нарты. Адыгский эпос. Т. 3. Бадиноко. Шауей / сост., перев., коммент. М.Ф. Бухурова, А.М. Гугова и др. Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2020. 582 с.

Нарты IV 2020 – Нарты. Адыгский эпос. Т. 4. Разрозненные сказания / сост., перев., коммент. М.Ф. Бухурова, А.М. Гутова и др. Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2020. 420 с.

НПИНА I 1980 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. В 4-х томах / сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев; под ред. Е.В. Гиппиуса. Т. I. М.: Сов. композитор, 1980. 223 с.

НПИНА III-1 1986 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. В 4-х томах / сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев; под ред. Е.В. Гиппиуса. Т. III. Ч. 1. М.: Сов. композитор, 1986. 264 с.

НПИНА III-2 1990 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. В 4-х томах / сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев; под ред. Е.В. Гиппиуса. Т. III. Ч. 2. М.: Сов. композитор, 1990. 485 с.

Пелевина 1962 – *Пелевина Н.Ф.* О соотношении языка и действительности (обозначение красного и синего цветов) // Филологические науки. 1962. № 2. С. 149–152.

Пропп 1986 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 365 с.

Соколова 1995 – Соколова Л.В. Цвет в «Слове» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 томах. Т. V. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. <http://feb-web.ru/feb/slovinc/es/es5/es5-1951.htm>.

Топоров 1982 – *Топоров В.Н.* Река // Мифы народов мира. Т. II. М.: Сов. энцикл., 1982. 719 с.

Тэрнер 1983 – *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 227 с.

ФАИГИКБНЦРАН – Фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

Шортанов 1982 – *Шортанов А.Т.* Адыгская мифология. Нальчик: Эльбрус, 1982. 194 с.

References

АВАЗОВА К.В. *Yazykovaya reprezentaciya cveta v kabardino-cherkesskom, anglijskom i russkom yazykah* [Linguistic representation of colour in kabardino-chircassian, english and russian languages]. IN: *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of Adyghe state university. Series 2. Philology and art history. № 3. 2009. P. 60–63. (In Russian)

АГАПИНА Т.А. *Zoloto* [Gold]. IN: *Slavyanskaya mifologiya* [Slavic mythology]: Encyclopedic dictionary. Edition 2nd. Moscow: International relations, 2002. 512 p. <https://inslav.ru/publication/slavyanskaya-mifologiya.3>. (In Russian)

Adygskie istoriko-geroicheskie pesni i predaniya. T. I. Andemirkan [Adyghe historical and heroic songs and legends. Vol. I. Andemirkan] / compilation, translation, comments by M.F. Bukhurov, A.M. Gutov, L.S. Hagozheyeva. Nalchik: Editorial and publishing department of the IHR KBSC RAS, 2019. 430 p. (In Adyghe and in Russian)

Adygskie pesni vremen kavkazskoj vojny [Adyghe songs of the times of the Caucasian war]. Edition 2nd, augmented / editor-in-chief V.H. Kazharov. Nalchik: Printing yard, 2014. 656 p. (In Adyghe and in Russian)

БУКХУРОВ М.Ф. *Russko-adygskie paralleli v fol'klornykh formulah zhenskoy krasoty* [Russian-adyghe parallels in folklore formulas of female beauty]. IN: *Vestnik KBIGI* [KBIHR Bulletin]. 2017. № 3 (34). P. 115–123. (In Russian)

КАГАРОВ Е.Г. *Kul't fetishej, rastenij i zhivotnyh v Drevnej Grecii* [The cult of fetishes, plants and animals in Ancient Greece]. SPb.: Senate printing house, 1913. 326 p. (In Russian)

КУДАЕВА З.Ж. *Paremiologicheskie zhanry adygskogo fol'klora* [Paremiological genres of the adyghe folklore]: abstract of dissertation ... of the candidate of philological sciences. Moscow, 1986. 21 p. (In Russian)

МИЗНАЕВ М.И., ПАСХОВА М.М. *Enciklopediya adygskoj mifologii* [Encyclopedia of adyghe mythology]. Cherkessk–Nalchik–Maykop: KBIHR–ASU–ARIHR, 2012. 460 p. (In Russian)

Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world]: encyclopedia: in 2 volumes. T. I / editor-in-chief S.A. Tokarev. Moscow: Sovyet encyclopedia, 1980. 671 p. (In Russian)

Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world]: encyclopedia: in 2 volumes. T. II / editor-in-chief S.A. Tokarev. Moscow: Sovyet encyclopedia, 1982. 719 p. (In Russian)

- Narty. Adygskij geroicheskiy epos* [Narts. Adyghe heroic epic] / compiled by A.I. Alieva, A.M. Gadagatl, Z.P. Kardangushev. Moscow: Science, 1974. 415 p. (In Adyghe and in Russian)
- Narty. Adygskiy epos. T. 1. Ranniye tsikly eposa. Sosruko* [Narts. Adyg epic. Vol. 1. Early cycles of the epic. Sosruko] / edited by A.M. Gutov. Nalchik: LLC «Tetragraf», 2012. 424 p. (In Adyghe and in Russian)
- Narty. Adygskiy epos. T. 2. Ozyrmes. Batraz. Ashamez* [Narts. Adyg epic. T. 2. Ozyrmes. Batraz. Ashamez] / editor-in-chief A.M. Gutov. Nalchik: IHR KBSC RAS, 2017. 468 p.
- Narty. Adygskiy epos. T. 3. Badinoko. Shauey* [Narts. Adyg epic. Vol. 3. Badinoko. Shauey] / compilation, translation, comments by M.F. Bukhurov, A.M. Gutov, etc.; editor-in-chief A.M. Gutov. Nalchik: Editorial and publishing department of the IHR KBSC RAS, 2020. 582 p. (In Adyghe and in Russian)
- Narty. Adygskiy epos. T. 4. Razroznennyye skazaniya* [Narts. Adyg epic. Vol. 4. Scattered legends] / compilation, translation, comments by M.F. Bukhurov, A.M. Gutov, etc. Nalchik: Editorial and publishing department of the IHR KBSC RAS, 2020. 420 p. (In Adyghe and in Russian)
- Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov* [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians]. In 4 volumes / compilers V.H. Baragunov, Z.P. Kardangushev; edited by E.V. Gippius. Vol. I. Moscow: Soviet composer, 1980. 223 p. (In Russian)
- Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov* [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians]. In 4 volumes / compilers V.H. Baragunov, Z.P. Kardangushev; edited by E.V. Gippius. Vol. 3. Ch. 1. Moscow: Soviet composer, 1986. 264 p. (In Russian)
- Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov* [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians]. In 4 volumes / compilers V.H. Baragunov, Z.P. Kardangushev; edited by E.V. Gippius. Vol. 3. Ch. 2. Moscow: Soviet composer, 1990. 485 p. (In Russian)
- PELEVINA N.F. *O sootnoshenii yazyka i dejstvitel'nosti (oboznachenie krasnogo i sinego cvetov)* [On the relationship between language and reality (designation of red and blue colors)]. IN: *Filologicheskie nauki* [Philological sciences]. 1962. № 2. P. 149–152. (In Russian)
- PROPP V.YA. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [The historical roots of fairy-tale]. Leningrad: Publishing house of Leningrad state university, 1986. 365 p. (In Russian)
- SOKOLOVA L.V. *Cvet v «Slove»* [Colour in the «Word»]. IN: *Enciklopediya «Slova o polku Igoreve»* [Encyclopedia «Words about Igor's regiment»]: in 5 volumes. Vol. V. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1995. <http://feb-web.ru/feb/sloven/ес/ес5/ес5-1951.htm>. (In Russian)
- TOPOROV V.N. *Reka* [River]. IN: *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world]: encyclopedia: in 2 volumes. T. II. Moscow: Sovyet encyclopedia, 1982. 719 p. (In Russian)
- TURNER V. *Simvol i ritual* [Symbol and ritual]. Moscow: Science, 1983. 227 p. (In Russian)
- Fonoarkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Phonoarchive of the Institute of humanitarian researches of the Kabardino-Balkarianscientific center of the Russian academy of sciences]. (In Adyghe)
- SHORTANOV A.T. *Adygskaya mifologiya* [Adyghe mythology]. Nalchik: Elbrus, 1982. 194 p. (In Russian)

Информация об авторе

Л.С. Хагожева – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

L.S. Hagozheeva – candidate of science (philology), junior researcher of the sector of adyghe folklore.

Статья поступила в редакцию 07.12.2021; одобрена после рецензирования 13.12.2021; принята к публикации 24.12.2021.

The article was submitted 07.12.2021; approved after reviewing 13.12.2021; accepted for publication 24.12.2021.

Научная статья
УДК 821.352.3
DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-125-133

**ПРОБЛЕМА КОМИЧЕСКОГО И ОСОБЕННОСТИ САТИРЫ И ЮМОРА
В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(НА ПРИМЕРЕ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ПРОЗЫ)**

Елена Нартшаевна Бетуганова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, betuganovaelena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7969-4564>

© Е.Н. Бетуганова, 2021

Аннотация. Статья посвящена исследованию сатирических и юмористических рассказов. Рассматриваются произведения Б. Журтова, Б. Гаунова, Ж. Даурова, Р. Жамбековой. В результате проведенного исследования выявлены пути и способы создания художественного образа комического героя, изучены проблемы создания сатирического образа, определена национальная специфика комического и художественно-изобразительных средств его воплощения, выявлены особенности поэтики юмора. Делается вывод, что постсоветская литература, с одной стороны, продолжила традиции смеховой культуры, существовавшие в литературе прошлых эпох, а с другой, в ней появились новые черты и идеи.

Так же в работе отмечено, что у юмора и сатиры есть некоторые общие черты: они и в идейно-эмоциональной их направленности – в насмешливом отрицании комического. Но есть существенное различие как в юмористическом и сатирическом смехе, как и в том, что это различие порождает, – в самой комичности изображаемой жизни».

Комический художественный текст означает специфическую форму функционирования языковой системы, стилистических приемов и средств, которые при этом несут комический эффект.

Ключевые слова: кабардино-черкесская литература; рассказ, проза постсоветского периода; комическое, ирония; сатира; юмор

Для цитирования: Бетуганова Е.Н. Проблема комического и особенности сатиры и юмора в контексте постсоветской литературы (На примере кабардино-черкесской прозы) // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-2 (51). С. 125–133. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-125-133

Original article

**THE PROBLEM OF COMIC AND SATIRE AND HUMOR
IN THE CONTEXT OF POST-SOVIET LITERATURE
(USING THE EXAMPLE OF KABARDINO-CIRCASSIAN PROSE)**

Elena N. Betuganova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, betuganovaelena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7969-4564>

© E.N. Betuganova, 2021

Abstract. The article is devoted to the study of satirical and humorous stories. Discusses the works of B. Gurtov, B. Ghunowa, J. Daurova, R. Jamaicaway. As a result of the

study, the ways and means of creating an artistic image of a comic hero are revealed, the problems of creating a satirical image are studied, the national specificity of the comic and artistic-visual means of its embodiment is determined, the specificity of the poetics of humor is revealed. It is concluded that the post-soviet literature, on the one hand, continued the tradition of laughing culture that existed in the literature of past eras and on the other, it has new features and ideas. Comic always funny, always a laugh of some kind. In most cases, it does not go beyond the individual and its focus is not generalizing. Often, however, the comic arises in the kabardino-chircassian story on the basis of the generalizing understanding of these or those deeper and essential features and the relations of reality. Humor and satire have some common features: they are in their ideological and emotional orientation – in the mocking denial of the comic. But there is a significant difference in both humorous and satirical laughter, as well as in what this difference generates – in the very comicality of the life depicted». Comic literary text means a specific form of functioning of the language system, stylistic techniques and means, which at the same time have a comic effect.

Keywords: kabardino-chircassian literature, short tale, prose of post-soviet period, comical irony, satire and humor

For citation: Betuganova E.N. The problem of comic and satire and humor in the context of post-soviet literature (Using the example of kabardino-circassian prose). Vestnik KBIGI = KBINR Bulletin. 2021; 4-2 (51): 125–133. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-125-133

Юмор возникает в процессе обобщающего эмоционального осмысления комической внутренней противоречивости человеческих характеров – несоответствия реальной пустоты их существования субъективным претензиям на значительность. Гегель считал особенно комическими такие действия, в которых значительные цели осуществлялись с видимостью большой серьезности...

Вслед за Гегелем Н.Г. Чернышевский почти так же определил комическое – как внутреннюю пустоту, прикрывающуюся внешностью, имеющей притязание на содержание и реальное значение [Поспелов 1971: 130]. Причем, комичны только такие притязания на значительность, которые сам герой не осознает как ложные, которые осуществляет со всей искренностью и непосредственностью. Действия человека, выражающие в себе сочетание важности и пустоты его жизни, тем более комичны, тем менее сам он отдаёт в этом себе отчет, чем в большей степени он уверен в полной правомерности своих притязаний и нимало не сомневается в них. Иначе говоря, человек тем более смешон, чем более серьезен в своих комических действиях. С особенной отчетливостью это проявляется в художественной литературе – так как литература творчески типизирует социальные характеры людей и через это выявляет их существенные особенности и свойства с гораздо большей силой и законченностью, чем это бывает в жизни» [Поспелов 1971: 132].

Б. Кагермазов для достижения комического эффекта в коротких рассказах «Укьызэрынэжыну зыщІ» («Помни, к чему вернешься»), «Іэтыныр зэмызэгъ-хэр» («Кого портит карьера»), «Куэзырыр мэтхэзусыхэ» («Карты жалуются»), «Щхэщытхъу» («Хвастун»), «ЗекІуапІэ хъунуш» («Место станет проходимым»), «Бгыщхэм тель мывэжъ» («Камень на вершине горы») использует прием несоответствия формы содержанию или несоответствия нрава его внешним чертам. Чтобы создать яркие художественные образы, автор использует такой художественный прием как олицетворение. Маленькая речка в рассказе Б. Кагермазова «Укьызэрынэжыну зыщІ» («Помни, к чему вернешься»), чьи объемы увеличились за счет дождя, стала хвастаться своими силами и возможностями: «Флягъурэ сэ сиІэ кьарур! – жеІэ псыІэрышэм, и щхэ щытхъужу – СльэмыкІын щыІэкъым! Сытри схуэкътэнущ! Сытри схухэжъэнуш!..» [Кагермазов 2006: 212] – («Смотрите, какие у меня силы! – хвалит себя речка. – Нет ничего неподвластного мне! Все смогу разрушить! Все смогу снести» – рассуждает загордившаяся речка!). Но самое смешное, что она искренне верит, что стала такой сама по себе, а дождь здесь ни при чем. В коротком рассказе внутреннее противоречие возникает между тем, какой речка является на самом деле, и тем, какой она сама себе представляется.

Игральные Карты в другом рассказе того же автора «Куззырыр мэтхэуэсыхэ» (Карты жалуются) возмущены тем, что их пенсия очень незначительна, несмотря на то, что всю жизнь они только то и знали, что играли в карты. Самое смешное в рассказе – их искреннее негодование по поводу того, что праздный образ жизни, оказывается, не предполагает высокой пенсии. Они обманываются в своих силах и способностях, претендуют на значительность, которой у них нет на самом деле.

«В диалогах «Филеб» и «Протагор» Платон указал как причину смешного завышенную самооценку. Сущность смеха философ соотносит с его причиной – неверной самооценкой. Так, один, – пишет он в диалоге «Филеб», – хвалится своим богатством, другой – красотой тела или добродетельностью, пребывая в заблуждении об истинном положении вещей» [Комическое...: эл. ресурс]. Так, в рассказе Камень, расположившийся на самой верхушке горы, в рассказе Б. Кагермазова «Бгыщхэм тель мывэжь» («Камень на вершине горы»), уверен, что его никто и никогда не сможет сдвинуть. «Сэ зыми сиггэхъеифынукуьым, быдэу сыщылъщ, – жиЭрт бгы шыгум тель Мывэжьым» [Кажермазов 2006: 216] (Меня никто не может сдвинуть с места, – рассуждал Старый Камень, который лежал на самой вершине). Однако, неожиданно подувший сильный ветер снес камень, а вместе с ним встречающиеся на пути камешки, которые впоследствии закрыли его собой, вследствие чего он и вовсе потерялся. Таким образом, автор показал, что чрезмерная самоуверенность не всегда бывает оправданной.

«Комическое всегда по-своему смешно, всегда вызывает смех особого рода. В большинстве случаев он не выходит за пределы индивидуального и его направленность не имеет обобщающего характера. Нередко, однако, комическое возникает на основе обобщающего осмысления тех или иных более глубоких и существенных особенностей и отношений действительности». Неслучайно широкий расцвет сатиры и юмора приходится обычно на переломные эпохи: расширяется спектр осмеиваемых явлений, ирония несет на себе отпечаток времени. Стоит вспомнить слова Д.С. Лихачева относительно того, что «сущность смешного остается во все века одинаковой, однако преобладание тех или иных черт в «смеховой культуре» позволяет различать в смехе <...> черты эпохи» [Лихачев: эл. ресурс].

В рассказе М. Кармокова «Иужьрей удж» («Последний парный танец») [Кармоков 1991: 41] нашел свое отражение дефицит на потребительском рынке, который достиг пика в период «перестройки». Принятие законопроекта, разрешающего индивидуальную трудовую деятельность, в результате привело к тому, что население активно включилось в предпринимательскую деятельность. Причем наиболее популярной стала отрасль торговли. Небольшие начальные вложения, короткий период оборота и высокая прибыль оказывали магическое воздействие на людей. М. Кармоков иронизирует над особенностями психологии людей, работающих в торговле, у которых в жизни только одна цель: заработать как можно больше денег. Волшебное слово «ГУМ», случайно произнесенное приезжими москвичками, произвело неизгладимое впечатление на женщин, торгующих на баксанском базаре. Желание стать экспортером и заработать баснословные деньги делали свое дело: они были готовы сделать все, чтобы наладить связь с теми, кто имеет хоть какое-то отношение к государственному универсальному магазину, уникальному торговому комплексу Москвы: развлекать, угощать своих гостей самыми изысканными национальными блюдами. Каково же было разочарование торговцев, когда, как оказалось, москвички вовсе и не работали в ГУМЕ. Весь энтузиазм на этом сразу и закончился.

В рассказе А. Камергоева «Хабала и Темиркан» («Хьэбалэрэ Темиркьанрэ») автор высмеивает тех, кто списывает колхозный урожай на потрепанного голубя Дамаго и отощавшую мышь Едзуго. Далее А. Камергоев, развивая свои мысли, вводит вставной рассказ, про то, как сторож пощадил пойманного им жителя села, который крал сено; автор не ставит себе цель – раскрыть, описать характер

сторожа. Этот художественный прием позволяет ему обратить внимание читателя на еще одну удивительную примету времени: сторож проявил такое благородство неслучайно, попытка наказать ворующих работников, могла быть чревата последствиями, не выгодными для сторожа, ведь обделенный народ мог «заговорить»... Подтверждением стали главные слова сторожа Хабалы: «Сэ си цхъэкIэ нэхъ къызоцтэ дамагуэ сымэ хьэлэлу гъавэ Iэбжьыб ядэсхэмэ...» [Камергоев 2007: 27] – «Я лично предпочитаю делиться».

«При всей идеологически-обобщающей направленности ирония все же может быть субъективной. По отношению к художественной литературе такое понимание иронии развивал виднейший теоретик немецкого романтического направления Фридрих Шлегель, который полагал важнейшим свойством романтической литературы ее свободу, внутреннюю, творческую, выражающуюся в господстве писателя над изображаемым» [Поспелов 1971: 135]. Такого рода субъективная ирония находит свое отражение и в творчестве кабардино-черкесских писателей. В рассказе «Мазэр иубыдакъым» – («Лунного затмения не будет») Б. Журтова смешные формы принимает образ тещи, вернее тещин язык – море сплетен, обращенных к зятю. Вскоре сплетни о зяте вытеснили другие, более значимые и актуальные. Главным пророчеством тещи, весомой частью ее нескончаемых сплетен стал слух о возможном затмении. Однако ее предсказаниям не суждено было сбыться. Неслучившееся затмение носит в рассказе символический характер – беспочвенно распускаемые слухи. В такой ироничной форме автор протестует против всего отрицательного, что несет в себе поток слухов.

В другом своем в рассказе «Телефон плъыжь» («Красный телефон») автор высмеивает ревнивую женщину. По причине ложных предположений жена, которой постоянно названивает незнакомка, представившаяся подругой мужа, предъявляет претензии своему мужу, которые не приносят зла никому, а скорее вредят ей самой. Из-за необоснованной ревности портятся отношения с мужем, а вместе с тем прекращаются ничего не значащие звонки. Ревность, не контролируемая разумом, разрушает любовь, семью.

Иронический характер носит название рассказа. Одно из символических значений красного цвета – опасность. Автор иронизирует, употребляя этот «тревожный» цвет, в смысле обратном буквальному.

«Подобного рода субъективная ирония по мнению многих литературоведов, могла отвлекать от истинного пафоса творчества. В соответствии с этой теорией могли создаваться произведения и правдивые, и ложные по своей идейно-эмоциональной направленности. Ирония по отношению к человеческим характерам, когда она возникает в непосредственном осмыслении их объективной существенной комической противоречивости, когда она преодолевает тем самым и в самой себе и в своем предмете все личное и случайное, получает идейно-обобщающее значение. Тогда она становится основой юмора как пафоса творческой мысли художника и его произведения» [Поспелов 1971: 138].

«В ходе рассуждений возникает вопрос, отличаются ли друг от друга сатирические и юмористические рассказы и можно ли говорить о них как о двух различных видах идейно-эмоционального отношения к жизни? У Гоголя есть интересное рассуждение об этих существенных различиях в самом содержании смеха. Рассуждая о существенных различиях в самом содержании смеха, в «Театральном разъезде» после представления новой комедии Гоголь писал: «Нет, смех значительнее и глубже, чем думают. Не тот смех, который порождается временной раздражительностью, желчным, болезненным расположением характера; не тот так же легкий смех, служащий для праздного развлечения и забавы людей; – но тот смех... – который углубляет предмет, заставляет ярко выступить то, что проскользнуло бы...» [Гоголь V 1949: 169]. Гоголь прав. Бывает смех, не только субъективно отрицающий жизнь, но обладающий «проникающей силой», способный «углубляться» в отрицательные свойства жизни.

Белинский правильно писал о наличии «двух видов юмора». «Есть гумор спокойный в своем негодовании, добродушный в своем лукавстве». «Но есть другой гумор, грозный и открытый». Почему же в одном случае возникает смех «добродушный в самом своем лукавстве», а в другом – «смех грозный, ядовитый и беспощадный» [Белинский: эл. ресурс]. При этом нужно отметить, что произведения сатирической направленности могли потерять связь с комизмом изображаемого вследствие силы своего обличительного пафоса, проникающего в такие отношения жизни, которые находятся глубже той сферы, в которой может проявляться комизм изображаемых характеров. Именно смех пронизывающий, углубляющий предмет составляет неотъемлемое свойство сатиры. Основная особенность структуры сатирических образов заключается в том, что люди в них рисуются одной какой-либо стороной, ведущей и отрицательной, а индивидуализируются подчеркнутым преувеличением этой стороны. Подобным образом писатель в сатирических образах стущает суть изображаемого и тем самым достигает обличительности.

Таковы рассказы Б. Гаунова «Тхъэмщыгъуныбэ» («Колбаса»), М. Кармокова «Аращ-тIэ узырымышыхумэ» (Вот, что выходит, если не знакомы). Главный герой рассказа Батута – ярко выраженный карьерист. Основная цель, к которой стремится его семья, – чтобы их каждое утро подвозил на своем ГАЗ 24 начальник, это заветная мечта супружеской четы. Жена главного героя – Гуашатата лично готовит много блюд, чтобы накормить Инала Хатимыча, начальника мужа, горячим завтраком. На пути к достижению своей цели они готовы на все. Все то, что имеет отношения к карьере, их мало интересует. Даже больная, старенькая мать, которая доживает свой век в полном одиночестве. Батута расстроен тем обстоятельством, что начальник Инал Хатимыч стал свидетелем его встречи с соседом Хасетом, который мало того, что не обратился к нему по отчеству, так еще и пристыдил его, что тот не заботится о своей одинокой матери, которой необходима помощь [Гаунов 1996: 35].

М. Кармоков продолжает мысли Б. Гаунова в рассказе «Аращ-тIэ узырымышыхумэ» (Вот, что выходит, если не знакомы): директор отпускает своих подчиненных на похороны, руководствуясь их социальным статусом. Отказавшийся отпустить своего подчиненного начальник, изменил свое решение, как только узнал, что он близкий родственник высокопоставленного чиновника. Писатели-сатирики, раскрывая сущность изображаемого, обращаются к форме художественного преувеличения, которая в той или иной мере нарушает внешнее правдоподобие изображаемого объекта (главный герой угощает вкусными лакомствами начальника, но при этом равнодушен к матери, которая живет впроголодь; директор учреждения отпускает сотрудников на похороны в соответствии с их социальным статусом).

Произведения сатирической направленности теряют связь с комизмом изображаемого и по другой причине. Большое значение имеют творческие традиции того или иного писателя, и степень нормативности и реализма отражения жизни, и тот или иной литературный род, и жанр произведения. В кабардино-черкесской литературе рубежа XX–XXI вв. образуются новые стилевые течения, происходит жанровая трансформация, встречаются короткие шуточные рассказы с неожиданной и остроумной концовкой по своему композиционному построению, переключаясь с басенным жанром. В значительной мере они состоят из отвлеченно-моралистических рассуждений, а пороки порицают настолько прямолинейно и представляют их в столь обобщенных и слабо индивидуализированных персонажах, что в изображении их не находится места для комических сцен и деталей. Морализм (обязательный для басни) и комизм плохо совместимы, для комизма нужны свежие сюжеты, для морали – привычное, понятное.

Произведения А. Камергоева «ЗэIущIэшхуэ» («Большое собрание»), Б. Кагермазова «Мывэжь» («Старый камень»), «Укызыэрынэжыну зыщI» («Помни, к чему

вернешься»), «Бажэ щэныфІэ» – («Скромная лиса»), «Шыд-унафэщІ» («Осел-правитель»), Р. Жамбековой «Дзыгъуэ цІыкІу» («Мышка»), «Ди гъунэгъум я жэмыжыыр» («Соседская корова») – это короткие рассказы с с прямо сформулированным моральным выводом, придающим рассказу дидактико-аллегорический смысл. В конце или в начале, как и в басне, содержится краткое нравоучительное заключение – так называемая мораль. Главные действующие лица – животные. За рассказом о вымышленных персонажах (чаще всего о зверях) скрываются нравственные и общественные проблемы. Основные действующие лица рассказа А. Камергоева «ЗІущІэшхуэ» («Большое собрание») – это звери, которые олицетворяют представителя какой-либо социальной группы: Къанжэ (сорока) это – высший слой; бзу (птица) – средний, шындырхъуо (ящерица) – низший. Птица с легкостью способна поглотить ящерицу, но при этом уступает сороке. Писатель представляет тип приспособленца, «способного рождаться много раз». Рассказ характеризует современный мир, где правят чиновничество и жесткая социальная иерархия, которые и определяют все поведение человека. В конце рассказа приводится краткое нравоучительное заключение – так называемая мораль: «Къуршыбгъэм ар епхъуатэри уэгум ирехъэ, къэкІуэну зэманьщІэ мыжыжэм, дерс хихын хуэдэу, ныпэрихъжъэу» [Камергоев 2007: 68]. («Горный орел уносит эти веяния в небеса, чтобы новое приближающееся время сделало правильные выводы»).

Б. Кагермазова так же занимала тема чиновничества. За образами владельцев проезжающих машин, которые боятся сдвинуть с места камень, мешающий им «Мывэжь» (Старый камень); лисы, которая в стае волков стала особенно услужливой «Бажэ щэныфІэ» (Скромная лиса); прохожих, которыми повелевает лошадь «Шыд-унафэщІ» (Осел-правитель); гвоздь, который при одном ударе молотком, становится кривым «Удын зыхуэмьшэч» (Кто не в состоянии сопротивляться) стоит социальный тип «маленького человека», униженного, оскорбленного, бесправного, вынужденного пресмыкаться перед сильными мира. Р. Жамбекова в рассказе «Мышка» («Дзыгъуэ цІыкІу»), «Ди гъунэгъум я жэмыжыыр» («Соседская корова») также наделяет животных отдельными человеческими чертами: мышь символизирует воровство, корова – эгоизм. Так же, как и в баснях, в конце формулируется мораль – поучение, ради которого и писался рассказ.

Таким образом, обращаясь к проблемам, стилю, методам, которые установились в адыгском рассказе усилиями русских классиков, молодые авторы развивают тематические границы прозы.

Рядом с острой, уничтожающей, разоблачающей сатирой, иронией появляется мягкий, снисходительный юмор, в котором пороки осмеиваются не беспощадно, как в сатире, а доброжелательно подчеркиваются недостатки и слабости человека или явления. В рассказе «Зы студент махуэ» («Один день из студенческой жизни») объектом юмора М. Кармоков выбрал студенческий быт. В частности, стереотипные представления, что «студент голоден, не богат, находчив, остроумен, нахален». Студенту Азамату мать привезла гостинцы: индюшку с чесночным соусом. Спрятав угощение в шкафу, чтобы угостить своих друзей, он так и не успел осуществить задуманное. Сила запаха ароматного блюда сломила силу волю голодных студентов – товарищей. А Азамату осталось только одно – лицеизреть опустошенный шкаф...

По словам И.В. Гете, ни в чем так не обнаруживается характер людей, как в том, что они находят смешным. Истина эта равно применима к отдельным индивидам, целым обществам и эпохам (то, что не кажется смешным одной культурно-исторической среде, начиная с обычаев, одежды, занятий, обрядов, форм развлечений, вызывает смех у другой, и наоборот) [Изотова: эл. ресурс]. Для понимания кабардинских юмористических рассказов Б. Гаунова «КІэлъыкІуэ» («Обычай похода в дом невесты»), «Бабыца и другие» («Бабыцэ сымэ»), Б. Журтова «Нэгэгъу» («Желудочек»), надо хорошо знать традиции, культуру и историю нации.

В рассказе «Бабыцэ сымэ» («Бабыца и другие») Б. Гаунов рассуждает о негативном характере некоторых брачно-свадебных платежей и чрезмерных тратах, которые представляет дарообмен. Большие, зачастую непомерные затраты на свадебное взаимоодаривание и угощения, в прошлом практиковались только в верхушечных слоях общества, они поддерживали и повышали их социальный престиж. Однако автор указывает на то, что в современном мире под влиянием обывательского общественного мнения так приходится поступать и тем, кому это не по средствам, а недовольство «обделенной» подарками родни приводит к конфликтам в молодых семьях и даже к разводам. Как и случилось в рассказе «Бабыца и другие» («Бабыцэ сымэ»). Свекровь составила невесте список подарков, которые она должна была привезти с первой послесвадебной поездки к своим родителям. В своих мечтах она представляла, как будет показывать соседкам дорогие подарки, привезенные невестой. Поскольку сокровенным мечтам свекрови не суждено было сбыться, невесту в скором времени вернули в отчий дом, несмотря на то, что к подаркам прилагался бык. Но, к сожалению, и бык, не стал залогом долгой семейной жизни.

В основе юмористического рассказа Журтова Б. «Нэгэгъу» («Желудочек») лежит неожиданный поворот событий и развязка. Главная героиня должна была приготовить гостям мужа гедлибже, курицу, тушенную в сметанном соусе. В кабардинских традициях особое место занимают строгие нормы обращения с пищей, прежде всего – мясной, правила её подачи и распределения. Блюда подаются на стол с учетом статуса и возраста собравшихся: сначала старшему из гостей, затем старшему из хозяев и так далее. Также имеет значение, какие именно части, например, баранины или курицы, подаются тому или иному участнику застолья. Так, у адыгов Кабардино-Балкарии самой престижной частью курицы считается желудок, потому они должны были быть тщательно очищенные и обработанные по всем правилам. Эти строгие традиции и стали причиной смешного недоразумения: молодая невестка забыла вычистить содержимое желудка. По традициям застольного этикета адыгов, это было непροститительно для уважающей себя хозяйки. Комичен неожиданный поворот в сюжете, который является обязательным условием смешного: свекровь, решившая выручить свою невестку, неожиданно для всех нашла выход: пригласив гостей еще раз, она вновь, казалось бы, совершила ту же ошибку, но на сей раз, когда она попросила отведать ее блюдо, в желудке оказалась горстка риса, якобы для того, чтобы курица была вкуснее. В основе комического в рассказах Б. Журтова «Ильэсыщцэ хьыджэбзаплэ», Н. Лукожевой «Лъабзэ» («Метка») лежит недоразумение – несоответствие на уровне сюжетной ситуации. Главный герой рассказа «Смотрины под новый год» («Ильэсыщцэ хьыджэбзаплэ») («Смотрины под новый год») Рашид позвал с собой друга Хамида, чтобы показать понравившуюся ему девушку. Однако, как оказалось, Хамид давно знал ее, ведь они встречались долгих пять лет и собирались пожениться.

Основной задачей мастера комизма является использование языковых средств в комическом плане. Мастер сатиры, создатель юмористической ситуации должен уметь придавать используемым средствам сатирическую или юмористическую окраску, выбирать те единицы, которые в самом языке имеют комическое качество, окрашивать свое произведение комической интонацией и комическими речевыми средствами». В рассказе Б. Журтова «Зурят и бжьыщ» («Три бутылки спиртного Зурят») учетчик Темыроко откликнулся на просьбу Зурят помочь ей в прополке поля только тогда, когда услышал, что его помощь не останется безвозмездной. В качестве магарыча она пообещала три бутылки горячительных напитков. Здесь-то автор использует один из приемов комического – несоответствие того, что ожидал алчный учетчик и чего удостоился на самом деле. Комический художественный текст означает специфическую форму функционирования языковой системы, стилистических приемов и средств, которые при этом несут комический эффект. Одним из главных условий для приобретения комической окраски является соответственная среда, необычная связь слова в тексте с другими словами

или выражениями. Так, в прозе, для создания комического эффекта могут быть использованы, помимо иронической интонации, неожиданная многозначность, омонимия или синонимия лексических единиц. Комическая ситуация в рассказе основана на использовании эффекта обманутого ожидания и возможностей слова – омонимии лексических единиц. На кабардинском языке три бутылки горячительных напитков звучит «бжьищ». Но это же слово трактуется по-другому – *три пчелы*. Подметив такое сходство, хитроумная Зурят отблагодарила своего помощника, но совсем не так, как он того ожидал. А. Камергоев в рассказе «ЕгурымэкI» (Егурамах) для создания комического эффекта использует авторские палиндромы, точнее одну из разновидностей – оборотни-слова, которые при чтении в обратном направлении создают вполне осмысленную фразу. Как-то главный герой рассказа, будучи на прополке огорода, незаметно вышел за границы своего участка. На замечание бригадира, что он неправильно идет, Егурамах ответил: «Гъуэгу псалъэм икIэмкIэ укъыщеджэмэ кыкIым теуцIыхъауэ, гуэгу сIатэмэ, ахей, хъарзынэтэкъэ жи» [Камергоев 2007: 79] – «Используя то, что слово гъуэгу (дорога) обозначает, если прочитать его с обратной стороны, он ответил: ... «ахей, как было бы хорошо, если бы у меня был «гуэгу» (напарник).

Таким образом, постсоветская литература, с одной стороны, продолжила традиции смеховой культуры, существовавшие в литературе прошлых эпох а с другой, в ней появились новые черты и идеи. Отличительной чертой смеховой культуры этого периода является ее переходный характер. Осмеянию в это время подвергались как явления и герои старого мира, так и недостатки формировавшегося постсоветского общества.

Список источников

Белинский: эл. ресурс – *Белинский В. Г.* О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород») [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lit.wikireading.ru/>. (дата обращения: 08.10.2019).

Гаунов 1996 – *Гаунов Б.Х.* Нэхулъэ (Рассвет): рассказы, очерки, переводы. Нальчик: Эльбрус, 1996, 192 с.

Гоголь V 1949 – *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений в 14 томах. Т. V. Женитьба. Драматические отрывки и отдельные сцены. М.: Изд-во АН СССР, 1949. 512 с.

Изотова: эл. ресурс – *Изотова Я.* Лаборатория исследований фольклора [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ct.uni-altai.ru/wp-content/uploads/2015/08/f> (дата обращения: 05.06.2017).

Кагермазов 2006 – *Кагермазов Б.Г.* Щыхъэт (Очевидец): Стихи, поэмы, миниатюры. Короткие рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2006. 232 с.

Камергоев 2007 – *Камергоев Т.Ж.* Сэщхьыркъэпс (Двойник): новеллы и рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2007. 96 с.

Кармоков 1991 – *Кармоков М.М.* Цыхухуэ нэпс (Мужские слезы): Повести. Рассказы. Пьесы. Нальчик Эльбрус, 1991. 360 с.

Комическое...: эл. ресурс – Комическое в философской мысли Древней Греции [Электронный ресурс]. Режим доступа: referat.Yabotani.ru (дата обращения: 07.11.2018).

Лихачев: эл. ресурс – *Лихачев Д.С.* Смех как мировоззрение [Электронный ресурс]. Режим доступа: philologos.narod.ru.knigogid.ru/books/475732-smeh-kak-mirovozzrenie/toread (дата обращения: 08.10.2018).

Поспелов 1971 – *Поспелов Г.Н.* Проблемы исторического развития литературы. М.: Просвещение, 1971. 271 с.

References

BELINSKIJ V.G. *O russkoj povesti i povestyah g. Gogolya («Arabeski» i «Mirgorod»)* [About the Russian story and the peings of Gogol («Arabesques» and «Mirgorod»)]. [Electronic resource]. Access mode: <https://lit.wikireading.ru/> (date accessed: 08.10.2019). (In Russian)

GAUNOV B.H. *Nekhul''e* [Daw]: *Rassказы, ocherki, perevody* [Dawn. Stories, essays, translations]. Nalchik: El'brus, 1996. 192 p. (In Kabardian)

GOGOL' N.V. *Polnoe sobranie sochinenij v 14 tomah. T.V. Zhenit'ba. Dramaticheskie otryvki i otdel'nye sceny* [Complete works in 14 volumes. T. V. Marriage. Dramatic excerpts and selected scenes]. Moscow: Publishing house of AS USSR, 1949. 512 p. (In Russian)

IZOTOVA YA. *Laboratoriya issledovaniy fol'klora* [Laboratory of folklore research] [Electronic resource]. Access mode: <http://www.ct.uni-altai.ru/wp-content/uploads/2015/08/f> (date accessed: 05.06.2017). (In Russian)

KAGERMAZOV B.G. *Shchyh'et* [Eyewitness]: Poems, miniatures. Short stories. Nalchik: Elbrus, 2006. 232 p. (In Kabardian)

KAMERGOEV T.ZH. *Seshchkh'yrk'eps* [Counterpart]: novelettes and stories. Nalchik: Elbrus, 2007. 96 p. (In Kabardian)

KARMOKOV M.M. *Clyhuh''u neps* [Male tears]. *Povesti. Rassказы. P'esy* [Man tears. Tales.Stories.Plays.]. Nalchik: El'brus, 1991. 360 p. (In Kabardian).

Komicheskoe v filosofskoj mysli Drevnej Grecii [The comic in the philosophical thought of Ancient Greece] [Electronic resource]. Access mode: referat.Yabotanic.gu (date of access: 07.11.2018). (In Russian)

LIHACHEV D.S. *Smekh kak mirovozzrenie* [Laughter as a worldview] [Electronic resource]. Access mode: philologos.narod.ru.knigogid.ru/books/475732-smekh-kak-mirovozzrenie/toread (date accessed: 08.10.2018). (In Russian)

POSPELOV G.N. *Problemy istoricheskogo razvitiya literatury* [Problems of the historical development of literature]. Moscow: Enlightenment, 1971. 271 p. (In Russian)

Информация об авторе

Е.Н. Бетуганова – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

E.N. Betuganova – candidate of science (philology), researcher of the sector of kabardino-chircassian literature.

Статья поступила в редакцию 09.12.2021; одобрена после рецензирования 19.12.2021; принята к публикации 24.12.2021.

The article was submitted 09.12.2021; approved after reviewing 19.12.2021; accepted for publication 24.12.2021.

КЪАРАЧАЙ-МАЛКЪАР ФОЛЬКЛОРДА ОЙБЕРЛЕНИ ЭНЧИЛИКЛЕРИ ЭМ ЖЮРЮТЮЛЮУ МАГЪАНАЛАРЫ

Локияланы Магометни кызы Жаухар

Гуманитар тинтиулени Институту – Россей илмуланы академиясыны Къабарты-Малкъар илму арасыны филиалы, Нальчик шахар, Россия, lokyaeva.zh.@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1599-4397>

© Локияланы Ж.М., 2021

Кысха магъанасы. Къарачай-малкъар фольклорну материалларыны мурдорунда жазылган статья ойбер жанр къалай къуралганын, энчиликлерин, жюрютюлюу магъаналарын эм башха тинтиу амалларын ачыкълайды. Шендююгу жашауда, тюрлениулени эм ниет тозурауну заманында, миллетде жыйылган тин байлыккъга таяныргъа кереклиси чертиледи. Аллай болумлада, ал жерге юйретиу магъаналары болган, жамауатда адамны кесин жюрютюлюу бла байламлы эм сыйлы жашау ангыламланы юсюнден билдирген насийхат хапарла чыгъадыла. Ойберлени баш магъаналары турушунлай юйретиу бла насийхатчылыкъ болса да, ала, жаз тил бла айтылып, адамга тюрлю-тюрлю жашау болумланы кесича оюмларга онг береди-ле эм миллетни ниет энчиликлерин ачыкълайдыла. Бу статьяда тинтиулени юсю бла ойбер жанр къарачай-малкъар фольклорда манагъалы жерни алганы, халкъны ниет-маданият байлыгын ёсдюрюге себеп болганы шартланады. Аны бла бирге миллетде жыйылган иннет-эстетика эм дин сынауну ёсюп келген телюлеге сакъ-ларга болушады.

Баш магъаналы сёзле: къарачай-малкъар фольклор, ойбер, жанр энчилик, жюрютюлюу магъана, юйретиу

Цитата этерге: Локияланы Ж.М. Къарачай-малкъар фольклорда ойберлени энчиликлери эм жюрютюлюу амаллары // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-2 (51). С. 134–142. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-134-142

Original article

FEATURES AND FUNCTIONAL ROLE OF KARACHAY-BALKARIAN PARABLES

Zhauhar M. Lokyaeva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, lokyaeva.zh.@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1599-4397>

© Z.M. Lokyaeva, 2021

Abstract. The article examines history of origin, features, functional role of the parable genre, based on the material of the karachay-balkarian folklore, and also defines theoretical and methodological approaches to identifying its essence and specificity. It is noted, that at the present stage, in an era of changes and moral upheavals, the need to refer to the sources of folk wisdom is actualized. In these conditions, such a didactic-allegorical genre as parables, which are instructive stories, in which the most important principles of moral behavior of people, ethics of relationships in a community, and philosophical reflections on life values are reflected in an artistic form, come to the fore. Despite the fact, that the main function of parables is didacticism (direct teaching), they are also aimed at developing thinking, since in most cases information is presented not in a finished form,

but through subtext, allegory. In this regard, their study makes it possible to reveal the mental characteristics of the creating ethnos. The conducted research allows us to conclude, that parables occupy a central place in the axiological consciousness and greatly enrich the spiritual culture of the people. At the same time, they contribute to the transfer of the accumulated moral, ethical, and religious experience to subsequent generations.

Keywords: karachay-balkarian folklore, parable, genre specificity, functional role, didacticism

For citation: Lokyaeva Zh.M. Features and functional role of karachay-balkarian parables. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2021; 4-2 (51): 134–142. (In Balkarian). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-134-142

Научная статья

ОСОБЕННОСТИ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ПРИТЧ

Жаухар Магомедовна Локьяева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, lokyaeva.zh.@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1599-4397>

© Ж.М. Локьяева, 2021

Аннотация. В статье на материале карачаево-балкарского фольклора рассматриваются история возникновения, особенности, функциональная роль жанра притчи, а также определяются теоретико-методологические подходы к выявлению его сущности и специфики. Отмечается, что на современном этапе, в эпоху перемен и нравственных потрясений актуализируется необходимость обращения к истокам народной мудрости. В этих условиях на передний план выдвигается такой дидактико-аллегорический жанр, как притчи, представляющие собой поучительные рассказы, в которых в художественной форме отражены важнейшие принципы нравственного поведения людей, этики взаимоотношений в сообществе, философские размышления о жизненных ценностях. Несмотря на то, что главной функцией притч является дидактизм (прямое поучение), они также направлены на развитие мышления, поскольку в большинстве случаев преподносят информацию не в готовом виде, а через подтекст, иносказание. В связи с этим их изучение позволяет выявить ментальные особенности создающего этноса. Проведенное исследование позволяет заключить, что притчи занимают центральное место в аксиологическом сознании и в значительной степени обогащают духовную культуру народа. В то же время они способствуют передаче накопленного морально-этического, религиозно-опыта последующим поколениям.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, притча, жанровая специфика, функциональная роль, дидактизм

Для цитирования: Локьяева Ж.М. Особенности и функциональная роль карачаево-балкарских притч // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-2 (51). С. 134–142. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-134-142

Къарачайлыланы бла малкъарлыланы кёлден чыгъармачылыкларында кеслерини энчиликлери болгъан тюрлю-тюрлю жанрла бардыла. Аланы хар бирине илму жаны бла энчи къараргъа кереклиси баямды.

Г.Г. Гамзатов «Фольклор: мера историзма» деген китабында: «Фольклор илму – заманнга кёре, дунягъа кёз къарамны, халкъны психологиясын ачыкълайды, кесине бийик илму эм идеология низамны излейди. Фольклор эсгертмени тинтгенде, шарайыпсыз методология амалла фольклорну тинтген алимни усталыгъын кёргюзтедиле», – деп жазады [Гамзатов 2010: 24–25]. Фольклор илму бла кюрешген алимле халкъны кёлден чыгъармачылыгъыны жанрларын уста айыра билирге керекдиле.

«Фольклор жазмалагъа кёре, къайсы миллетни да ёмюрлени теренинден келген тарыхын тинтирге онг болады», – деп белгилейди филология илмуланы доктору Берберланы Бурхан [Берберов 2018: 5]. Кертиси бла да, жазмалары кеч къуралгъан миллетлени (къарачай-малкъар миллет да аланы санындады) кёлден чыгъармачылыкълары миллетни ниет хазнасы болгъанын белгилейди. Ол заманында жыйылмаса, кереклисича тинтилмесе, миллетни тили, адабияты, маданияты да акъсаргъа, фольклор материалла кеслерини илму даражаларын тас этерге боллукъдула.

Белгилисича, XIX-чу ёмюрню ахырындан башлап, къарачай-малкъар фольклорну жыйып эм басмалап орус илмуну эм маданиятны келечилери В.Ф. Миллер, профессорла М.М. Ковалевский, Л.Г. Лопатинский, А.Н. Дьячков-Тарасов, Н.Ф. Грабовский, Н.П. Тульчинский, В. Прёле, П. Остряков, композиторла С.И. Танеев бла М.А. Балакирев эм дагъыда башхала кюрешгендиле. Таулу халкъ чыгъармаланы жыйгъанда эм кёчюрген заманда алагъа миллет интеллигенцияны биринчи келечилери Орусбийланы Исмаил, Сафар-Али, Науруз, Абайланы Мисост эм башхала уллу болушлукъ этгендиле [Биттирова 2002: 20].

Революциягъа дери фольклор чыгъармала бек аз басмалангандыла эм алагъа тинтиу жаны бла кереклисича къаралмагъанды. Малкъар халкъны кёлден чыгъармачылыгына тынгылы эс бурулуп жаланда совет заманда башланганды. Ол иш 1926 жылда Къабарты-Малкъар илму-излем институт къуралгъаны бла байламлыды. Жарсыугъа, Уллу Ата журт урушха дери экспедициялада жыйылгъан материалланы асламысы тас болгъан эсе да, алимлени, поэтлени эм жазычуланы келечилерини (Шахмырзаланы С., Отарланы К., Отарланы С., Бёзюланы А., Согталаны А., Таумырзаланы Д., Холаланы А., Улакъланы З., Насталаны С., Орусбийланы Ф., Хаджиланы Т., Биттирланы Т., Малкъондуланы Х., Тёппеланы А., Рахайланы А. эм д.б.) тириликлерини хайырындан институтда архив фонд къуралып, тинтиуле бардырыгъа онгла ачылгъандыла [Гулиева 2016: 118–119].

Андан ары миллет фольклористиканы жетишимлерин кючлей баргъан алимле Къараланы А., Хубийланы М., Ортабайланы Р., Холаланы А., Орусбийланы Ф., Тёппееланы А., Малкъондуланы Х., Хаджиланы Т., Джуртубайланы М., Биттирланы Т., Берберланы Б., Гулийланы (Зануколаны) Ф., Гергъокъланы Л. эм дагъыда башха алимле къарачай-малкъар миллетни кёлден чыгъармачылыгъын илму даражада ачыкълагъандыла. Бюгюнлюкде халкъыбызны сёз хазнасы бла ёхтемленирча, жыйылгъан материалланы тынгылы тинтип андан да даражалы этерча онгла да, алимле да бардыла.

Болсада, миллет фольклорну юсюнден айтханда, алыкъа битеу жанрлагъа бирча тынгылы къаралмагъанын чертирге керекди. Ол санда къарачай-малкъар фольклорда притчала жыйылып китап болгъан эселе да [КъМОЭ 2010], илму жаны бла тинтилмегендиле.

«Притча» деген сёз орус тилден къарачай-малкъар тилге «оюм берген хапар (таурух)» деп кёчюрюледи [РКБС 1965: 487]. Фольклор китапада, илму тинтиуледе ол «насийхат хапар», «насийхат юйретиу», «насийхат таурух» деп да тюбейди. Саулай алып айтханда, бу сёз тутушла жанрны магъанасын тюз эм толу шартлайдыла. Болсада, бизни акъылыбызгъа кёре, бу жанрны миллет илмуда белгилеген сёзледен барысындан да бегирек келишгени, магъанасын эм толу ачыкълагъаны «ойбер» деген терминди. Биринчи кере ол 2010 жылда чыкъгъан Ёлмезланы Мурадин жарашдыргъан «Къарачай-малкъар ойберле бла элберле» [КъМОЭ 2010] деген жыйымдыкъда тюбейди. Автор ол сёзню къайдан алгъанды эм аны магъанасы къалай шартланады деген соруу тууады.

Алай болгъанлыкъгъа, «ойбер» деген сёз, не орус-къарачай-малкъар сёзлюкде, не «Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгюнде», не «Малкъар тилни орфография сёзлюгюнде» тюбемейди. Башха тюрк миллетлени сёзлюклеринде да бу сёз тюбемейди.

Биз сагъыш этгенге кёре, «оюм» деген сёз, «ой» деген тамырдан къуралып, бурун заманда этимат омонимча жюрюген болур. Аналитика онглагъа эм тенглешдириулеге таяна, «ойбер» деген сёзде басым сёзю экинчи кесегине тюшгенин эм ол эки бёлюмден къуралгъанын кёребиз.

Белгили алим Э.В. Севортян жарашдыргъан «Тюрк тиллени этимология сёзлюгюнде» [Севортян 1974: 428] *ой* деген сёзю эки магъанасы бериледи: **Ой** – 1. *оюм*; 2. *акъыл*. Биз къарагъан терминге бу сёзю эки магъанасы да тамам келишедиле: «*оюм (акъыл) берген хапар*». Эки вариантда да сёзю ич магъанасына тасха тюшмейди. Алай бла «*ой*» деген тамыргъа «*бер*» деген этим къошулуп «*ойбер*» деген термин къуралады.

Анга кёре, къарачай-малкъар филология илмугъа «*ойбер*» деген терминни Ёлмезланы Мурадин кийиргенди дерге боллукъбуз [Локъяева 2019: 80]. Термин жангы къуралгъан эсе да, биз тинтген жанрны магъанасын къысха, терен, дайым шарт ангылатады. Аны себепли, кесибизни ишибизде биз аны бла хайырланырыкъбыз.

Ойберле къачандан бери айтылып келгенлерин, къайда не заманда жаратылгъанын тохташдырыргъа онг жокъду. Бир-бир оюмлагъа кёре, ала жазмадан иги да алгъа чыкыгъандыла. Алай бу жанр адам улусу тилни кенг эм терен хайырланып, жашауну юсюнден сагъыш этип башлагъандан сора къуралгъаны уа баямды.

«Ойбер» («притча») деген терминни магъанасын толу ачыкълар муратда адабият терминлени сёзлюгюне къарайыкъ: «Ойбер. 1. Тамсилге жууукъ халда, ниет неда дин магъанасы болгъан, жаз тил бла айтылгъан къысха хапар. Ойберлени Инжилде кенг хайырланадыла, аллегория формада тин насийхатланы ачыкълайды; 2. Европада шёндюгю заманны адабиятында ойберлени жангы магъана бла хайырланып башлагъандыла. Ол жазыгучуну буржуй жамауатны жорукъларына келишмеген ниет-философия оюмларын билдиррге болушады. Ойбер авторну оюмун суратламайды, ол аны шарт билдиреди» [СЛТ 1974: 295].

Алимлени оюмларына кёре, ойберле бек биринчиден дуняны кюнчыгъыш жерлеринде къуралгъандыла. Анда жашагъан адамла элберле бла, жаз тил бла, аллегорияла бла сёлеширге бек суйгендиле. Айхай да, билимни ангылатыуда, жайыуда ойберден сора да башха жанрланы да аслам хайырлангандыла. Сёз ючюн, кюнчыгъыш жанында тамсилден да алгъа къуралгъан, ойберге бек жууукъ жанр *аполог* болганды [СЛТ 1974: 21]. Ол жаз тил бла айтылгъан насийхат хапарды. *Аполог* грек сёздю, «хапарлау, оюм берген насийхат повесть» деген магъананы туттады. Аз-аздан бу жанрны орунуна ойберле бла тамсилле къуралгъандыла, *аполог* жанр жюрютюлюуден кери чыкыгъанды.

Ойбер эски болмагъан, бай, магъанасы жашырын жаз тил бла берилген насийхат хапарды. Ол асламысында халкъны ниет байлыгъын эм заманга кёре жамауатны къайгъы этдирген затланы бирикдиреди, фольклорну энчи, башхалагъа ушамагъан жанры болгъанын кесини формасы бла, магъанасы бла шартлайды.

Ойберни юсю бла адам жашау болумун оюмлап, анга кеси ангыламына кёре багъа бичип, жашау дерс алыргъа болады. Хар миллетни адет-тёресине кёре ойберлени кеси энчиликлери бардыла. Алай асламысында ойберлени баш жигитлери энчи жерге, заманга байламлы болмайдыла, аланы атлары, миллетлери да белгиленмейдиле.

Насийхат хапарланы баш магъаналары анга тынгылагъанланы жашауда жюрюген адетге бла къылыкыгъа юйретиудю. Ол муратлагъа жетер ючюн, бу тюрлю чыгъармаланы айтхан адам, ол жашауда кёрген, тюбеген затларыны юсюнден хапарлагъанын эсге салады, шарт ангылатады.

Миллет фольклорда ойберле белгилеген темала кёп тюрлюдюле эм, адамны жамауат жашауу бла чекленмей, аны юйюрге къылыкыгъын, халлерин кёргюзтедиле, хар заманда да юйретиу магъанада къураладыла эм кертичилик, иш кёллююк,

жан аурута билмеклик дегенча илишанла насыпха бла ырысхы жетишимликге келтиредиле деп юйретедиле. Кавказны халкъларында адет-төрени къачан да сыйлы кёргендиле. Ол себепден миллет адамлада къонакъбайлыкъны, шуёхлукъну, бир бирни ангылай билмекликни юсюнден хапарла бютюнда кёп тюбейдиле.

Илмуда ойберлени жанр энчиликлерини юсюнден биринчилени санында кесини оюмун белгили философ Г.Ф. Гегель «Эстетика» деген ишинде айтханды. Анда ол ойберни бла тамсилни ушашлыгына бла башхалыгына энчи эс бургъанды. Философну оюмуна кёре, эки жанрны бирге ушатхан баш шартларындан бири алада адамны харкюнлюк жашауна бийик, битеулю магъана беруу эм ангылашыныулу этиуюдо. Бу эки жанрны башхалыкларыны юсюнден айтханда уа, аланы энчиликлерини баш шарты – ойбер табийгъатны, жаныуарланы дунясына кирмейди, ол жаланда адамланы жашауларындан хапарлайды [Гегель 1962: 100–101].

Фольклор илмуда ол соруу кёп алимлени сагъышландыргъанды. Г.Ф. Гегельден сора да, ойберле бла тамсиллени башхалыкларын ачыкълау бла И.Ю. Крачковский, Д.С. Лихачев эм дагъыда башхала кюрешгендиле. Академик И.Ю. Крачковский, бу эки жанрны тенгleshдире: «ойберлени аллегория магъанасы бир тюрлю керти ишни юсю бла дуняда бола тургъан затланы ёмюрлюк болгъанларын ачыкълайды», – деп белгилегенди [Крачковский 1956: 441]. Ол оюмну белгили академик Д.С. Лихачев да шартлагъанды: «Ойберле жаланда бир болгъан ишни юсюнден хапарламайдыла, ала дайым жашауда тюбей тургъан ”ёмюрлюк” затланы юслеринден айтадыла», – деп жазгъанды [Лихачев 1969: 13].

Ойберни жашауну тюзюнлей суратлагъаны, жашауда тюбеген бир ишге философия магъана бергени, насийхатчылыгы, кесгин, къысха оюм ёлчеми аны башха жанрлагъа да келишдиреди. Болсада, аланы хар бирини кеслерини энчиликлери барды. Сёз ючюн, тамсил миллетни эстетика жашауунда кеси аллына эркин жюрюй эсе, ойберни уа кёбюсюнде даулашлы ишни философия ёзеги болады, жашауну оюлмазлыкъ дин эм адет-төрелерин кёргюзтген шагъатча хайырланадыла. Ойберни жашау-турмуш жомакъла бла тенгleshдирген заманда да, аслам энчиликлерин эслерге боллукъбуз. Сёз ючюн, ойбер айтылгъан хапарны баш жигитини ишанларын аз кёбейтип туура этеди. Андан тышында да жомакъда аны жигитини этген ишлеринден бир къауумуну юсюнден энчи-энчи хапарланып айтылады, ойберде уа жаланда бир тюбеген, бир эпизодлу ишни юсюнден баямланады.

Ойбер жанрны масхара хапарла бла тенгleshдиргенде, аланы араларында ушашлыкъ иги да аслам тюбейди. Ала экиси да жарыкъ, узакъ созмай, философия магъан бла айтыладыла. Болсада, масхара хапар чамны кючу бла баш жигитни адам жаратмагъан шарайыпларын хыликкя этип кёргюзтеди, ойбер а, жашау болумланы оюмлатып, сагъыш этдиреди.

Ойберле жашауну кёп жууапсыз сорууларына, оюмлап, жууап табаргъа юйретедиле, адамгъа кесине бичим этерге онг береди. Ойберлени белгили алимле, философла, акъылманла жууап табалмагъан соруулагъа ачхычылыкъ эте билиулери жашауну элбери болгъанлай къалады.

Башда айтылгъаннга кёре, насийхат хапарла къайсы миллетни да кёлден чыгъармачылыгында энчи жерни алгъаны, жангы тёлюлени юйретиуде магъаналары уллу болгъаны шарт ачыкъланады. Болсада, бу тюрлю чыгъармалагъа къарачай-малкъар фольклор илмуда тынгылы чакъда эс бурулмагъанды. Ойберлени юсюнден Хаджиланы Танзиля «Къарачай-малкъар фольклор» китапда былай жазады: «Адепликге, ариу къылыкъгъа юйретген насийхат хапарла (пригчи), бирси халкъладача, малкъарлылада бла къарачайлылада халкъгъа кенг жайылыпдыла. Бу хапарланы баш борчлары – алагъа тынгылагъанланы жамауатда эрттеден жюрюй келген төрелеге, адепликге, ариу къылыкъгъа юйретиудю. Айтхан хапарындан хайыр чыгъар ючюн, аны айта тургъан тынгылагъанланы къалай бла да ийнандырыргъа кюрешеди» [Хаджиланы 1996: 20]. Алимни оюмуна кёре, насийхат хапарла тынгылагъанны игиликге, тюзлюкге, огъурлулукъгъа

юйретедиле, алада жашауну тюрсюнлери тюзлюкге ийнаныуну ачыхчы боладыла.

Алай ойберле илму жаны бла тынгылыракъ, теренирек халда биринчи кере Гулийланы (Зануколаны) Фаризатны «Карачаево-балкарская несказочная проза и ее традиции в балкарской литературе» деген монографиясында тинтилгендиле [Гулиева 2015: 40–43]. Жаш фольклорчу насийхат хапарланы энчиликлерин оюмлап, бирси алимлени илму ишлерине, къарачай-малкъар фольклорну материалына да таянып, бу къауум чыгъармаланы эки тюрлюсюн белгилейди: дин бла байламлы (*фатыуала / патыуала*) эм харкюнлюк жашауда тюбеген болумла бла байламлы (*социально-бытовые*) ойберле [Гулиева 2015: 42]. Биринчилери маданиятны бла тарыхны мурдорунда ангылашына эселе, экинчилери жашауда тюбеген кемчиликлени тюзетиуню жолун шарт кёргозтедиле.

Болсада, 2020 жылда басмаланган «Къарачайлыланы бла малкъарлыланы жомакъ болмагъан, къара сёз бла айтылгъан чыгъармачылыкълары» деген миллет фольклорну сводуну 4-чю томунда ойберлени къауумлау бираз башхаракъ бериледи [КЪМФС IV 2020: 373–466]. Аны ал сёзюн жарашдыргъан алимле (Малкъондуланы Х.Х., Берберланы Б.А., Гулийланы (Зануколаны Ф.Х.) дин эм жашау-турмуш насийхат хапарладан сора да, философия магъаналы тюрлюсюн белгилегендиле.

Дин бла байламлы ойберле халкъны ауузунда эркин жюрюй эселе да, басмада, архивде, жыйымдыкълада да бек аз тюбейдиле. Белгиленген китапда дин ойбер бёлюмюне кирген «Амина деген къатын айтады», «Ибрагим деген киши айтады», «Арыкъ шайтан бла семиз шайтан», «Рум шахардан бир киши», «Исса (алеихи салам) къабырла къаты бла ётюп бара...», «Эр хакъыны сакълауну сууабы», «Эфенди бла саудюгерчи», «Аллах ашыкъмайды», «Юч бёрю», «Ананы къыйыны», «Эки гюняхлы киши» деген онбир ойбер ислам динни насийхат жорукъларына толу халда сыйынмайдыла. «Ала ”тюзюнлей дерсликча” берилмейдиле, не жашау кертиликге толу келишедиле дерге жарарыкъ тойюлдю. Нек дегенде, ала кеслерине ол борчну салмайдыла эм миллетни динни юсюнден ангыламына, кесини оюмуна кёре къуралгъандыла. Аланы асламысында къарачай-малкъар миллетни мажюсю эм ислам динни (азыракъ халда христиан динни) ангыламларыны биринден башхасына ётгенлери эсленедиле» [Малкъондуланы, Берберланы 2020: 40]. Ойберлени бу къаууму асламысында Тауратда, Инжилде, Къуранда тюбеген айтыулары ёзегинде къуралгъандыла. Аланы баш жигитлери фыйгъамбарла, шыйыхла, мёлекле бла шайтанла, гюняхсызла бла гюняхлыладыла. Бу тюрлю насийхат хапарлада баш жигит тюрлю-тюрлю болумлада сыналады; гюняхлылагъа, терсликлери болгъанлагъа жаза тапдырыу, жашауда тюзлюкню тохташдырыу эм дагыда башха болумла энчиленедиле. Ойберле адам улуну тюз жолда жюрюрге, этилген ахшылыкъ, аманлыкъ да, кеч-эртте болса да, адам улуну кесине къайтырыгъын оюмлатадыла. Бизни акъылыбызгъа кёре, ойберлени бу тюрлюлери энчи жыйылып, илму жаны бла да тынгылы тинтилселе, ала миллетни тарыхындан, битеудуниялыкъ къарамындан бир къауум энчиликлени шартларгъа боллукъдула. Алай бу илму иште ол борч салынмайды.

Жашау-турмуш ойберле фольклор жыйымдыкълада асламысында жомакълача бериледиле. Аланы жомакъдан айырырча къаллай энчиликлери болгъанын башында белгилей келгенбиз. Ойберлени бу къауумунда адамланы юйор эм жамауат жашау болумлары не жаны бла да суратланадыла. Ала асламысында насийхатлыкъ этедиле, адамгъа жашауну тюз жорукъларына бойсуна билирге, насыпха кертиликни жолун салыргъа юйретедиле.

Философия халлы ойберледе баш жигитле, адамла болгъан бла чекленмей, адам сыфатха кийирилген «Намыс», «Насып», «Акъыл», «Байлыкъ» ангыламла да боладыла. Ойберлени бу тюрлюлери жашау болумну жаз тил бла суратлайдыла, тынгылагъан адамны эсин дуниялыкъгъа байлайдыла. Философия ойберле кеслерини керти магъаналарын туура шартламай, артдан баямлайдыла.

Ойберни магъанасыны ачыкъланыуу, хапар айтылып, окъуучу анга тынгылап бошагъандан сора башланады дерге боллукъбуз. Нек дегенде, ол адамны эсин талай заманнга бийлейди, кѣп затха бѣледи, иги кесек жууапсыз, даулашлы соруулагъа эркин, терен жууап тапдырады.

Оюм берген хапарла сѣзге сакълыкыгъа, сагъыш эте билмекликге, аны бла бирге уа жашауну хар болумуна тергемли къараргъа юйретедиле.

Ойберле фольклорда, адабиятта эм эрттегили жанрладан бири бола, адамны эсинде унутулмай сакъланадыла, иги ишлеге, тюз жашаугъа юйретедиле, насыихат оюмну жашау жорукыгъа кийире, адамны юйор жашауда, жууукъ-тенгни арасында не халде болургъа кереклисин эсгертедиле. Бир сѣз бла айтханда, «ала хар болумда оюм чеги тамам болгъан адеп-кылыкъны кылауурларыдыла» [Узденнова 2018: 24].

Кѣп кыралланы миллетлери кеслерини жашау сынауларын оюмлап, ойберледе бегимлерге кюрешгендиле. Ол жаны бла айтханда, къарачай-малкъар ойберледе да «къарачай-малкъар халкъны дунялыкъ сезими уста шартланады» [Кетенчиев и др. 2020: 117].

Саулай да ойбер жанрны тинтген заманда, аны жюрютюлюу магъаналары бир ненча тюрлю болгъанын эслейбиз:

1) кюзгюдеча жюрютюлюу – адам кесини жарсыуун, сагъышын, этген жангылыч ишлерин, ойберде хапарланганча алып, бусагъатдагы халын, болумун, ойберде суратланыу формада табып, тергем этеди;

2) ойбер анда сагъынылгъан чюйре келген затланы, жашауну тюрлю-тюрлю чакъларында эсеплеп, тюзетир амалларын излетеди;

3) тюрлю-тюрлю магъаналаны бир бирлерине ѳтююу. Бу тюрлю ойберле устаз бла сохтаны, къарт бла жашны, гюняхлы бла гюняхсызны, билимли бла билимсизни араларында чюйреликлени кѣргюзтедиле. Бу амалны юсю бла адамланы ич дуняларыны чюйреликлерин тюзетиу тарыхны бир белгисича бериледи. Сѣз ючюн, хыны айтылыргъа боллукъ затланы юсюнден ойбер оюмлу, жумушакъ тил бла билдиреди, адамгъа теренден оюмларгъа онг береди;

4) ойберледе сынауну сакъланыуу адамны маданиятны, тарыхны, халкъла, миллетле арасында сынауланы бурун заманларына къайтарыргъа, динни, тарыхны оюмларгъа, кѣп даулашлы соруулагъа толу жууап табаргъа онг береди.

Алай бла, къарачай-малкъар фольклорда ойберле адамны жашау сынауну бирикдиредиле, аны кенг ангыламын кѣргюзтедиле. Ала кысха (неда артыкъ уллу болмагъан), жаз тил бла хапарлау халда айтылгъан, шартланыу изленмеген, толу ишленмекли, адамны сѣкмей, аны халын оюмлатхан, акыылгъа юйретген, харкюнлюк жашауну юсюнден хапарлагъан чыгъармаладыла.

Белгилей келгенибизча, ойберле жамауатны хар айныу чагъында ниет жорукъланы бирге жыйып сакълайдыла. Кѣп кыралланы миллетлери жашау сынауларын бир мардагъа келтирип, аланы ойберледе сакъларгъа итинедиле. Къарачай-малкъар миллет да аланы санындады. Ол затны эсге алгъанда, ойберлени тинтиу къарачай-малкъар фольклор илмуну бек кыйматлы эм магъаналы жумушларындан бириди дерчады. Аны тамамлар ючюн жыйылгъан, басмаланган, архивде сакъланган текстлени тап жарашдырыргъа, энчиликлерин шартларгъа, жюрютюлюу амалларын тийишлисича тинтирге кереклиси баямды.

Алынган жерлерини тизмеси Список источников

Берберов 2018 – *Берберов Б.А.* Карачаево-балкарский фольклор и литература: к проблеме преемственности. Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 200 с.

Биттирланы 2002 – *Биттирова Т.Ш.* Эски къарачай-малкъар адабият (Традиционная карачаево-балкарская литература). Нальчик: Эль-Фа, 2002. 301 с.

- Гамзатов 2010 – *Гамзатов Г.Г.* Фольклор: мера историзма. Махачкала: Наука ДНЦ, 2010. 372 с.
- Гегель 1962 – *Гегель Г.Ф.* Эстетика. М: Искусство, 1962. Т. 2. 330 с.
- Гулиева 2015 – *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* Карачаево-балкарская несказочная проза и ее традиции в балкарской литературе. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. 152 с.
- Гулиева 2016 – *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* Карачаево-балкарское сказоведение: современное состояние и перспективы // Вестник КБИГИ. 2016. № 4 (31). С. 118–121.
- Кетенчиев и др. 2020 – *Кетенчиев М.Б., Додуева А.Т., Мизиев А.М.* Особенности вербализации депортации 1943–1957 гг. в карачаево-балкарской народной лирике // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 1. С. 112–119. DOI: 10.29025/2079-6021-2020-1-112-119.
- Крачковский 1956 – *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. М.: АН СССР, 1956. Т. 2. 702 с.
- КъМОЭ 2010 – Къарачай-малкъар ойберле бла элберле (Карачаево-балкарские притчи и загадки) / сост. М.М. Ольмезов; пер. с кар.-балк. Х.Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2010. 456 с.
- КъМФС IV 2020 – Къарачай-малкъар фольклорну своду. 4 том. Къарачайлыланы бла малкъарлыланы жомакъ болмагъан, къара сёз бла айтылгъан чыгъармачылыкълары (Свод карачаево-балкарского фольклора. Т. IV. Несказочная проза карачаевцев и балкарцев). Нальчик: Принт Центр, 2020. 586 с.
- Лихачев 1969 – *Лихачев Д.С.* Первые семьсот лет русской литературы // Сборник произведений литературы древней Руси. М.: Худ. лит., 1969. Серия 1. Т. 15. С. 5–26.
- Локьяева 2019 – *Локьяева Ж.М.* Притча в карачаево-балкарском фольклоре: особенности жанра, теоретико-методологический аспект // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2019. № 2 (88). Б. 77–82. DOI: 10.35330/1991-6639-2019-2-88-77-82.
- Малкъондуланы, Берберланы 2020 – *Малкондуев Х.Х., Берберов Б.А.* Къарачайлыланы бла малкъарлыланы жомакъ болмагъан, къара сёз бла айтылгъан чыгъармачылыкълары (Несказочная проза карачаевцев и балкарцев) // Къарачай-малкъар фольклорну своду. 4 том. Къарачайлыланы бла малкъарлыланы жомакъ болмагъан, къара сёз бла айтылгъан чыгъармачылыкълары (Свод карачаево-балкарского фольклора. Т. IV. Несказочная проза карачаевцев и балкарцев). Нальчик: Принт Центр, 2020. С. 17–48.
- РКБС 1965 – Русско-карачаево-балкарский словарь / под ред. Х.И. Суюнчева, И.Х. Урусбиева. М.: Сов. энцикл., 1965. 744 с.
- Севортян 1974 – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.
- СЛТ 1974 – Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. 509 с.
- Узденова 2018 – *Узденова Ф.Т.* Карачаево-балкарская поэзия: генезис и жанровое своеобразие. Нальчик: Принт Центр, 2018. 232 с.
- Хаджиланы 1996 – *Хаджиева Т.М.* Малкъарлыланы бла къарачайлыланы халкъ поэзия чыгъармачылыкълары (Народное поэтическое творчество балкарцев и карачаевцев) // Къарачай-малкъар фольклор (Карачаево-балкарский фольклор): хрестоматия. Нальчик: Эль-Фа, 1996. С. 6–37.

References

- BERBEROV B.A. *Karachaevobalkarskij fol'klor i literatura: k probleme preemstvennosti* [Karachay-balkarian folklore and literature: to the problem of continuity]. Nalchik: Editorial and publishing department of IHR KBSC RAS, 2018. 200 p. (In Russian)
- BITTIROVA T.SH. *Esiki k'arachaj-malk'ar adabiyat* [Traditional karachay-balkarian literature]. Nalchik: El-Fa, 2002. 301 p. (In Balkarian)
- GAMZATOV G.G. *Fol'klor: mera istorizma* [Folklore: measure of historicism. Folklore: measure of historicism]. Mahachkala: Science. Dagestan scientific center, 2010. 372 p. (In Russian)
- GEGEL' G.F. *Estetika* [Aesthetics]. Moscow: Art, 1962. Vol. 2. 330 p. (In Russian)
- GULIEVA (ZANUKOEVA) F.H. *Karachaevobalkarskaya neskazochnaya proza i ee tradicii v balkarskoj literature* [Karachay-balkarian unfairy-tale prose and its tradition in balkarian literature]. Nalchik: Publishing department of KBIHR, 2015. 152 p. (In Russian)
- GULIEVA (ZANUKOEVA) F.H. *Karachaevobalkarskoe skazkovedenie: sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Karachay-balkarian fairy-tale study: current state and prospects]. IN: *Vestnik KBIGI* [KBIHR Bulletin]. 2016. № 4 (31). P. 118–121. (In Russian)

KETENCHIEV M.B., DODUEVA A.T., MIZIEV A.M. *Osobennosti verbalizacii deportacii 1943–1957 gg. v karachaevo-balkarskoj narodnoj lirike* [Features of verbalization of the deportation of 1943–1957 in karachay-balkarian folk lyric poetry]. IN: *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Actual problems of philology and pedagogical linguistics]. 2020. № 1. P. 112–119. DOI: 10.29025/2079-6021-2020-1-112-119. (In Russian)

KRACHKOVSKIY I.YU. *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Moscow: AS USSR, 1956. Vol. 2. 702 p. (In Russian)

K"arachaj-malk"ar oyberle bla elberle [Karachay-balkarian parables and riddles] / collected by M.M. Olmezov. Nalchik: Elbrus, 2010. 456 p. (In Balkarian and in Russian)

K"arachaj-malk"ar fol'klornu svodu. 4 tom. K"arachajlylany bla malk"arlylany zhomak" bolmag"an, k"ara syoz bla ajtylg"an chyg"armachylyk"lary [The set of karachay-balkarian folklore. Vol. 4. Unfairytale prose of karachais and balkarians]. Nalchik: Print Center, 2020. 586 p. (In Balkarian and in Russian)

LIHACHEV D.S. *Pervye sem'sot let russkoj literatury* [The first seven hundred years of russian literature]. IN: *Sbornik proizvedenij literatury drevnej Rusi* [Collection of works of literature of ancient Russia]. Moscow: Imaginative literature, 1969. Series 1. Vol. 15. P. 5–26. (In Russian)

LOKYAEVA ZH.M. *Pritcha v karachaevo-balkarskom fol'klоре: osobennosti zhanra, teoretiko-metodologicheskij aspekt* [Parable in the karachay-balkar folklore: features of genre, theoretical and methodological aspect]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN* [News of Kabardino-Balkarian scientific center of the Russian academy of sciences]. 2019. № 2 (88). P. 77–82. DOI: 10.35330/1991-6639-2019-2-88-77-82. (In Russian)

MALKONDUEV H.H., BERBEROV B.A. *K"arachajlylany bla malk"arlylany zhomak" bolmag"an, k"ara syoz bla ajtylg"an chyg"armachylyk"lary* [Unfairytale prose of karachays and balkarians]. IN: *K"arachaj-malk"ar fol'klornu svodu. 4 tom. K"arachajlylany bla malk"arlylany zhomak" bolmag"an, k"ara syoz bla ajtylg"an chyg"armachylyk"lary* [The set of karachay-balkarian folklore. Vol. 4. Unfairytale prose of karachais and balkarians]. Nalchik: Print Center, 2020. P. 17–48. (In Balkarian)

Russko-karachaevo-balkarskij slovar' [Russian-karachay-balkarian dictionary] / edited by H.I. Suyunchev, I.H. Urusbiev. Moscow: Soviet encyclopedia, 1965. 744 p. (In Russian and in Balkarian)

SEVORTYAN E.V. *Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov (obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye)* [Etymological dictionary of turkic languages (common turkic and inter-turkic vowel stems)]. Moscow: Science, 1974. 767 p. (In Russian)

Slovar' literaturovedcheskih terminov [Dictionary of literary terms]. Moscow: Enlightenment, 1974. 509 p. (In Russian)

UZDENOVA F.T. *Karachaevo-balkarskaya poeziya: genezis i zhanrovое svoeobrazie* [Karachay-balkarian poetry: genesis and genre originality]. Nalchik: Print Center, 2018. 232 p. (In Russian)

HADZHIEVA T.M. *Malk"arlylany bla k"arachajlylany khalk" poeziya chyg"armachylyk"lary* [Folk poetic creativity of Balkarians and Karachais]. IN: *K"arachaj-malk"ar fol'klor* [Karachay-balkarian folklore]: readings. Nalchik: El-Fa, 1996. P. 6–37. (In Balkarian)

Авторну юсюнден информация

Локияланы Ж.М. – къарачай-малкъар фольклор секторну кичи илму къуллукъчусу.

Информация об авторе

Ж.М. Локьяева – младший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора.

Information about the author

Zh.M. Lokyaeva – junior researcher of the sector of karachay-balkarian folklore.

Статья поступила в редакцию 11.12.2021; одобрена после рецензирования 19.12.2021; принята к публикации 24.12.2021.

The article was submitted 11.12.2021; approved after reviewing 19.12.2021; accepted for publication 24.12.2021.

Илму статья
УДК 821.512.142.0
DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-143-151

СОЗАЙЛАНЫ АХМАТНЫ ПОЭЗИЯСЫ: КЪАЛАМ ЖЮТЮЛЮГЮ ЭМ ХАТ ЭНЧИЛИГИ

Ёзденланы Тауланны кызы Фатима

Гуманитар тинтиулени Институту – Россей илмуланы академиясыны Къабарты-Малкъар илму арасыны филиалы, Нальчик шахар, Россия, uzdenova_kbigi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5378-9514>

© Ёзденланы Ф.Т., 2021

Къысха магъанасы. Статьяда Созайланы Ахматны чыгъармачылыгыны энчи урукларына, сюжет ызына, маданият-символланы хайырланыууна эм поэзиясыны энчилигине, дуняны жангы кёзден ангылаууна къаралады. Илму жаны бла поэтни битеудуния ангыламы, фикир, инсанлыкъ борчу бла суратлау эсини поэзияда къалай жерге тийишли болганы ачыкъланады.

Статьяны баш борчу – Созайланы Ахматны, малкъар поэтни, чыгъармачылыгыны айныу жолуну белюмлерин белгилеп, темасын оюмлап, заманнга кёре хагыны кючлене, тюрлене, суратлау амалланы, белгилени уста хайырлана барыууна илму жаны бла тинтиудю.

Баш магъаналы сёзле: малкъар поэзия, Созайланы Ахматны чыгъармачылыгы, суратлау амалла, архетип, концепт, белги

Цитата этерге: Ёзденланы Ф.Т. Созайланы Ахматны поэзиясы: къалам жютюлюгю эм хат энчилиги // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-2 (51). С. 143–151. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-143-151

Original article

POETRY OF AKHMAT SOZAEV: FEATURES OF POETRY AND STYLE

Fatima T. Uzenova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, uzdenova_kbigi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5378-9514>

© F.T. Uzenova, 2021

Abstract. The biobibliographic article provides an overview, systematic and multi-aspect presentation of A. Sozaev's work, represents archetypal plot forms due to the cultural and symbolic practices of the karachais and balkarians, as well as universals that are actualized in the space of communicative semantics. The features of the poet's poetic reflection, worldview and civic manifestations of his artistic consciousness are investigated. Concepts and ideologemes that have acquired specific object content and emotiveness («mountain river» as an ethnocode, patriotic formula presentations, metaphorization of the concept «Earth»), as well as modal specifics. The purpose of the work is to comprehend the creative evolution of the balkarian poet A. Sozaev's in the unity of poetical-style and ideological-thematic preferences. Research methods: structural-typological, hermeneutic, method of semantic analysis.

Keywords: balkarian poetry, A. Sozaev's work, poetics, archetype, concept, symbol

For citation: Uzenova F.T. Poetry of Akhmat Sozaev: features of poetics and style. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2021; 4-2 (51): 143–151. (In Balkarian). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-143-151

Научная статья

ПОЭЗИЯ АХМАТА СОЗАЕВА: ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ И СТИЛЯ

Фатима Таулановна Узденова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, uzdenova_kbigi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5378-9514>

© Ф.Т. Узденова, 2021

Аннотация. В статье биобиблиографической направленности обзорно, системно и полиаспектно представлено творчество А. Созаева, репрезентируются архетипические сюжетные формы, обусловленные культурно-символьными практиками карачаевцев и балкарцев, а также универсалии, актуализирующиеся в пространстве коммуникативной семантики. Исследованы особенности поэтической рефлексии поэта, мировоззренческих и гражданских проявлений его художественного сознания. Выявлены концепты и идеологемы, приобретшие конкретное объектное наполнение и эмотивность («горная река» как этнокод («*Ой, Холам черек – ол толгъан черек...*») («*Ой, река Холам – полноводная река...*»), патриотические формульные презентаты («*О Малкъарым, бийикледен къарагъан, / Тауну да, тау къушну да уясы...*») («*О Балкария, с высот глядящая, / И горы, и орла ты пристанище...*»), метафоризация концепта «Земля»), а также модальные спецификаты. Цель работы – осмысление творческой эволюции балкарского поэта А. Созаева в единстве поэтико-стилевых и идейно-тематических предпочтений. Методы исследования: структурно-типологический, герменевтический, метод семантического анализа.

Ключевые слова: балкарская поэзия, творчество А. Созаева, поэтика, архетип, концепт, символ

Для цитирования: Узденова Ф.Т. Поэзия Ахмата Созаева: особенности поэтики и стиля // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-2 (51). С. 143–151. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-143-151

Белгили малкъар поэт Созайланы Солтанны жашы Ахмат 21 январда 1941 жылда Къабарты-Малкъар республиканы Акъ Суу элинде туугъанды. Ол билимни жолуна биринчи атламларын кѣчгюнчюлюкде этгенди, башланган школну да Къыргъызстанда тауусханды. Ахмат кесини урунуу жолун 1966 жылда Къабарты-Малкъарны басмада къырал жашырынлыкъланы сакълагъан управлениясында тамата редакторну къуллугъундан башлагъанды. 1969 жылда Къабарты-Малкъар къырал университетни тарых-филология факультетини орус-малкъар бѣлюмуну жетишимли бошагъанды. 1982 жылдан башлап аслам заманны Къабарты-Малкъарны радио бла телевидение къырал комитетинде баш редактор болуп ишлегенди. 1995 жылда аны «Эльбрус» китап басмагъа тамата этип саладыла. 2003 жылда Созай улу КЪМР-ни жазыучуларыны Союзуну башчылыкъ этерге айырылады. Къайсы къуллукъну толтурса да, Ахмат этген ишин бет жарыкълы тамамлагъанды. Арт жыллада Созайланы Ахмат республикада тарых эсгертемелени къоруулагъан комитетге башчылыкъ этеди. Бир сѣз бла айтханда, фахмулу поэт билимин, фахмусун да халкъыны жашауу бла бирикдире, не иште да даражалы урунады.

Созай улу Къабарты-Малкъар республиканы маданиятыны сыйлы къуллукъчусу, Къарачай-Черкес республиканы (2005) эм Къабарты-Малкъар республиканы (2006) халкъ поэти, «Ингуш Республиканы маданиятыны сыйлы къуллукъчусу» (2008); «За трудовое отличие» (1986), «ВДНХ СССР» (1987), «Отличник телевидения и радио СССР» (1988) деген майдалла бла «Ленинчи комсомолну саугъасыны да лауреаты», «Россейни халкъларыны Артиядасыны лауреаты» (2001), «Къабарты-Малкъар республиканы адабият эм маданият премиясыны лауреаты» (2002) деген премияла бла саугъаланганды. 1974 жылда жазычуланы Союзуна киргенди.

Поэтни биринчи назмулары бла окъуучу 60-чы жыллада шагъырей болады. 1968 жылда Созай улуну «Кюнню кёреме» деген ат бла биринчи энчи китабы басмаланады [Созаев 1968]. Ол китапха бийик багъа бичгендиле. Адабият кесаматчыла белгилегенге кёре, Созайланы Ахмат малкъар поэзиягъа жарыкъ нюрлю, бийик илхамлы поэтча келгенди. Ол затха китабыны аллында берилген назму тизгинле да шагъатлыкъ этедиле:

*О, Малкъарым, бийикледен къарагъан,
Тауну да, тау къушну да уясы.
Неден да бек эркинликни сайлагъан,
Урунууну, кишиликни къаясы* [Созаев 1968: 3].

«Ахматны поэзиягъа жолу аны жүрек излеми болгъанын «Кюнню кёреме» (1968) деген биринчи назму китабында окъуна ачыкъланган эди... Бу китапда жаш поэтни жарыкъ ёню, дуниягъа, адамлагъа сүймеклиги алай таза, алай уллу эди, аны бир-бир назмуларыны учхара жерлерин эслеригинг окъуна келмей эди» – деп жазады филология илмуланы доктору Биттирланы Тамара [Биттирланы 1998: 114].

1972 жыл Созай улуну «Кюн ауанала» [Созаев 1972] деген жыйымдыгъы басмаланганда уа, аны фахму жилтининден керти поэзияны оту жаннганы, адабиятха кертда да фахмулу поэт (профессионал) келгени баям болгъанды. «Кюн ауаналада» дуния сураты, жашау кертиликден айырылмай, авторну ич сезимин тюрлю-тюрлю бояула бла ачыкълайды. Кёп зат тюшеди поэтни эсине, кёз аллына да: айны чыгъарын сакълау, кюнню бла кечени, жерни бла кюнню оюну.

Поэтни учунуу бла тирилигинден, таза ниетден толу назмулары кёбюсюнде, эстетика сайлаунда оюмладан эсе жүрегини ауазына таяннганын кёргюзтедиле:

*Ол чалманын эшгенча,
Мен сёзлени эшалсам,
Ишимде да аныча,
Усталыкъла эталсам* [Созаев 1972: 18].

«Миллетни тарыхы – аны сайлама жашларыны тарыхыды. Созайланы Ахматны поэзиясында малкъар миллетни белгили адамларына жораланган назмула аслам тюбейдиле («Къязим», «Къайсынны орамында», «Алим Байсултанов», Саид Шахмурзаевны эскере», «Гуртуланы Бертни туугъан кюнню», «Будайланы Азретге»). Аланы барысыны да жашаулары поэтни илхам дуниясы бирикдиреди» – деп жазады филология илмуланы доктору Шогенцукова Н.А. [Шогенцукова 2005].

Поэт назмуларында харкюнлюк жашауну тюрсюн энчилигине бийик сый береди, дуниялыкъда адам улуну хар бир жетишимине кесини энчи къууанчынача къууанады, таза сезимин назмуларына сыйындырып, даражалы малкъар поэзияны дайым да байыкъландырады. Аны лирикасында анга дери малкъар адабиятда эшитилмеген сёз тутушла, суратлау бояула да аслам жерни аладыла. Ол дунияны кёп бетлигин кёре да, кёргюзте да биледи, дуниялыкъ тюрсюнлени поэзияны жорукъларына сыйындырып, лирика жигитни жүрек тебиюун белгилеген сёзлени тынгылы хайырланады, аланы жашау илишанлагъа къошуп, инсанны ич дуниясыны байлыгъын ачыкълайды.

«Тюбей тургъан затларыбызгъа, турмушха, харкюнлюк болумгъа да рухийлик, жомакълыкъ – ма олду поэтни чыгъармаларыны мурдору... Ахматны назмуларыны макъамына къулакъ салгъанда, анда шауданны шош тауушун эшитирге боллукъду» – деп жазгъанды Лев Озеров, поэтни орус тилге кёчюрюлюп басмаланган китабыны ал сёзюнде [Озеров 1974: 5–7]. Белгиленген китап ючюн Созайланы Ахмат Къабарты-Малкъарны Ленинчи комсомолуну саугъасыны лауреаты деген атха тийишли болгъанды.

Созай улуну поэзиясында терен философия магъана кесине энчи эс бурдурады, аны бла бирге уа назмуну женгил жюрюшлю болгъанын эшитдиреди. Мында авторну назму тизгинлерини магъаналары кимге да белгиледи, алада поэтни жамауат болумлагъа къайгъыргъан адам болгъаны тамам шартланады. Башха заманда уа, ол, бары адамлача кыйын кезиунде, тыпыр ташына, ата-ананы жыллыуна термиледи, суйгенини кезюнде суймеклик бла кертиликни излейди, тенгликте билеклик этиуню, кертиликни, жашауну хар болумунда батырлыкъны, таукелликни сакълайды. Аны назмуларында суймекликге, Ата журтуну ариулугъуна, бийикге чыгъаргъан жаяу жолчукъгъа, урушну оту кюйдюрген сабаннга да барды жер – аны чыгъармачылыкъ тематикасы дайым кенгди.

Ахматны поэзиясында кёбюсюнде баллада жанрда келиучю суратлау шартла, шайырны акт сёзюнде жаланда суратлау «борч» бла чекленип кълмай, харкюнлюк жашаугъа поэзиялыкъ келтирген амалла боладыла:

*Жер ауур солуйду,
Булутла, ёмюрлени бирикдире* [Созайланы I 2001: 294].

1970–1980-чы жылла фахмулу поэтни адабият жашауунда эм магъаналы болгъандыла – ол кезиуде автор кесини жолун излеуден – таукелликге бла закийликге, жалан махтаудан (патетикадан) – суратлау амалла бла жашауну тинтиуге, сезимликден – психология теренликге келгенди.

Авторну илхам дуниясында символланы жаратылыуу, тенглешдириу суратлау бла дуняда ариулукъну, келишиулюкню (гармонияны) ангылау – аны керти, фахмулу художник болгъаныны баш белгисиди. Назмулада суратлау белгиле окъуучуну кез аллына келедиле: «Жауун эсе да...», «Жауунну энтда да бир жырчыгъы», «Акъ суу». Битеу ол чыгъармала, жыйымдыкъны аты да бир белги болады – «Эрттенликни ачама» [Созаев 1991]. Поэтни назмуларында аллегорияла сезимли да, керти да кёрюнедиле:

*...Мен кетгенден сора да
Къарап турлукъдула кёзлерим,
Жашларымы кёзлеринде – кёзлерим* [Созаев 1991: 102].

Сагъынылгъан китап поэтни 50-жыллыкъ юбилейине басмаланнганды, анга башха-башха жыллада жазылгъан назмула да киргендиле.

Созай улуну къайсы китабын алып къарасакъ да – андан поэтни туугъан жерине, халкъына, миллетине, Малкъарына энчи сёзю эшитиледи:

*Узакъ жолла –
Къанат ызым.
Малкъар, Малкъар –
Акъ къанкъазым.*

*Чучхур тылпыу –
Чал мыйыкъла.
Тау ёшюню.
Булут жукълай.
Хорланмагъан
Тюзле жери –
Малкъар, Малкъар –
Асыл тёрю* [Созаев 1991: 5].

Бу тизгинледе поэтни ёхтем базынуулугъу Ата Журту – Малкъары, анга назму, жыр да жаздыргъан, тамбла кюнюне базындыргъан да олду. Жыйымдыкъ «Жангы

кюннге алгыш» деген назму бла бошалады, ол поэтни саулайда дунягъа алгыш саламыча кёрюнеди:

*Жангы кюннге тюбейик,
Жарыкъ бетли бола, биз,
Сабий ышарыууча,
Татлы болсун кюнлюбюз.*

*Адамны сагъышларын,
Кётюрюпэлталырча,
Кючю болсун бу кюнню,
Жюрекледе къалырча! [Созаев 1991: 282].*

Белгилей келгенибизча, Созай улуну назмуларыны асламысы жарыкъ ёнлюдоле, ол зат аны лирикасыны назиклигин кёргозтеди. Поэтни назмуларыны кёбюсюне макъам салынып жырланадыла.

Созайланы Ахматны поэтикасында эм деменгили сыфат – къолланы сыфатыды. Авторну чыгъармаларында жайылган метафорала терен магъананы тутадыла: «къолларым», «мудахдыла къолларым», «сагъышлыдыла къолларым» эм д.б. Ол сагъышлада – сау жашау: болган да, боллукъ да, халаллыкъ, кюйсюзлюк да («балтаны тутхан къолла»). Эсинде уа – анасыны эркететиучю, атасыны – ишчи къоллары. «Къолла» деген жыйымдыкыгъа асламысында тематикалары башха-башха болган чыгъармала киргендиле, кёбюсюнде, анда кёрюнюш лирика бла багъышлау элегияла да тюбейдиле, алай ала бары да авторну ичги сезиминден бла къол ызыны жылыуундан толудула.

2002 жылда Созай улу «Къолла» [Созаев 1987] деген китабы ючюн Къабарты-Малкъарны къырал саугъасын алады. 2006 жылда уа «Къабарты-Малкъарны халкъ поэти» деген атха тийишли болады.

Созай улуну назмулары жюрекден юзюлген тизгинледиле. Алада адамны кёллендирген, къуандырған, жарсытхан да жашау кесиди. Жашау кюнден-кюннге жангыра, адам жашауун кёп тюрсюнлю эте, бирде умутларына къанат битдире, бирде ауур сагъышлагъа бёлеп да къояды. Ол энчиликлени фахмалу поэт кимден да толу сезеди эм суратлау амалланы хайырлана назму кепге сыйындырады.

Созай улуну «Жюрекни булбулу» [Созаев 1991: 193] деген назмусу аны чыгъармачылыкъ ишинде айырмалыды, ол жан тазалыкыны бла чомартлыкыны, дуняда сейир тауушлагъа, булбулну таралгъанына да – термилиуюню гимниди. Бу чыгъармада, автор, игилик бла аманлыкыны ёмюрлюк сермешин кёргозтюп, окъуучугъа айтырыкъ баш оюмун булбулну сыфаты бла ачыкълайды. Мында *булбул* – халал жюрекни ёмюрге ёчюлmezлик ауазыды.

Поэтни кёп назмусунда жангырыуну макъамы эшитиледи, ол макъам бир чыгъармадан бирине кёче, авторну энчи хатын ачыкълагъан сыфатла къурайды. Созай улуну чыгъармачылыкъ ишинде быллай энчиликлени алимле кеслерини илму ишлеринде да чертедиле: «Созайланы Ахматны китапларыны барын да бирикдирип турган затны юсюнден айтмай къояргъа жарамаз. Аны алгъа чыкыган китабында «къабынган» тема ызындан келгенни ёзеге болуп барады» – деп, чертеди белгили алим Биттирланы Тамара [Биттирланы 1998: 119]. «Аллах айтса» [Созайланы 1995] деген китапны магъанасы – тегерекге-башха, саулай дунягъа да жангы кёз бла къарагъанындады, анда адам бла табийгъатны, адам бла жамаутны байламлыклары жангыча ангылашынадыла. Бюгюнлюкню жарсыуларында, кыйын тик болумларында да, поэт кесини эсин кёчгюнчюлюкню темасына бурады – эм магъаналы темагъа. Ол миллет литератураны бюгюнлюгюнде тынгылы ачыкъланмагъан, адамланы жюреклеринден кетmezлик ёмюрлюк ачыуну темасыды.

Созай улуда, сюргонню кюйсюз кезиуню юсюнден жазылган, белгили чыгъармаларындан бири «Кёчгюнчюлюкте мен этген жыр» деген назмусуду [Узденова, Сарбашева 2008: 148]. Мында автор Холам сууну халкъ сынаган кыйынлыкыгъа бла зулмучулукыгъа шагъат болганын кёргюзтеди. Жазуучу метафоралы оюмлау бла, тюрлю-тюрлю сыфатланы сайлау бла, кёп болмай тийресинде жашаган таулуладан бир чакъны ичинде айырылган черекни болумун, сейирлик бояула бла ишлейди:

*Ой, Холам черек – ол толган черек
Къаягъа кесин урады.
Халкъыны ызындан къарап Дыхтауум,
Жиляу жыр айта турады [Созайланы I 2001: 336].*

Созай улуну 1944–1957 жылланы сюргонню азабына аталган «Акъ сыртдан манга дери – сени ауазынг» деген лирикалы повести да барды. Анда поэт суратлау амалланы хайырланып, миллети сынаган чексиз зорлукъну уста суратлайды.

Созайланы Ахмат Мёчоланы Кязимни, Къулийланы Къайсынны ёсдюрген жерибизни сыйлы адамыды. Кеси да поэмаларындан бирине «Жер» деп атагъанды. Адам улу жерни тутуругъуду – сууча, кюнча, ташлача, жаяу жолчукълача [Узденова 2002: 331]. «Жерсиз адамгъа жашау жокъ» – дейди Созай улу. Поэтни ниетини сейирлик кючу, аны бла уа назиклиги да битеу поэмада суратланган энчи-энчи бёлюмлеге жайылады: бар дуня – гъарш – алам (анга ушаган оюмла Къулий улуда да тубейдиле: «Адам. Къанатлы. Терек»). Поэманы лирика-сезимли жаз тил бла толу этеди, аны бла уа, табийгъатны адамсыфатлы къурап, къаршчылыкълы башламлагъа жарашыуну бла биригиуню салады: «Кюн жерни жюрегиди», «Жерни бар тамырларында – кюнню сютю» эм д.б.

«Созайланы Ахматны суратлау-ачыкълау амаллары, бояуланы сайлауда тирилиги «Жер» деген поэмасында бютюн толу кёрюнеди. Ариу, бизни барыбызгъа да ашсуу тапдырган жер бла уруш-тойюш келишмегенин поэт, жерни бетича, макъмаларыча, кёп тюрсюнлю бояуланы бирикдирип ачыкълайды» – деп жазгъанды белгили кесаматчы, профессор Толгъурланы Зейтун [Толгъурланы 2008: 252].

Адам бла жерни байламлыгъын, бирлигин эм дуниялыкъда магъанасын оюмлатхан тизгинле, окъуучуну эсин кёп затха беледиле:

*Адам къазауатда,
Жерни къоруулай,
Жашауну къоруулай,
Ауду жаннган аулакъда.
Къаралган аулакъда.
Ауду да, жерни
Мирзеую,
Агъачы,
Кырдыгы болуп чыкъды.*

Назмучуну «Тангымы ауазы» деген жыйымдыкыны да эскерирге тийишлиди. Бу китапны биринчи бетинде автор жоралау назмусунда былай жазады:

*Атам – Солтан,
Анам – Науш,
бу дуниядан кетген эселе да,
къарагъанлай турадыла манга,
Тангымы ауазын жарыта...
Бу китабым акъсёз
сын ташым болсун
эксине да [Созайланы 1998].*

Ол тизгинле окъуучуну эсин бийлейдиле. Бу акъ сёз бла жазылгъан китапда авторну акъ (таза) сезимли философия энчилейди. Ёлюмню бла жашауну, жарашулулукъ бла жарашмаулулукъну, суймеклик бла душманлыкъны сыфатлары назмулада толу ачыкъланадыла («Ким эсем да», «Бу дуняда»).

«Терек ауду» деген назмусу малкъар поэзияда махтау бла белгиленген чыгъармаладан бириди. Ол аугъан терекни кюйюне бла жарысууна жораланганлыкъгъа, поэт аны дуня бла байламлыгъын суратлау амалланы болушлугъу бла уста кёргюзтеди («кёп къанатлы уясыз къалды – терек аугъанды», терек кесини аугъаны бла «тийрени ёксюз этеди»).

Созай улуну поэзиясыны юсюнден къыйматлы илму китапда былай жазылады: «Хар инсанны ташы, жулдузу барча, поэтлени, жазуучуланы да къадар тереклери бла бирге чыгъармачылыкъ тереклери да болады. Ол чыгъармачылыкъ терек, ёсе, кенгере келип, сора айныууна бла ёсююне чек салып, андан ары бармай, тохтап да къалады. Не сёз: поэтни фикирине бла оюм, жүрек тазалыгъына, къайгырыууна кёре болады береги да, – береги кёкге, жулдузгъа итингени тохтамаз ючюн, поэт чыгъармачылыкъ рухийин бла жамауатны аллында жууаллылыгъын унутургъа керек туююлду. Созайланы Ахматны чыгъармачылыкъ береги кенгерип, бутакъланып, эртте жашнагъанды» [Толгъурланы 2008]. Тепеланы Алимни бу сёзлери Ахматны поэзиясыны бийик даражалы болгъанына тамам шагъатлыкъ этедиле.

Саулайда Созай улуну поэзиясын алып айтханда, аны кёп назмусу къарачай-малкъар фольклор кюйлени суратлау терелеринде жазылгъанын белгилерге боллукъбуз. Ол болумгъа сейир этерча туююлду – поэтни сёзлерине кёп жыр жазылгъанды, халкъгъа да, эм алгъа, автор ала бла белгили болгъанды.

Созайланы Ахматны чыгъармаларында алгъышла, жоралау назмула да аслам жерни аладыла: «Окъуучума алгъыш сёзюм», «Мен Аллахдан тиледим», «Аллах айтса», «Тилегиме алгъыш этеме», «Ахшы жолгъа барыгъыз!», «Кюнню кёреме», «Туугъан жериме айтама», «Жарыкъгъа айтама», «Акъ къанатлы, акъ жүрекли письмола» эм д.б. Ол назмулада поэт окъуучусуна, туугъан жерине, саулайда дунягъа игилик тежейди, алгъыш сёзюм төрелейди, не игилик да жашагъан адамгъа бериллигине ийнаады. Алгъышла поэзияда, халкъны кёлден чыгъармачылыгъында да эркин хайырланадыла, ала адам улугъа игилик тежеу халда айтыладыла [Локъяева, Узденова 2021]. Жашауну бла поэзияны бирлигинде жаратылгъан тизгинле уа тамблагъы кюннге базынуулу къараргъа юйретедиле. Ахматны «гюлле адамлача, адамла гюллеча» демеклиги, аны дунялыкъгъа кёз къарамыны энчилигини бир шартыды.

Башында белгиленген затладан тышында да, Созайланы Ахматны рецензиялары, очеркleri, адабиятыбызны эм къалам къарындашларыны чыгъармачылыкъларыны юсюнден да статьялары тюрлю-тюрлю кезиулу чыкъгъан: «Юность», «Дон», «Сельская молодёжь», «Дружба народов», «Минги Тау», «Литературная Кабардино-Балкария», «Нюр» деген журналлада; «Литературная Россия», «Литературная газета», «Московский комсомолец», «Литературный Таджикистан» эм «Советская молодежь», «Заман», «Адыгэ псалъэ», «Кабардино-Балкарская правда» деген газетледе басмаланадыла. Ол талай назму китапны авторуду. Созайланы Ахматны назмуларыны сайламасы эки томлукъ китап болуп биринчи тому малкъар тилде [Созайланы I 2001], экинчи тому орус тилге кёчюрюлюп басмалангандыла [Созаев II 2002]. Аны чыгъармаларын белгили назмучула Л. Шерешевский, Л. Озеров, М. Ногтева, Г. Яропольский орус тилге кёчюргендиле. Ала Созай улуну хатыны энчилигин эс этип, кёчюрмелеринде суратлау дуняны табийгъат тизгинин сакъларгъа кюрешгендиле. Андан тышында да Ахматны назмулары тюрк, украин, гюржю, литва, къыргъыз, къазах, таджик эм башха тилге да кёчюрюлюп да басмалангандыла.

Малкъар адабиятта Созайланы Ахматны поэзиясы сыйлы жер алады. Аны суратлау энчилиги, жашауну кесича оюмлау поэзиясыны тюрсюнлерин

кѳурайдыла. «Аны бирсилеге ушамагъан хаты барды. Башхалыгъы жылдан жылгъа ёсе барады. Алай бла кесини энчи сёзюн айтыргъа кѳолундан келеди. Мен ангылагъандан жазуу иште ол шартла баш магъананы тутадыла» – деп белгилегенди Кѳулийланы Къайсын [Кулиев 1972]. Поэтни фахму шартларындан бири – жашауну, табийгъатны кѳп тюрсюнлюгюн, ариулугъун тамам кѳргюзтюрча сураглау мадарла, накъышла таба билиуюдю. Саулай алып айтханда, Ахматны назмулары жалаңда энчи чыгъармаланы жыйымдыклары болуп кълмай, ниет-эстетикалы низамгъа сыйыннган ёмюрлюк китапладыла.

Алыннган жерлерини тизмеси Список источников

Биттирланы 1998 – *Биттирова Т.Ш.* Мен тилейме къадардан... (Я прошу у судьбы...) // *Биттирова Т.Ш.* Итиль суу агъа турур... (И будет течь Итиль-река...). Нальчик: Эльбрус, 1998. С. 114–119.

Кулиев 1972 – *Кулиев К.* Слово об Ахмате Созаеве // *Литературная Россия.* 1972, 3 ноября.

Локьяева, Узденова 2021 – *Локьяева Ж.М., Узденова Ф.Т.* *Алгъыш* (благопожелание) в фольклоре и литературе карачаевцев и балкарцев: специфика жанра, таксономия, поэтика // *Кавказология.* 2021. № 3. С. 247–259. DOI: 10.31143/2542-212X-2021-3-247-259.

Озеров 1974 – *Озеров Л.* Песня родника // *Созаев А.* Солнечные тени: стихи и поэма. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 5–7.

Созаев 1968 – *Созаев А.* Кюнню кѳреме (Вижу солнце). Нальчик: Эльбрус, 1968. 46 с.

Созаев 1972 – *Созаев А.* Кюн ауанала (Солнечные тени). Нальчик: Эльбрус, 1972. 100 с.

Созаев 1987 – *Созаев А.* Къолла (Руки): книга стихов. Нальчик: Эльбрус, 1987. 126 с.

Созаев 1991 – *Созаев А.* Эрттенликни ачама (Открываю утро): стихи. Нальчик: Эльбрус, 1991. 288 с.

Созаев II 2002 – *Созаев А.* Избранные произведения: в 2 томах. Т. II. Нальчик: Эльбрус, 2002. 552 с.

Созайланы 1995 – *Созаев А.* Аллах айтса (Даст бог): Стихи. Поэма. Рассказ. Нальчик: Эльбрус, 1995. 224 с.

Созайланы 1998 – *Созаев А.* Тангымы ауазы (Голос утра). Нальчик: Эльбрус, 1998. 464 с.

Созайланы I 2001 – *Созаев А.* Сайлама чыгъармала (Избранные произведения): в 2 томах. Т. I. Поэмы. Нальчик: Эльбрус, 2001. 536 с.

Толгъурланы 2008 – *Толгуров З.Х.* Миллет эс бла миллет литература (Национальное сознание и национальная литература). Нальчик: Эльбрус, 2008. 312 с.

Узденова 2002 – *Узденова Ф.Т.* Созаев Ахмат // *Писатели Кабардино-Балкарии XIX – конец 80-х гг. XX в.* Биобиблиографический словарь. Нальчик: Эль-Фа, 2002. С. 329–331.

Узденова, Сарбашева 2008 – *Узденова Ф.Т., Сарбашева А.М.* Современная балкарская литература: основные тенденции развития // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки.* 2008. № 5 (147). С. 147–152.

Шогенцукова 2005 – *Шогенцукова Н.А.* Если улыбаешься миру // *Литературная Россия.* 2005, 13 мая.

References

BITTIROVA T.SH. *Men tilejme k'adardan...* [I ask fate...]. IN: BITTIROVA T.SH. *Itil'suu ag'a turur...* [And the Itil river will flow...]. Nalchik: Elbrus, 1998. P. 114–119. (In Balkarian)

KULIEV K. *Slovo ob Ahmate Sozaeve* [Word about Ahmat Sozaev]. IN: *Literaturnaya Rossiya* [Literary Russia]. 1972, November 3. (In Russian)

LOKYAEVA ZH.M., UZDENOVA F.T. *Alg'ysh (blagopozhelanie) v fol'klore i literature karachaevcev i balkarcev: specifika zhanra, taksonomiya, poetika* [Alg'ysh (goodwill) in folklore and literature of Karachais and Balkarians: specificity of the genre, taxonomy, poetics]. IN: *Kavkazologiya.* 2021. № 3. P. 247–259. DOI: 10.31143/2542-212X-2021-3-247-259. (In Russian)

OZEROV L. *Pesnya rodnika* [Song of the spring]. IN: SOZAEV A. *Solnechnye teni* [Sunny shadows]: poems. Nalchik: Elbrus, 1974. P. 5–7. (In Russian)

- SOZAEV A. *Kyunnyu kyoreme* [I see the sun]. Nalchik: Elbrus, 1968. 46 p. (In Balkarian)
- SOZAEV A. *Kyun auanala* [Sun shadows]. Nalchik: Elbrus, 1972. 100 p. (In Balkarian)
- SOZAEV A. *K''olla* [Hands]: book of poems. Nalchik: Elbrus, 1987. 126 p. (In Balkarian)
- SOZAEV A. *Erttenlikni achama* [I open the morning]: poems. Nalchik: Elbrus, 1991. 288 p. (In Balkarian)
- SOZAEV A. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]: in 2 volumes. Vol. II. Nalchik: Elbrus, 2002. 552 p. (In Russian)
- SOZAEV A. *Allah ajtsa* [God willing]: Poems. Story. Nalchik: Elbrus, 1995. 224 p. (In Balkarian)
- SOZAEV A. *Tangymy auazy* [Voice of my morning]. Nalchik: Elbrus, 1998. 464 p. (In Balkarian)
- SOZAEV A. *Sajlama chyg''armala* [Selected works]: in 2 volumes. Vol. I. Poems. Nalchik: Elbrus, 2001. 536 p. (In Balkarian)
- TOLGUROV Z.H. *Millet es bla millet literatura* [National consciousness and national literature]. Nalchik: Elbrus, 2008. 312 p. (In Balkarian)
- UZDENOVA F.T. *Sozaev Ahmat*. IN: *Pisateli Kabardino-Balkarii XIX – konec 80-h gg. XX v. Biobibliograficheskij slovar'* [Writers of Kabardino-Balkaria XIX – late 80s of XX century Biobibliographic dictionary]. Nalchik: El-Fa, 2002. P. 329–331. (In Russian)
- UZDENOVA F.T., SARBASHEVA A.M. *Sovremennaya balkarskaya literatura: osnovnyye tendentsii razvitiya* [Modern Balkar Literature: Main Development Trends]. IN: *Izvestia of Higher Educational Institutions*. North Caucasian region. Social Sciences. 2008. No. 5 (147). P. 147–152. (In Russian)
- SHOGENCUKOVA N.A. *Esli ulybaesh'sya miru* [If you smile at the world]. IN: *Literaturnaya Rossiya* [Literary Russia]. 2005, May 13. (In Russian)

Авторну юсюнден информация

Ёзденланы Ф.Т. – филология илмуланы доктору, къарачай-малкъар адабият секторну тамата илму къуллукъчусу.

Информация об авторе

Ф.Т. Узденова – доктор филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы.

Information about the authors

F.T. Uzdanova – doctor of science (philology), senior researcher of the sector of karachay-balkarian literature.

Статья поступила в редакцию 22.11.2021; одобрена после рецензирования 19.12.2021; принята к публикации 24.12.2021.

The article was submitted 22.11.2021; approved after reviewing 19.12.2021; accepted for publication 24.12.2021.

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «ВЕСТНИК КБИГИ»

Условия публикации

Журнал публикует статьи на русском, кабардино-черкесском и балкарском языках, посвященные исследованию языков, фольклора и литературы, этногенеза и этнической истории, социальной организации, общего и особенного в материальной и духовной культуре народов региона, их места в исторических процессах средневековья, нового и новейшего времени, проблем исторического и современного развития народов и общества Северного Кавказа.

Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, представлены на конференциях, проводившихся ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакциях других журналов.

Отправляя статью в редакцию журнала, автор выражает согласие на ее размещение в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических базах.

Поступившая в редакцию статья проверяется на наличие некорректных заимствований. При обнаружении плагиата или самоплагиата статья исключается из номера на любом этапе подготовки выпуска.

Затем статья направляется на рассмотрение одному-двум членам редакционной коллегии. При необходимости к рецензированию привлекаются приглашенные эксперты. Имена рецензентов не сообщаются авторам. Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации. При положительном заключении рецензентов о качестве статьи она формируется в очередной выпуск.

Статьи не публикуются в авторской редакции. В случае необходимости внесения правки, ответственный секретарь журнала оповещает автора статьи о необходимости ее доработки. После внесения авторской правки силами редакционной коллегии выполняется редактирование текста.

1. Требования к оформлению статьи

1.1. Общие

- статьи принимаются в электронном виде, в формате doc, docx;
- объем статьи в пределах 20 000–40 000 знаков с пробелами (12–25 с.);
- страницы формата А4, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, остальные – 2 см., абзацный отступ – 1,25 см.

1.2. Комплектность статьи

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- тип статьи (научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, рецензия на книгу, и т.п.) в верхнем левом углу;
- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- DOI статьи в верхнем левом углу;
- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя, отчество и фамилия автора(ов);
- контактная информация об авторе(ах): место работы, электронный адрес, ORCID каждого автора(ов);
- аннотация (резюме) статьи на русском языке (100–250 слов);
- ключевые слова (5–7 слов на русском языке);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя и фамилия автора(ов) (английская транскрипция);
- abstract (резюме) на английском языке (100–250 слов);
- keywords (5–7 слов на английском языке);
- контактная информация об авторе(ах) на английском языке: место работы, электронные адреса, ORCID каждого автора(ов);
- основной текст статьи;

- список источников;
- список источников на латинице (References);
- дополнительные сведения об авторе(ах) (ученая степень, ученое звание, должность);
- сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов

1.3. Требования к оформлению отдельных элементов статьи

1.3.1 Заглавная часть

1.3.1.1. **ТИП СТАТЬИ** (научная статья, обзорная статья, рецензия на книгу и т.п.) в верхнем левом углу, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.2. **ИНДЕКС УДК** (универсальная десятичная классификация) слева, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.3. **ЗАГЛАВИЕ СТАТЬИ** на русском языке прописными (заглавными) буквами, шрифт полужирный, размер 14 пт., размещение по центру.

1.3.1.4. **ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ(АХ)** располагаются под заголовком – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине без абзацного отступа. Основные сведения об авторе содержат:

- имя, отчество, фамилию автора (полностью);
- наименование организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.);
- адрес организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (город и страна);
- электронный адрес автора (e-mail) приводится без слова «e-mail», после электронного адреса точка не ставится;
- открытый идентификатор учёного (Open Researcher and Contributor ID – ORCID); ORCID указывается в форме электронного адреса в сети «Интернет», в конце ORCID точка не ставится.

Наименование организации, её адрес, электронный адрес и ORCID автора отделяют друг от друга запятыми.

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>

В случае, когда автор работает (учится) в нескольких организациях (учреждениях), сведения о каждом месте работы (учебы), указывают после имени автора на разных строках и связывают с именем с помощью надстрочных цифровых обозначений:

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов^{1,2}

¹ Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>

² Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

Если статья написана в соавторстве, то имена авторов приводят в принятой ими последовательности; сведения о месте работы (учебы), электронные адреса, ORCID авторов указывают после имен авторов на разных строках и связывают с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений. При этом один из соавторов, ответственный за переписку, и его электронный адрес обозначаются условным изображением конверта *.

ПРИМЕР:

Иванович Иванов[✉], Петр Петрович Петров²

¹ Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

² Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>

Если у авторов одно и то же место работы, учебы, то эти сведения приводят один раз:

Иван Иванович Иванов¹, **Петр Петрович Петров²**

^{1, 2} Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

¹ ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

² petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>

Если авторов более 4, допускается приводить имена, отчества в форме инициалов и фамилии авторов. В полной форме эти данные, а также электронные адреса, ORCID помещают в этом случае в конце статьи вместе с дополнительными сведениями об авторах.

В случае написания статьи в соавторстве одного из авторов обозначают ответственным за переписку:

И.И. Иванов¹, П.П. Петров², В.В. Васильева³, Ф.Ф. Федоров⁴

^{1, 2} Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

^{3, 4} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

Автор, ответственный за переписку: Иван Иванович Иванов, ivanov@mail.ru

1.3.1.5. *АННОТАЦИЯ* статьи на русском языке (не менее 150 слов, но не более 250 слов) – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см, предваряется словом «*Аннотация.*» (**Abstract.**).

1.3.1.6. *КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА* (5–7 слов и словосочетаний на русском языке) предваряются словами «*Ключевые слова:*» («*Keywords:*») и отделяются друг от друга запятыми; после ключевых слов точка не ставится – шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см.

1.3.1.7. *ДАННЫЕ О СТАТЬЕ И ОБ АВТОРЕ(-АХ) НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ* (оформление такое же, как и в русском варианте).

Если статья написана на одном из национальных языков, то вышеперечисленные элементы издательского оформления сначала указываются на языке статьи, затем – на английском, потом – на русском языке.

1.3.2. Основной текст статьи.

Основной текст статьи в смысловом плане должен содержать авторское обоснование актуальности исследования, оценку состояния исследований по теме, краткую характеристику источников (материалов) и методов работы, собственно анализ и результаты исследования, выводы (заключение). Это необходимо, чтобы рецензенты и редакция могли быстрее и корректнее оценить ли представляемая работа оригинальным авторским исследованием, соответствует ли современному уровню исследований в данной области, отражает ли она умение автора свободно ориентироваться в существующем научном контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт, междустрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине;

1.3.3. Ссылки и список источников

В список источников включаются записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи. Ссылки на источники (литературу) в тексте статьи даются в квадратных скобках (указывается фамилия автора или начало заглавия работы, указывается год публикации работы, страницы приводятся через двоеточие): [Бархударов 1975: 31–33], [Актуальные вопросы... 2007: 140]; при ссылке на несколько источников

позиции отделяются точкой с запятой [Бархударов 1975; Новиков 2012: 35]. Названия, имеющие общепринятое сокращение, могут сокращаться, например, «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов» – АБКИЕА [АБКИЕА 1974: 200]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно двумя авторами, указываются оба автора [Караулов, Чулкина, 2008: 141]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и писать «и др.» [Караулов и др. 1999]. При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя латинские буквы a, b, c к году издания [Новиков 2012a], [Новиков 2012b]. Архивные источники в тексте раскрываются полностью: [РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 255. Л. 15].

Список источников приводится в алфавитном порядке после основного текста с заголовком по центру; один источник может упоминаться только один раз, набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине.

Библиографическое описание источников (литературы и интернет-источников) в списке дается в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008: при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге; при ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка; ссылка на периодическое издание дается следующим образом: Ф.И.О. автора. Название статьи // Название журнала. Год. Том (Vol.). №. Интервал страниц статьи.

Если в списке источников и литературы есть работы с DOI (Digital Object Identifier), то обязательным требованием является указание DOI в полном библиографическом описании работы: Тимижев Х.Т. О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // Кавказология. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

ПРИМЕР:

Список источников

Адыгэ псалъальэ 1990 – *Адыгэ псалъальэ*. Москва: Дигора, 1999. 860 н. (Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. 860 с.).

АИГИКБНЦРАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра. П. 1. П. 1.

Бархударов 1975 – *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

Дзамихов, Кажаров 2019 – *Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г.* О национальной государственности народов КБР: история становления и конституирования (начало 1920-х гг.) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 3 (42). С. 39–58.

Добричев 2013a – *Добричев С.А.* К вопросу о природе конверсных отношений в английском языке // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 1. С. 19–22.

Добричев 2013b – *Добричев С.А.* О прагматических аспектах в семантико-синтаксической категории конверсности // Филология и человек. 2013. № 4. С. 156–165.

КЫЩОКЪУЭ 2005 – *КЫЩОКЪУЭ А. ХЪУЭПСЭГЪУЭ* нур. Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 1. 600 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение: роман. Налчык: Эльбрус. Т. 1. 600 с.).

Караулов, Чулкина 2008 – *Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л.* Русская языковая личность. Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: учеб. пособие. М., 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (дата обращения 25.08.2015).

Къарачай-малкъар фольклор... 1996 – *Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М.* Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 б. (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 с.).

Конституция... 1918 – *Конституция* (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) [Электронный ресурс] // Электронный музей конституционной истории России: сайт. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (дата обращения: 18.08.2021)

Новиков 2012 – *Новиков В.И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // Медиаскоп. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (дата обращения: 12.12.2015).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
ТСРЯ 2007 – *Толковый словарь русского языка* с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.
Bassnett 2000 – *Bassnett S. Translation Studies*. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.4. Список источников на латинице (References)

Набирается с абзачным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине. Порядок должен сохраняться как в русском варианте.

В References вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации (**согласно стандарту BSI**). Транслитерацию можно осуществить на сайте <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке с вариантами выбираем **систему кодировки BSI**).

Фамилии авторов на русском языке (в том числе и для источников на национальных языках) печатаются прописными буквами. Транслитерированные названия работ выделяются курсивом (в случае, если источник на национальном языке, транслитерируется оригинальное название), далее в квадратных скобках следует их перевод (для источников на национальных языках переводу подлежат их русскоязычное название). Если работа снабжена также англоязычным названием, в данном случае следует использовать его.

Перед заглавием сборника, многотомного или продолжающегося издания, периодического издания, в состав которого входит описываемая работа, знак «//» следует заменить на «\N:». Все источники на русском или национальных языках приводятся с соответствующей пометкой (In Russian / In Kabardino-Circassian / In Balkar).

Названия журналов приводятся в транслитерации, если нет официального названия на английском языке.

Названия сборников, коллективных трудов и т.п., на статью из которых дается ссылка, приводятся сперва в транслитерации (курсив), затем в квадратных скобках следует перевод на английский язык. Все дополнительные сведения (составитель, ответственный редактор и т.п.) приводятся в переводе. Место издания должно быть указано полностью. Город, название издательства, указания на том, выпуск, коллекцию и страницы также указываются на английском языке. Источники на латинице транслитерации и переводу не подлежат.

ПРИМЕР:

References

Adyge psal'al'e [Dictionary of kabardino-chircassian language]. Moscow: Digora, 1999. 860 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)

Arhiv Instituta humanitarnyh issledovanij Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra [Archive of the Institute for the Humanities Research of Kabardian-Balkarian Scientific Center]. Folder 1. Passport 1. (In Russian)

BARHUDAROV L.S. *Yazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda)* [Language and translation (Questions of general and private theory of translation)]. Moscow: International relations, 1975. 240 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F., KAZHAROV A.G. *O natsional'noi gosudarstvennosti narodov KBR: istoriya stanovleniya i konstituirovaniya (nachalo 1920-kh gg.)* [On the national statehood of the peoples of the KBR: the history of formation and constitution (early 1920s)]. IN: *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta humanitarnyh issledovanii*. 2019. No. 3 (42). P. 39–58. (In Russian)

DOBRICHEV S.A. *K voprosu o prirode konversnykh otnoshenij v angliiskom yazyke* [On the question of the nature of conversion relations in English]. IN: *Yazyk. Kul'tura. Rechevoe obshchenie*. 2013. № 1. P. 19–22. (In Russian)

DOBRICHEV S.A. *O pragmaticheskikh aspektakh v semantiko-sintaksicheskoi kategorii konversnosti* [On pragmatic aspects in the semantic-syntactic category of conversion]. IN: *Filologiya i chelovek*. 2013. № 4. P. 156–165. (In Russian)

KESHOKOV A. *H"uepseg"ue nur* [Wonderful moment]: novel. Nalchik: Elbrus, 2005. Vol. 1. 600 p. (In Kabardino-Circassian).

KARAULOV YU.N., CHULKINA N.L. *Russkaya yazykovaya lichnost'. Integrativnyj aspekt v usloviyah mezhkul'turnyh kommunikacij* [Russian language personality. An integrative aspect in the context of intercultural communication]: textbook. Moscow, 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (date of treatment 25.08.2015). (In Russian)

K"arachaj-malk"ar fol'klor: hrestomatiya [Karachay-Balkarian folklore]: reader / compiled by T.M. Hadzhieva]. Nalchik: El-Fa, 1996. 592 p.). (In Balkar)

Konstitutsiya (Osnovnoi zakon) Rossiiskoi Sotsialisticheskoi Federativnoi Sovetskoj Respubliki (prinyata V Vserossiiskim S"ezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 g.) [Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets at a meeting on July 10, 1918)]. IN: Electronic Museum of the Constitutional History of Russia: website. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (access data: 18.08.2021). (In Russian)

NOVIKOV V.I. *Esse kak zhanrovaya dominanta novoj literaturnoj zhurnalistiki* [Essays as a genre dominant of new literary journalism]. IN: Mediaskop. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (date of treatment 12.12.2015). (In Russian)

Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient acts]. (In Russian)

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archives]. (In Russian)

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov [Explanatory dictionary of russian language with inclusion of information about origin of words] / edited by N.Yu. Shvedova. Moscow: Publishing center «Azbukovnik», 2007. 1175 p. (In Russian)

BASSNETT S. *Translation Studies*. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.5. Дополнительные сведения об авторе (авторах) указываются в конце статьи (после «Списка источников» и «References») под заголовком «Информация об авторе (авторах)», дублируются на английском языке («Information about the author (authors)») и могут содержать информацию об ученой степени, ученом звании, должности.

ПРИМЕР:

Информация об авторах

И.И. Иванов – доктор филологических наук, профессор;

В.И. Чупров – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

I.I. Ivanov – Doctor of Science (Philology), Professor;

V.I. Chuprov – Candidate of Science (History), Professor.

1.3.6. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, приводятся в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова «Вклад авторов:» («Contribution of the authors:»). После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.).

ПРИМЕР:

Вклад авторов:

И.И. Иванов – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы.

П.П. Петров – участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

I.I. Ivanov – scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions.

P.P. Petrov – participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions.

The authors declare no conflicts of interests.

Или:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Усл. печ. л.
13,8

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 283

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*